

The message

уральский 8 СЛЕДОПЫТ

АВГУСТ • 1991

В саду рос большой баньян. Висячие корни, те, что уже опустились до земли, дали новые побеги, и одно это дерево стало, как целый лес. В ветвях наверху прыгали обезьяны, а внизу, возле главного ствола, стоял маленький храм. В храме висел бронзовый колокол, «колокольчик», как его называет хозяин. Тыходишь, звонишь в колокольчик и загадываешь желание. Я загадала: «Снова приехать в Индию».

Я приехала снова, и еще не раз. Люди едут в Индию каждый за чем-то своим: кто посмотреть на развалины знаменитых храмов, кто в поисках экзотики, кто — в поисках души.

Я нашла в Индии Учителя.

Юлия Казарина

*Продолжение
на стр. 76*

The message

Учредители —
Союз писателей РСФСР,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудовой коллектив журнала
Издатель —
Средне-Уральское
книжное издательство

2
СЛОВО И ДЕЛО

После горячих речей на экологических митингах в Нижнем Тагиле, о которых узнала вся страна, в уральском городе создается автоматизированная система контроля за загрязнением воздушного бассейна.

М. Рафинов

4, 7, 9

НОВОЕ О НЕВЬЯНСКОЙ БАШНЕ

В. Слукин

ЗАГАДКА «ГМЕЛИНСКОГО» КЛАФ-
ТЕРА

С. Лясик

УПАДЕТ ЛИ БАШНЯ?

В. Лушников

Эти небольшие очерки уточняют историю создания и сегодняшнего состояния шедевра градостроения — башни в Невьянске.

10

РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ

Земная и небесная жизни Марии. Что было причиной ее богоизбранности?

А. Медведев

12

«ГЕНИАЛЬНЫЙ СЫН НИКИТЫ»

Второй очерк об Акинфии Демидове, главном продолжателе дела отца, владельце 25 уральских заводов.

Н. Мезенин

15

СТРАДАНИЯ ВЕЛИКОГО УЧИТЕЛЯ,
ГОСПОДА И СПАСИТЕЛЯ НАШЕГО
ИИСУСА ХРИСТА

Книга, оказавшаяся крамольной при всех государственных режимах. Целый век забвения.

Н. Блинов

20

ТЕЧЕТ РЕКА ЗЕМНОГО БЫТИЯ...

Стихи

С. Марченко

21, 57

МОЙ ДРУГ СИНДБАД-МОРЕХОД

Повесть

Удивительные морские истории, рассказанные Василием Ивановичем.

О. Мятелков

25

БЕЛЫЙ ШАРИК МАТРОСА ВИЛЬ-
СОНА. Фантастическая повесть. Окон-
чание

В. Крапивин

45

ГОРОД, КОТОРОМУ НИЧТО НЕ ГРО-
ЗИТ. Рассказ

«Казимир Иванович преподавал в средней школе основы разговорной речи растений...»

Т. Ветрова

53

ЗАОЧНЫЙ КЛФ

70

СТИХИ

Л. Сорокин

71

ДОЛЖНО БЫТЬ МЕСТО НА ЗЕМЛЕ...

Спокойствие и гармония, мир и доброта должны царить в городе граждан мира.

Ю. Лепский

76

THE MESSAGE

Встречи со Святославом Рерихом.

Ю. Назарина

77

ВЕРНИСАЖ

Коротко о самых интересных коллекциях мира.

78

СКАЗЫ О САМОЦВЕТАХ

Занятно о драгоценных камнях, их приключениях и роли в жизни великих людей.

Л. Варлашкина

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

По технической причине (плановый ремонт полиграфического оборудования) следующий, 9-й номер нашего журнала выйдет в стандартном книжном формате. Поэтому — и по заявкам читателей — он весь отдан третьему роману Э. Берроуза о Тарзане — «Тарзан и его звери». Четвертый роман этой серии будет опубликован в «Уральском следопыте» в 1992 году.

ВНИМАНИЕ!

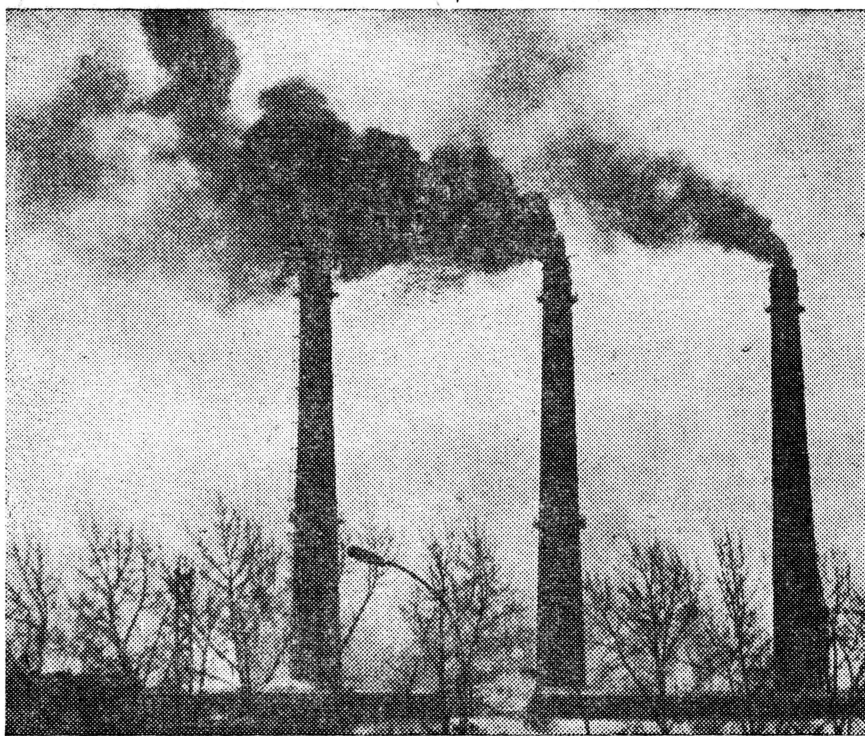
По независящим от редакции и понятным всем причинам в 1992 году стоимость одного номера журнала «Уральский следопыт» повышается до одного рубля двадцати копеек (1 руб. 20 коп.). Стоимость годовой подписки — 14 руб. 40 коп. Индекс 73413 по каталогу РСФСР.

уральский 8
СЛЕДОПЫТ АВГУСТ 1991

Слово и дело

Марлис
РАФИКОВ

После горячих речей на экологических митингах в Нижнем Тагиле, о которых узнала вся страна, в уральском городе создается автоматизированная система контроля за загрязнением воздушного бассейна

Нижний Тагил с воздуха так близко я никогда еще не видел. Довольно громоздкий самолет АН-30 летит на высоте всего 200 метров. Ниже нельзя, уже опасно. И так временами кажется: вот-вот заденем какую-нибудь заводскую трубу. Под нами проплывают громадины-дома, мартеновские цехи, коксовые батареи металлургического комбината. Впечатляют огромные производственные корпуса Уралвагонзавода, новые жилые кварталы «Алтайский», «Юность», «Пихтовые горы».

Так низко над городом самолет летает не ради любопытства людей, находящихся на его борту. Здесь — экологическая лаборатория, лазерный локатор. Его чуткий «глаз» через специальное окно в полу следит за состоянием воздуха в пространстве между самолетом и землей: испускает лазерный луч, который точно засекает все, что попадает на его пути. Прибор фиксирует общую загрязненность атмосферы частицами пыли, сажи и т. д., а информация поступает в вычислительный комплекс, который находится тут же, на борту самолета. Сюда посылают разведанные и другие приборы.

— Кроме лазерного локатора, установлен набор контактных датчиков, — говорит начальник летного отряда Г. Н. Толмачев. — Они находятся снаружи и используются для определения химического состава как взвешенных частиц, так и газов. Сначала мы летали, как, наверное, заметили, на высоте три тысячи метров по периметру города, где также брали пробы. Затем опустились на самый низкий маршрут. Все это для того, чтобы построить целостную картину загрязнения воздушного бассейна Нижнего Тагила. Наши данные будут отправными для организации наземной сети экологического мониторинга.

Самолет-лаборатория появился над городом по воле горисполкома, который заключил договор с Томским научным центром, точнее, с его фирмами «Экотехнология» и «Оптика», для создания единой системы постоянного контроля за состоянием воздушного бассейна крупнейшего промышленного центра Среднего Урала.

Для чего она нужна? Во-первых, мониторинг позволит в любое время знать ситуацию: где, когда, что и сколько выброшено в атмосферу. Ведь начиная с 1990 года, промышленные предприятия Нижнего Тагила вносят в местный бюджет плату за выбросы загрязняющих веществ. Эти штрафы исчисляются миллионами рублей. Примечательно то, что эти деньги пойдут только на проведение экологических мероприятий. Из них же будут возмещаться расходы (четыре с половиной миллиона рублей) по созданию городского мониторинга.

Во-вторых, будет польза, и про-

мысленным предприятиям города. Они оперативно и точно смогут узнавать объем и характер своих постоянных выбросов в воздушный бассейн, а также незапланированных залповых, которые всегда бывают связаны с нарушениями технологии.

Развертывание экологического непрерывного мониторинга — большая и сложная работа, которая не имеет аналога в нашей стране. Она рассчитана примерно на три-три с половиной года, то есть в конце 1993 года или в начале 1994-го полностью должна заработать автоматизированная система экологического контроля. Она имеет три уровня.

Первый уровень — это локационный. На господствующих над городом высотах будут установлены лазерные локаторы, в режиме кругового обзора круглосуточно они будут определять концентрацию аэрозольных загрязнений. Это позволит в любой момент установить наличие выбросов, их источники.

Следующий уровень — сеть датчиков, которые устанавливаются на трубах, других объектах, расположенных на экологически «горячих» точках. Информация от них, как и от лазерных локаторов, постоянно будет поступать на центральный вычислительный комплекс.

Туда же будет посылать свои сигналы и третий уровень системы — передвижная автоматизированная лаборатория, которая снабжена большим набором приборов. Она станет

работать или в режиме патрулирования, или же будет появляться в наиболее неблагоприятных в экологическом отношении районах. Вот такая трехэтажная система позволит точно и оперативно контролировать экологическую обстановку.

Тагильчане наверняка обратили внимание на вездеходы-фургоны, на борту которых выведено «Экологическая лаборатория». Обе машины, объединенные в лабораторию, имеют томские номера и надписи о принадлежности к фирме «Экотехнология». Была сделана, как говорится, первая разведка боем, то есть в различных районах города проведены замеры, нужные для создания мониторинга.

...С лабораторией я познакомился на территории магнитно-обогащительной фабрики № 1. Там, где стояли машины, несмотря на зиму, кругом была черная земля, черные корпуса с темными окнами, в которые дневной свет пробивается с трудом. В воздухе витала пыль, невидимо пузырились вредные газы. Дышалось трудно. Видно, поэтому томичи в основном сидели в машинах и лишь изредка выбегали, чтобы поправить тот или иной датчик.

Разговор с руководителем этой научной экспедиции В. А. Корольковым начался вот с такого диалога:

— Вы уже поняли, что воздух в Тагиле — не конфетка?

— Да. Это ясно и без наших приборов, — ответил Владимир Александрович. — Наши сотрудники шу-

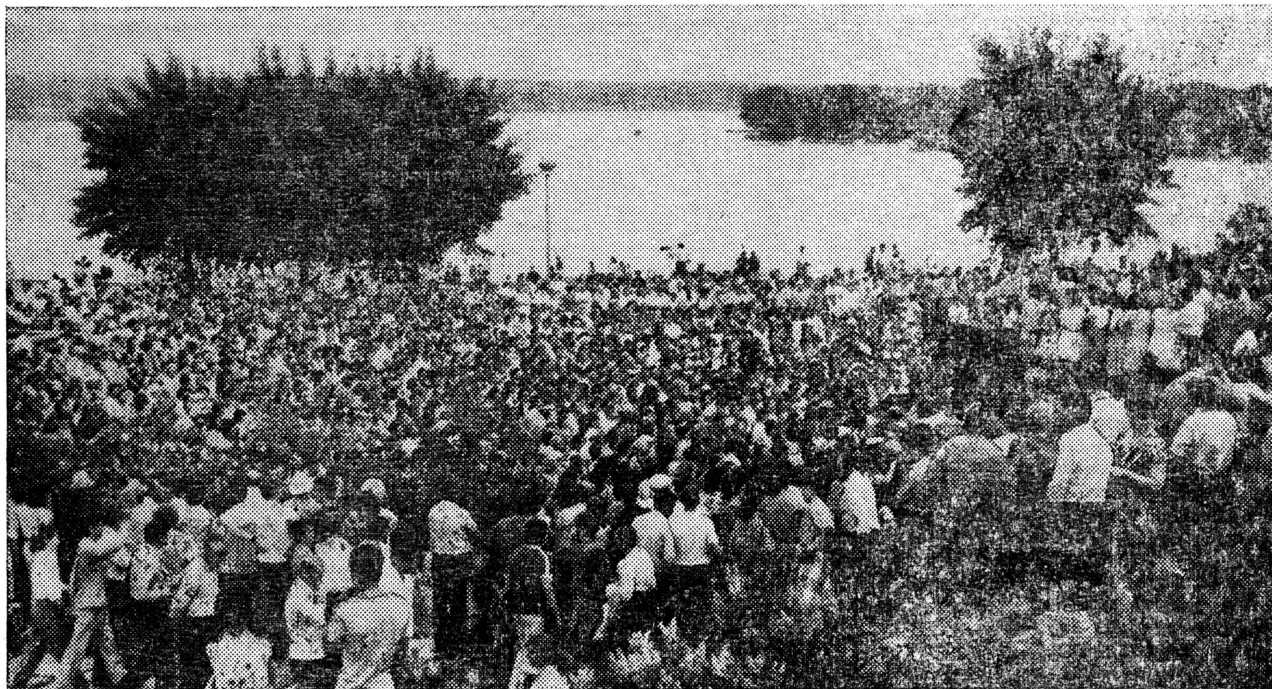
тят, что надо было с собой привезти противогазы...

В фургоне тесно и от приборов, и от научных сотрудников. Корольков знакомит меня с аппаратурой:

— Вот приборы для контроля газовых загрязнений. Они позволяют определить 100—150 компонентов, содержащихся в воздухе. Есть приборы для установления аэрозольных соединений. Мы определяем и радиационную обстановку по гамма- и бета-излучениям. Следующий комплекс приборов — это автоматизированная метеосистема. Полученная с самолета и с земли информация нужна для создания нужного количества постов контроля. Чем они точнее будут расположены, тем выше качество контроля загрязнения воздушного бассейна города.

Да, томичи взялись за трудное дело всерьез. Напомню еще раз: такой экологический мониторинг в нашей стране создается впервые.

Фото автора

НОВОЕ О НЕВЬЯНСКОЙ БАШНЕ

ТАЙНА ГЛАЗАМИ ИНЖЕНЕРА

Есть ли у башни сестры?

Те, кто бывал в Невьянке, знают, что нынче башня плотно обстроена. С трех сторон ее «обхватила» котельная с тяжелой железобетонной эстакадой, по которой когда-то подавался уголь к топкам. Обстройка башни началась, пожалуй, с 1915 года, когда совсем близко от нее построили паросиловую станцию, а саму башню включили в ограду «псевдокрепостного» стиля.

До этого времени на протяжении почти двух столетий Невьянская башня была одинока. Это хорошо видно на рисунке 1735 года из книги В. Геннина «Описание уральских и сибирских заводов». Изображенное подтверждается планом Невьянского завода, составленным в середине XVIII века. Башня стояла практически на берегу пруда — не более 15—18 метров от кромки воды. Легенда утверждает даже, что смельчаки прыгали с башни в воду. До ближайших строений — амбаров — было почти 40 метров. А еще дальше, за амбарами, располагался дом-дворец резиденции Демидовых. В семидесятых годах прошлого века о нем писал журнал «Русский архив»: «...Этот дом существует до сих пор и простоит, вероятно, многие еще десятки лет (снесен в наши шестидесятые годы — В. С.). Он выстроен весь из камня, железа и дуба. Стены двухаршинной толщины (около 1,5 метра — В. С.), и ничто в нем не изменилось со времени первого владельца. Узкие окна, узкие чугунные лестницы, поставцы в стенах, балконы, на которых может стоять один лишь человек, все напоминает о давно протекших днях».

Какой прекрасный ансамбль могли бы составить башня и этот дом-дворец! А почему его не получилось? Давайте поразмышляем... Еще в раннем средневековье зародился тип богатого дворцово-крепостного жилья-резиденции, в котором наряду с невысокими зданиями присутствовали высотные объемы типа башен. В русском теремом строительстве выделялись башни-повалуши. В хоромах Строгановых в Сольвычегодске их было три, самая большая достигала высоты 43 метра. Эту постройку могли видеть первые Демидовы, проезжая в свою невянскую вотчину через строгановские земли. Но строгановские повалуши (как и многие другие в подобных ансамблях) были круглыми в плане и совсем не напоминают башню, что построена в Невьянке.

Здесь-то и уместно обратиться к особенностям эпохи. Кончилось «тишайшее» время России, забурлил петровский век, прорубивший окно на Запад. Европейские новшества потекли в страну, оставляя свой след на всем: промышленности, хозяйстве, культуре. Не избежали нововведе-

ний строительство и архитектура. Град Петра на Неве совсем не походил на старые русские города, лепившиеся вокруг острогов, а его строения мало напоминали прежние терема и хоромы. Точно так же и Невьянская башня не походила на строгановские повалуши и не имела прямых аналогов в русском зодчестве. Есть лишь косвенные. Вот описание «башни с воротами и палатою», сделанное в XVII веке:

«...Башня каменная, у нее трои ворота проезжие мерою в вышину и в ширину по полтрети сажени. На воротах палата без мосту мерою в длину 4-х сажень с аршином и с четыю аршина, поперек — 4 сажени с аршином, а в ней 8 окошек. На верху палатка же круглая (восьмигранная, многогранные и равносторонние объемы в старину назывались круглыми — В. С.) без сводов. Потолок деревянный, покрыт шатром в два теса со скалюю. Наверху орел и тулья и яблоко опаяно белым немецким железом. Кругом палаток перила каменные с растесками и образцами ценными. На той башне 7 колокол весом неведомо, да часы — у них 8 колокол, что бьют перечасье...»

Это описание проезжей башни дворца в Измайлове. Если посмотреть на башню в разрезе, то видна внутренняя лестница, полости в стенах первого этажа. Это и есть тип башенных построек в России XVII века, так называемый «московский тип». Эта башня и могла стать основой, а вот высоту, многоэтажность и величественную стройность Невьянской башне сообщили ее европейские сестры.

Семиярусные высотные сооружения в европейском строительстве появились в XII—XIII веке. Есть целая группа старых башен, называемых лимузенскими — по району на территории Франции. Они начинаются квадратным в плане четвериком, а затем с шестого яруса (точно как в Невьянской башне!) переходят в восьмерик. Высота лимузенских башен составляет 55—60 метров (Невянская башня равна примерно 57 метрам). Лимузенские башни тиражировались в Европе, а потому могли привлечь внимание русских людей, командированных Петром I за границу. Башни из Лимузена — тоже не точный образец для Невьянской, но общего много. Если это общее соединить с чисто русскими традициями, то получится то, что выстроено в Невьянке.

Интересна еще одна параллель. В Амстердаме есть так называемая «Башня слез». Опять же точного сходства с Невьянской у нее нет, но по общей структуре они поразительно похожи. Словом, форма Невьянской башни ушла от формы традиционных повалуш XVI—XVIII веков и приобрела облик, синтезированный из элементов русских и европейских башен.

Почему башня одинока?..

А как же быть с ансамблем? Тут можно предполагать следующее. Демидовы хотели поставить прямо на берегу роскошный дом-резиденцию с башней. Если мы на старом плане XVIII века мысленно передвинем дом на участок вблизи башни, то получим ситуацию, которую, возможно, намечали Демидовы. Здесь было много преимуществ: прекрасный вид на пруд, защищенность двора от северных и западных ветров, возможность постоянного обозрения плотинного хозяйства — этого энергетического сердца всего завода, и домен, как главного элемента, дающего конечную продукцию.

Строить начали с башни. Ее подняли примерно до двух третей четверика, как вдруг она стала наклоняться из-за неравномерной осадки. Скорее всего, со стороны наклона сваи не дошли до материковых пород, а, может быть, попали в «карман» пластичных глин и зависли, не найдя опоры. Так или иначе башня стала кривиться. Почему мы говорим о построенных перед наклоном двух третях четверика? Дело в том, что магнитометрическим анализом кирпича установлено: до этой отметки кирпич менялся, очевидно, представляя партии разного качества, но после нее кирпич явно другой. Наверное, достраивали четверик уже с наклоном, а затем строительство на год или два прекратилось. Какое-то время наклон шел динамично, и это пугало, потом процесс замедлился.

Есть на территории старого Невьянского завода точка, откуда можно видеть, что восьмерик башни пытались уравновесить наклон четверика, как бы «загибая» восьмериковую часть в сторону, противоположную наклону. Поэтому с этого участка восьмерик похож на гнутую сардельку. Это еще одно доказательство того, что Невьянскую башню не строили специально наклонной. Но именно наклоняющаяся башня и решила судьбу ансамбля — Демидовы не рискнули что-либо строить на этом участке. Торжественные и парадные хоромы, затмевающие строгановские данью новшества, не состоялись. Дом, где жили заводчики, и их контора остались на прежнем месте, подвергаясь пожарам, восстановлению и перестройкам. Вероятно, после пожаров, на этом месте, удаленном от берега и безопасном от коварства грунтов, и был построен тот самый дом-дворец. Ансамбль разорвался на две части. И это, возможно, одна из причин появления подземного лабиринта в недрах территории старого завода.

Ансамбль должен был быть единым не только в наземной, но и в подземной части. Глубокие подвалы дома должны соединяться с башней. Разделение башни и дома на земле не должно порвать их связь под землей — вот где, на наш взгляд, начало подземным «хитростям» Демидовых на территории их Невьянской вотчины. К башне из дома-резиденции пролегал подземный ход. Между башней и домом, ближе к дому, возведены капитальные амбары с погребями (о них со слов очевидцев, побывавших там, свидетельствовал В. Г. Федоров в своей книге «Тайны Невьянской башни»). В эти погреба по узким проходам можно было попасть из подвалов дома. Дальше, из погребов, к башне и уходил тоннель, попадая сначала в те легендарные подвалы «под башней», которые располагались с восточной стороны. В 1980 году при разборке крыльца башни обнаружили свод из старого демидовского кирпича. Свод принадлежал подземному помещению, доверху засыпанному землей и мусором. Часть этого помещения уходила под стену котельной и, вероятно, была разрушена при постройке ее фундаментов. Однако сам тоннель, оказавшийся вблизи стены паро-силовой станции 1915 года, мог вполне сохраниться. Подземная связь соединила разрушенные башню и дом Демидовых. Вместо одного центра — несостоявшегося ансамбля, — от которого лучами отходили бы подземные ходы к конторе, медной фабрике, церкви, караульному помещению и к другим явным и тайным объектам, получилось два. И от каждого пришлось

тянуть подземные связи, замыкая многоугольник скрытого лабиринта.

Тайниковые «страсти»

То, что в толще массивных стен Невьянской башни полным-полно всяких тайников и замуровок, никому и никогда не казалось сомнительным. В легендах, и даже в свидетельствах «очевидцев» упоминались пустоты в кладке стен, где до сих пор сохраняются рассыпанные среди скелетов рубли демидовской чеканки или замурованные тайники с секретными архивами...

Конструктивное основание этим легендам и слухам было: в нижней части четверика толщина стен доходит до 1,78 метра, в верхней — до 1,5 м, восьмерик имеет стены потоньше, поэтому с ним тайны не связывают. Действительно, была внутрстенная лестница, ведущая в так называемую «лабораторию», минуя один ярус. Логично было предположить, что она не одна, что другие такие же лестницы служили для тайного спуска в подземелья или подъема на другие ярусы. Основания для предположений были. Известная внутрстенная лестница оканчивается небольшой площадкой перед дверным проемом в «лабораторию». Эта площадка несколько продолжается в глубину внутренней стены по направлению к внешней северо-восточной стене. Образуется некий тупичок, наводящий на мысль, что за ним есть заложённая полость, возможно, рукав другой лестницы. Видимо, так размышлял В. Г. Федоров, проводивший обследование башни в середине 50-х годов. Сил на разборку предполагаемой закладки не нашлось, поэтому исследователь решил пробиться в полость... ломом. Тяжелый лом так и увяз в кирпичной кладке, не встретив искомую пустоту. Он торчал там несколько десятилетий, как знак неразгаданной тайны, пока весь коварный тупичок не заложили камнем.

Идея использования при изучении стен Невьянской башни неразрушающих методов исследования появилась в начале 80-х годов. Первым был разработанный в Свердловском архитектурном институте метод «электротени». Смысл его в том, что в толще стены образуется электрическое поле, которое фиксируется на поверхности стены. Если кладка однородна, то конфигурация поля будет однородна. Если в стене пустота или какое-либо включение, например, металл, то получится аномалия поля, своеобразная электрическая тень объекта.

И вот исследуется та самая таинственная стена, в которой застрял лом В. Г. Федорова. Именно в этой таинственной стене электрическое поле вело себя спокойно. Значит, все-таки лестницы нет?

В стенах подвального яруса все было по-другому. В юго-западной стене обнаружилась аномалия, точь-в-точь соответствующая пустоте. Вот она, синяя птица! Вот они, скелеты в оковах! Длинным тонким буром, насаженным на дрель, забурились в толщу стены прямо по центру выявленной аномалии. Шестьдесят сантиметров шел бур по кирпичной кладке и вдруг резко двинулся, на мгновение не встретив препятствия. Но только на мгновение. Потом он уперся в плотный кирпич, повертелся в нем, исчерпав запас своей длины. То, что обнаружилось, оказалось пострашней скелетов — внутреннее расслоение кладки. На глубине около 60 сантиметров была коварная пустота шириной почти 4 сантиметра. Это очень опасная щучка. Она преследует многие старые постройки, особенно тогда, когда они находятся в несвойственных им условиях эксплуатации: вибрация, повышенная влажность, ненужные перестройки, и многое другое. Романтика поиска привела к прозаическому и серьезному выводу: башня больна, требуется немедленное вмешательство, чтобы сохранить этот уникальный памятник архитектуры.

При дальнейших исследованиях, в которых использовались сейсмоакустические методы, установили, что на высоте 3—4 метров от поверхности земли кирпичная клад-

ка пропитана влагой. Глубина увлажнения составляет более чем 0,5 метра с внешней и внутренней стороны стен. Значит, внутри остался «сухим» только слой толщиной примерно 70 сантиметров, который и держит на себе весь массив башни. Спасибо демидовскому кирпичу! Он оказался материалом просто фантастической прочности — недаром каждый кирпич для проверки сбрасывали с личной высоты на твердое основание. В кирпиче, как показали магнитометрические наблюдения, много железа. То ли глину брали такую, то ли все решали какие-то добавки, оставшиеся тайной.

Сейсмоакустическими методами была обследована нижняя часть четверика. В его стенах был обнаружен вентиляционный канал (или дымоход), несколько неоднородностей в кладке, связанные с поздними закладками при ремонтах. Стены 2-го и 3-го яруса отзывались на сейсмоакустические импульсы как цельные и монолитные конструкции — на полосты не было намеков.

Сейсмоакустика позволила оценить прочность стен. Что же оказалось? Кирпичная кладка нижней части четверика состоит из ослабленного рыхлого кирпича пониженной прочности — еще один сигнал о болезни башни.

Но вернемся ояты же к тайникам. Поиск почти идеального неразрушающего способа привел к теплофизическим методам. Они изучают тепловые потоки, проходящие через стены, и фиксируют изменения температуры с точностью до одной сотой доли градуса. Внешне тепловизор прост: прибор, похожий на обычную 8-миллиметровую любительскую кинокамеру, но внутри имеется особая оптоэлектронная система, фиксирующая инфракрасное излучение, и блок, наноминающий маленький автомобильный телевизор. Всякая неоднородность, будь то полость, трещина или какой-нибудь разнородный по сравнению с кирпичной кладкой материал, будет выделяться в тепловом потоке, что и отразится на экране, а затем зафиксировается на фототермограммах.

Что же дала их расшифровка? Для исследователей, вэлектризованных тайниками, результат самый неожиданный: нет тайников в стенах Невьянской башни, нет крупных полостей, замурованных ниш и проходов.

И все же... Все же маленькая зацепка появилась. Анализируя фототермограммы, доцент Свердловского архитектурного института кандидат технических наук Г. М. Захарикова обнаружила интересную ситуацию. На одном из участков стены в старой и хорошо отличаемой визуально замуровке было слегка прикрытое отверстие, сообщающееся с теплым воздушным пространством котельной. А рядом, но уже в структуре другой стены, внутренней, разделяющей два помещения этого яруса, тоже угадывалась тепловая аномалия. Как будто бы внутрь этой стены неизвестными путями подал теплый воздух из этой котельной и скапливался в каком-то образовании, напоминающем полость. Когда сопоставили поэтажные планы, то выходило совсем любопытно: эта внутренняя стена — та самая, в которой ярусом выше был загадочный тупичок, продолжавший внутрисконную лестницу. Так что же, значит все-таки была вторая внутрисконная лестница? Давайте предположим это, но с единственно возможным допущением — она была целиком заложена еще в старину. Остались какие-то пустоты в закладке, а в них проникал воздух котельной, вероятно, через трещины или через другие техногенные отверстия, вырубленные в кладке для нужд современности.

Оставим Невьянской башне хотя бы одну маленькую тайну.

Волшебство акустики

Старые мастера владели множеством производственных секретов, передавали их из поколения в поколение. Один из таких «секретов» — акустический эффект в помещениях.

Один из ярусов четверика Невьянской башни представляет, на первый взгляд, обычную комнату, разве что имеющую сводчатый потолок. Но комната эта «хитрая». Если два человека встанут в противоположные углы каждый лицом в угол, и один из них будет еле слышным шепотом произносить слова, то другой не только их услышит, но почувствует, что звук буквально обрушивается на него, а разборчивость слов такая, словно шепчут их прямо в ухо. Есть свидетельства, что «слуховая» комната была не единственной в демидовской вотчине. Как говорят предания: «...Демид, он все слышал...»

Вопрос: можно ли разгадать акустические чудеса «слуховой» комнаты Невьянской башни, давно занимал исследователей. Научные сотрудники и студенты Свердловского архитектурного института не стали полагаться на человеческое ухо, а вооружились чувствительными акустическими приборами. Результаты исследований подтвердили предположение: звук распространяется вдоль сводчатой поверхности потолка, как бы стелется, скользит по своду, практически не отражаясь и не поглощаясь на своем пути. Причем звук идет вдоль оси свода достаточно узкой полосой, ширина которой примерно 50—60 сантиметров. Когда эту полосу перекрыли звукопоглощающим экраном, «слуховая» комната сразу превратилась в обычную — без всяких акустических загадок. В этом и разгадка. Природа акустического эффекта «слуховой» комнаты Невьянской башни заключается в особой геометрии сводчатой поверхности, а также в соотношении высоты свода и размеров комнаты. Оказалось, например, что сечение свода не вписывается в правильную окружность, свод чуть приплюснут и скорее образован эллиптической поверхностью, что еще более способствует «скольжению» звука.

Может быть, выводы исследователей так бы и остались лишь новыми свидетельствами уникальности Невьянской башни, но один случай позволил получить интересные данные. Экспедиция Свердловского архитектурного института работала на территории кремля в Ростове Великом. Совершенно неожиданно обнаружилось, что большое помещение на одном из этажей Водяной башни кремля обладает такими же акустическими особенностями, что и «слуховая» комната Невьянской башни. Причем это помещение по размерам в несколько раз превосходит «слуховую» комнату, а перекрыто сводом того же типа. Похоже, что в том и другом случае проявилось знание одних и тех же приемов строительства, а может быть, и прямая преемственность строительного опыта. Возникает мысль, не владели ли старые мастера определенным строительным модулем, то есть соотношением параметров сводчатых помещений независимо от их размеров, которое и определяло акустические свойства?

Для чего нужны были помещения с акустическими секретами? Вот одно из возможных объяснений. Представим себе боевую башню во время осадного боя. Как управлять обороной в грохоте битвы, как отдавать команды так, чтобы они поступали по назначению, не теряясь в общем шуме? Конечно же, по звуковым дорожкам и полосам, которые для этой цели и «проложили» строители. Невьянская башня совсем не предназначалась для обороны. Поэтому появление в ней «слуховой» комнаты скорее всего объясняется данью строительным традициям, «попаданием» в акустический модуль. И еще: башня задумывалась талантливой головой и делалась умелыми руками. Тут можно крепко поспорить с Иоганном Георгом Гмелиным.

Загадка «Гмелинского» клафтера

Станислав
Лясик

Самое раннее упоминание о Невьянской башне находим в книге академика И. Г. Гмелина «Путешествие по Сибири с 1733 по 1743 годы», опубликованной на немецком языке в Геттингене в 1751—1752 годах. Академик сообщает о каменной колокольне 28 клафтеров (сажен — С. Л.) высотой, «на которой имеются ударные часы и колокольная музыка».

В 1767—70 годах невянский приказчик Григорий Махотин в своей рукописной «Книге мемориальной о заводском производстве» пишет о каменной башне «длиною и шириною равномерно по 4 сажени с аршином, вышиною и со шпцем 27 сажен». Эта высота равна сумме высот четверика башни, трех восьмериков на нем и шпца. Последний представлен кирпичным шатром с металлическими флюгером и молниеприемником громоотвода, который называют «шаром-солнцем».

Путешествовавший по России в 1770 году академик П. С. Паллас при описании Невьянского завода упомянул и «каменную колокольню двадцати семи сажен вышиною с колокольною музыкою».

После этих сообщений однозначного мнения о высоте башни не было. Многие путешественники и вообще молча обходили этот вопрос. Только автор справочной книги «Урал Северный, Средний, Южный» (1917 год) Ф. П. Доброхотов определил высоту башни по Гмелину — в 28 сажен. Какая же все-таки высота башни?

Сначала надо оговориться, что значение русской сажени и немецкого клафтера было не одинаково.

Некоторый порядок в российской системе мер начал вводиться с «Уложения» 1649 года, установившего новую трехаршинную сажень, названную «царской». В аршине содержалось от 68 до 71 сантиметра. Со времен Петра Первого (1672—1725 годы) и на протяжении всего XVIII века русские меры согласовывались английской системой мер. При этом аршин равнялся 28 английским дюймам и согласно метрической системе составлял 71,12 сантиметра. Царская сажень оказалась равной 2,1336 метра и стала официальной мерой длины. Однако наряду с ней долго еще сохранялись меры местного происхождения: маховая сажень — расстояние между концами пальцев распрямленных рук, считавшаяся за 2,5 аршина (1,78 метра); косяя сажень — «от пята левой ноги до конца пальцев поднятой правой руки» (2,75 аршина, или 1,95 метра).

Какой же саженью измерял башню приказчик Махотин?

В сентябре 1985 года автор этого очерка измерил рулеткой длину юго-восточной стенки квадратного четверика башни. Она оказалась равной 9,30 метра. По Махотину длина каждой стороны четверика составляет 4 сажени 1 аршин. Применяя полную длину «царской» (петровской) сажени и аршина, находим, что длина каждой стороны четверика равна 9,2456 метра. А это практически совпадает с нашим замером. Значит невянский приказчик оперировал петровской саженью, и высота башни составляет 57,6072 метра.

На Махотина ссылались и некоторые советские исследователи башни, например, свердловский историк В. Г. Федоров. Его очерк о Невьянской башне, опубликованный во втором номере журнала «Уральский следопыт» за 1958 год, был дважды переиздан отдельной книгой под названием «Тайны Невьянской башни». Здесь впервые башня описана подробно — по результатам обследования ее в натуре и по архивным и литературным источникам. Принимая высоту наклонной башни по Махотину — 57,5 метра, В. Г. Федоров, однако, не разъясняет, какая это высота: истинная или фактическая по вертикали.

По замерам архитектора Р. П. Подольского оказывается, что высота башни 57,17 метра. Она определена по трем сторонам (кроме стороны с крыльцом). При заметном наклоне башни на юго-юго-запад следовало бы ожидать, что фактическая ее высота по вертикали с этой стороны должна быть наименьшей по сравнению с высотами по другим сторонам. Но этого-то в материалах Р. П. Подольского как раз и не наблюдается. А раз все замеренные с трех сторон высоты одинаковы, то вывод может быть один: это — истинная высота башни.

Судя по чертежам, Р. П. Подольский взял высоту от обреза фундамента башни до середины «шара-солнца». Но ведь только до середины! А если к этой высоте прибавить еще и радиус шара (около 15 сантиметров) и иглу громотвода над шаром в несколько десятков сантиметров, то истинная высота башни и окажется равной 57,6 метра, то есть высоте, указанной еще Махотиным.

Несколько иные данные были получены в 1977—1979 годах группой сотрудников Уральского политехнического института под руководством кандидата технических наук В. В. Лушников. При замере теодолитом вертикальной высоты от основания четверика до середины «шара-солнца», венчающего металлическую ось флюгера над кирпичным шатром¹, она оказалась равной 54 метрам. Эта высота башни приводится и доктором геолого-минералогических наук Е. М. Пашкиным в книге «Диагностика деформаций памятников архитектуры», вышедшей небольшим тиражом в Москве в 1984 году.

Автор этих строк вместе с невянскими краеведами А. И. Саканцевым и Л. М. Мамоновым осенью 1985 года измерил рулеткой высоты четверика и трех восьмериков башни по вертикали. Суммарная их высота составила 46,06 метра. Это близко к результату Р. П. Подольского — 46,36 метра и очень далеко от результата, полученного группой Уральского политехнического института — 42,64. Ясно, что при разнице почти в четыре метра верить приходится не теодолиту, а более надежному инструменту — рулетке. Тем более, что при истинной высоте 57,6 метра фактическая вертикальная высота наклонной башни в 54 метра не реальна, ибо в таком случае проекция вершины ее оси вышла бы далеко за пределы площади основания, и башня давно бы обрушилась.

Но вернемся к данным, полученным Махотиным в 1770 году. Уместно предположить, что высоту башни он не измерял, а воспользовался сведениями из старых документов, которые сохранились на Невьянском заводе в течение XVIII и XIX веков.

¹ Во время реставрации башни в 1970—1971 годах «шар — солнце» был установлен на самом конце оси флюгера. До этого он располагался примерно на четверть метра ниже.

Анализируя силуэт башни, архитектор Р. П. Подольский установил, что если принять за единицу измерения длину стены квадратного четверика, то при высоте башни по Махотину без односаженного металлического шпица весь силуэт с кирпичным шатром математически точно вписывается в прямоугольник, образованный по высоте из шести квадратов: $(57,6072 \text{ м} - 2,1336 \text{ м}) : 9,2456 \text{ м} = 6,0000$.

Мало вероятно, чтобы такая идеальная (до долей миллиметра) шестикратная высота по вертикали (по отношению к длине стороны четверика) могла быть измерена Махотиным в 1760-х годах или сразу после завершения строительства. Значит, высота в 27 сажень представляет собой первоначальную (истинную) высоту, указанную в заводских документах. Ее-то и привел Махотин в своей «Книге мемориальной». Не исключено, что и академик Гмелин использовал те же заводские первоисточники.

А что же представлял собой немецкий клафтер в XVIII веке, и в каких клафтерах указана высота башни в книге Гмелина?

Оказывается, в то время немецкая мера длины «клафтер» в разных княжествах была различной: в Баварии он равнялся 1,75—2,92 метра, в Ганновере — 1,74—2,03, а в Виртемберге — 1,71—1,88 и т. д.

Если бы Гмелин пользовался привычным ему с детства (родился в герцогстве Виртемберг) тамошним клафтером, то высота Невьянской башни (28 клафтеров) оказалась бы равной 52,64 метра. Подобная высота не могла быть ни истинной (она известна — 57,6 метра), ни фактической по вертикали, ибо такая башня тоже бы упала.

Можно еще допустить, что издатели книги Гмелина могли применить свой геттингенский клафтер, равный 1,75 метра. Но тогда высота башни оказалась бы еще меньше — всего 49 метров. Такой высоты башня тоже иметь не могла.

Значит, ни виртембергский, ни геттингенский клафтеры в книге Гмелина не фигурируют. Тогда выскажем следующее предположение.

Будучи в Невьянке проездом из Сибири в Петербург, Гмелин долго здесь не задержался. Он посетил затем поочередно Нижнетагильский, Выйский, Лайский, Шуралинский, Бынговский заводы и каждый из них кратко описал. Однако нигде в его книге не сообщается, чтобы он проводил какие-либо работы, кроме осмотра, бесед с людьми, ознакомления с заводскими бумагами. Значит, и высоту Невьянской башни он, наверняка, не измерял, а нужные сведения взял из заводских документов. Высоту, как и Махотин, он указал первоначальную расчетную — 27 русских сажень (57,6 метра). Теперь, разделив ее на 28, получим значение одного «гмелинского» клафтера — 205,74 см.

Просмотрев свыше двухсот значений клафтеров, убеждаемся, что «гмелинский» образован из так называемого лейпцигского локтя — 205,68 сантиметра. Он употреблялся главным образом в крупнейшем городе Саксонии — Лейпциге. Но почему в книге, изданной в нижнесаксонском городе Геттингене, фигурирует лейпцигская мера длины?

Оказывается, Лейпциг был одним из крупнейших торговых центров и приобрел известность своими ярмарками. А с XVIII столетия он становится средоточием книготорговли и просветительства («Парижем в миниатюре» назвал его Гете). Возможно, что для удобства продажи в Лейпциге книг, отпечатанных в разных княжествах, одним из условий могло быть употребление в них только лейпцигских мер длины, веса, объема...

Значит, и Гмелин, и Махотин, и Паллас отмечали в XVIII веке высоту Невьянской башни в 57,6 метра не как фактическую по вертикали, а как истинную. Эта высота оказывается ровно в шесть раз больше длины стороны четверика, что позволяет рассматривать ее как заранее рассчитанную, то есть проектную. А раз так, то можно вполне уверенно предположить, что уникальнейший архитектурно-исторический памятник возводился по проекту незаурядного строителя-архитектора.

Упадет ли БАШНЯ?

Владимир
ЛУШНИКОВ

Падающая Пизанская башня старше нашей почти на 600 лет, но о ней известно буквально все: фамилии заказчиков, архитекторов, откуда мрамор брали на строительство, когда и как она наклонилась... А у Невьянской неизвестен даже год постройки — то ли 1725-й, то ли 1742-й! Не говоря уже о фамилии архитектора. Удивительно, как она вообще уцелела. Ее ведь уже не раз могли снести. И неизвестно было бы, кто приказал...

Невьянскую башню строили возле небольшой речки, впадавшей в нынешний пруд. Грунты под башней постепенно ухудшались в сторону этой бывшей речки, и башня по мере строительства наклонялась в ту же сторону. А невянские строители, как и пизанцы 600 лет назад, продолжали строить башню вертикально, как бы не обращая внимания на наклон.

Вот почему обе сестры по форме своих стволов похожи на деревья из «пьяного» леса. Представим себе лес, растущий на медленно сползающем склоне. Дерево сползает, наклоняясь вместе со склоном, и в то же время продолжает расти. Какой-то загадочный вестибулярный аппарат направляет рост дерева строго вверх. В результате ствол дерева, как и наших башен, становится с годами саблевидным. По этой саблевидности можно многое узнать о судьбе дерева и склона. Но если дерево перестало расти, тогда и верх его с годами начинает тоже отклоняться от вертикали по мере сползания склона.

Вот здесь и есть момент истины! Значит, если предположить, что вершину башни достраивали строго вертикально, то по градусу ее отклонения набежало за время от окончания строительства до сегодняшнего дня. И если отклонить башню на по градусу назад, мы получим положение ее на момент окончания строительства.

В начале 60-х годов за положением башни наблюдал геодезист В. Ю. Скульский, а в конце 70-х — М. Г. Релин. По данным этих наблюдений осадка башни продолжается и сейчас. Скорость ее составляет около 0,9 миллиметра в год. Так вот, если соотнести запас устойчивости тогда и теперь со скоростью осадки сегодня, то можно

утверждать, что Невьянская башня исчерпает запас своей устойчивости к 2250 году. Конечно, если все и дальше пойдет так, как идет сейчас.

Точно такой же расчет подводит Пизанскую башню к последней черте на 100 лет раньше.

Можно, конечно, снисходительно улыбаться, прочитав мои предсказания, мол, на такое время не трудно сделать и куда более смелые прогнозы. Пусть это будет одна из возможных гипотез, попытка привлечь внимание общественности к уникальному памятнику, к необходимости его защиты.

А если вдруг окажется, что здесь все верно — что тогда? Давайте на миг прищуримся и заглянем чуть-чуть вдаль. Автор видит в этой ситуации несколько интересных и полезных моментов. Тем более, уже можно привлечь кое-какой заграничный опыт.

1. Вот уже много-много лет в Пизе проводится нечто вроде Дня кампанилы. По-русски это — День башни, а точнее — День колоколни. Ежегодно 19 июня, кажется, в 5 часов утра с точностью до тысячных долей миллиметра измеряют смещение башни. И торжественно сообщают публике, насколько она наклонилась за прошедший год. Народ устраивает карнавалы, шествия и прочее: башня-то давным-давно застрахована!

Надо бы и в Невьянке устраивать что-нибудь подобное. Можно, конечно, День Невьянской башни проводить и в День города. Но она, право, заслуживает того, чтобы ей посвятили специальный день. Может быть, стоит приурочить его тоже к 19 июня — дню рождения ее старшей сестры?

2. В течение вот уже 70 лет в Италию поступают разные проекты спасения Пизанской башни. На сегодня их уже около 15 тысяч. Устроители конкурса ставят только одно условие — башня должна остаться наклонной.

Автор должен признаться, что и он не безгрешен. Где-нибудь в темном чулане дома на лазурном берегу итальянской реки Арно уже лет двадцать хранится и его проект. По этому проекту наклон башни можно даже несколько увеличить. Вернее, сделать его управляемым. В праздники пусть наклоняется, а в выходные башню даже можно слегка откинуть назад — чтобы отдохнула.

Учитывая сроки открытия конкурса, в сочетании со сроками падения кампанилы, нам надо не забыть включить в план мероприятий примерно 2000-го года объявление такого же конкурса для Невьянской башни.

А юмор какой вокруг башни! На Западе, особенно у карикатуристов, две самые распространенные темы — необитаемый остров и падающая башня. Приходит, к примеру, в редакцию итальянской газеты начинающий карикатурист и просит работу. Редактор кричит помощнику: «Эй, Луиджи! Попробуй-ка его на кампаниле!»

У нас с необитаемыми островами пока, прямо скажем, плоховато. Но ведь башня-то наклонная есть! А наши карикатуристы все про перекопанный асфальт да про водопроводные краны... И мы вынуждены смеяться. Башня, если ее взять на вооружение, сильно поднимет планку нашего среднеуральского юмора.

3. Похоже, что Великий Комбинатор один раз, все-таки, дал неточный прогноз. Не Васюки, а Невьянск станет центром мирового туризма. И не когда-нибудь, а именно с 2150 года, когда, согласно прогнозу, упадет Пизанская башня. Она ведь сейчас, как магнитом, притягивает западного туриста. Шутка ли, около 10 миллионов в год приезжает в Пизу. Куда же они, спрашивается, устремятся, измученные отсутствием привычного вида наклонной кампанилы?

И что же, так и сидеть нам сложа руки? Нет, конечно! Надо уже сейчас готовиться к наплыву избалованного западного туриста. Постепенно улучшать снабжение населения. Строить международные гостиницы, казино, ночные кабаре... и кадры готовить соответствующие. Неплохо бы и забор перенести метров этак на 200. Но это, наверное, самое трудное...

ПРАЗДНИК — живая связь времен. Соединяя прошлое с современностью, он утверждает идеалы, которые были выработаны предшествующими поколениями и переданы в дар последующим. По тому, как новое поколение относится к традиционным праздникам — бережно или нигилистически, можно судить о нравственном здоровье общества, о его исторической памяти или беспамятливости.

Живым элементом культуры всех народов исстари были праздники религиозные. Они являли собою разрыв с будничной монотонностью, участие в божественном миропорядке. Третья заповедь Декалога гласит: «Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай и делай всякие дела твои; а день седьмый — суббота Господу Богу твоemu...»

За последние десятилетия нашей истории религиозные праздники, насильно изгоняемые из отечественной культуры, хотя и не исчезли вовсе, но стали для многих тайной за семью печатями. Редакция журнала намерена воскресить в памяти так называемые двенадцатые праздники православной церкви.

Сегодня рассказ о первом из них — Рождестве Богородицы.

РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ

Александр МЕДВЕДЕВ
Рисунок Николая Мооса

ГODOVOЙ ЦИКЛ торжественных богослужений православной церкви начинается с праздника в честь девы Марии — Рождества Богородицы. Он отмечается 21-го сентября по новому стилю (8-го сентября по старому).

Праздник имеет свою историю. Он возник не с самого начала христианской религии. Долгое время шла борьба за признание культа девы Марии. Еще в четвертом веке епископ Епифаний Кипрский писал: «Мария — не бог, и не с неба она получила тело... поклоняться должно только отцу, сыну и святому духу». Один из наиболее яростных критиков христианского учения Цельс в «Правдивом слове» говорит, что Мария была пряхой и родила сына от римского солдата Пантеры. Эта версия бытует и в Талмуде. Только Эфесский собор 431 года официально признал Марию богородицей, и она была причислена к божественному пантеону. С этого времени устанавливаются праздники в ее честь, и среди них Рождество Богородицы.

О земной жизни девы Марии нам сообщают Евангелия, хотя собственно о рождении Марии в них ничего не говорится.

Евангелист Матфей сообщает лишь, что «по обручению Матери Его (Христа — А. М.) с Иосифом, прежде нежели сочтались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого». Евангелист Лука более обстоятелен. Он обращает внимание на важную деталь. Ангел говорил деве Марии: «...Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами». Итак, Мария избрана Богом, отмечена им. Уже это обстоятельство говорит об исключительности ее. Лука не забывает упомянуть и о смущении девы, сомнениях, и о благородном, смиренном принятии воли Бога: «Тогда Мария сказала: се раба Господня; да будет мне по слову твоему». Мария, поверив, славит Бога: «И сказала Мария: величит душа Моя Господу, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение рабы Своей; ибо отныне будут ублажать Меня все роды; что сотворил мне величие Сильный и свято имя Его...» У евангелиста Иоанна находим рассказ о том, что Мария присутствовала при казни Иисуса. «Иисус, увидев Матерь и ученика, тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял ее к себе». Вот, пожалуй, и все сведения, сообщаемые евангелистами о деве Марии.

Популярность образа девы Марии среди последователей учения

Христа потребовала заполнить лакуны Евангелий. Появились «биографии» девы Марии. Наиболее известно так называемое Протоевангелие Иакова, брата Иисуса, сына Иосифа от первого брака. Что же дополнительного сообщает нам Иаков? Родителя Марии, Иоаким и Анна, долго были бездетными. Скорбя об этом, они обращаются с молитвой к Богу и дают обет посвятить ребенка ему. Получают знамение, что у них родится ребенок. Когда Мария исполнилось три года, ее отводят в храм, где она пребывает до двенадцати лет. Жрецы по повелению ангела созывают старцев, чтобы вручить Марию одному из них под опеку. Избранным супругом-хранителем стал Иосиф-плотник.

В целом в Протоевангелии ощущается тенденция, связанная с идеей Иисуса-божества, чьи чудесные свойства были присущи еще его матери. Все, что говорится о Марии, должно было свидетельствовать о ее исключительности. История рождения Марии пользовалась необычайной популярностью среди христиан в поздней античности и средневековье, хотя церковь не могла признать Протоевангелия, и оно вплоть до шестнадцатого столетия было включено в список запрещенных книг.

Культ девы Марии в истории христианства был велик. Очень многими она воспринималась как земная женщина, одарившая человечество Спасителем. Она — образец праведности, душевности, нежности, женской чистоты и благородства, кротости и послушания. Вся ее жизнь должна была служить примером для подражания. В проповедях в этот день восхвалялись ее добродетели.

Церковь не могла не учитывать того огромного влияния, которое оказывал на людей образ девы Марии. Четыре праздника из двенадцатых были посвящены ей. Изображение Богоматери на иконах встречается не реже, если не чаще, чем изображение самого Спасителя. Известно более двухсот праздников, посвященных чудотворным иконам Богоматери — Владимирской, Иверской, Казанской и др.

Образ девы Марии был близок и понятен простым людям, они видели в ней «дерзновенную ходатаицу перед сыном и богом за спасающихся», она воспринималась как «всемирная молитвенница и ближайшая покровительница» людей. Сама много пострадавшая и пережившая, она не останется безучастной к бедам и просьбам, поможет, облегчит страдания.

Более четырехсот лет идет к людям Сикстинская мадонна Рафаэля, неся для их спасения собственного

сына. Кисть гениального художника выразила и безмерную скорбь матери, провидевшей его трагический и мученический конец, и ее готовность к этой жертве. Другая женщина-мать, великая поэтесса Анна Ахматова, выразила эти чувства в прекрасном произведении.

РАСПЯТИЕ

*«Не рыдай Мене, Мати,
во гробе зряща».*

I

Хор ангелов великий час
восславил,
И небеса расплавились
в огне.

Отцу сказал:
«Почто Меня оставил!»

А Матери:
«О, не рыдай Мене...»

II

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча

Мать стояла,
Так никто взглянуть
и не посмел.

С принятием на Руси христианства Рождество Богородицы стало одним из самых почитаемых праздников. Он совпадал с традиционными, дохристианскими верованиями, связанными с культом земли, воды и других сил природы. Богородица воспринималась как покровительница всего сущего, животного и растительного мира, семьи и материнства. В православной традиции и в народном быту закрепились такие формы обращения к ней, как «владычица», «царица небесная». Ее широко почитали не только во время праздников, ей посвященных, но и в особо торжественные моменты жизни. Невесту благословляли перед венцом иконой Богородицы; эта икона потом переходила дочери и далее по наследству.

В IV веке начало Нового года было установлено с 1-го сентября. День рождения Богородицы приурочивался, таким образом, к началу года, и само ее рождение воспринималось как начало всей истории миропоспасаения. Церковь противопоставляла деву Марию Еве, которая запятнала род людской первородным грехом. Мария же рождением Христа начинала путь человечества к спасению, искупая вину Евы.

Праздник совпадал со временем окончания полевых работ, сбором урожая. Наступало время отдыха. Песни, пляски, игры не прекращались. Жатва, как и сев, сопровождалась сложными обрядовыми действиями. Первый сноп, который называли име-

нинником, переносили с поля на гумно, с него начинали молотьбу, а зерна его сохранялись до нового посева. Именинный сноп украшали лентами и цветами, порой наряжали в женское платье, с пением вносили в дом хозяина, устанавливали в переднем углу. Особые почести воздавали и последнему снопу (снопу-деду, снопу-бабе). Ему приписывали целебные свойства, скармливали скотине, чтобы она не болела. Был распространен и обряд завивания бороды — для сохранения плодородной силы поля, которая воплощалась или в козле, или в козлообразном существе. В поле оставляли небольшой несжатый участок, называемый бородой. Колосья не срывали, а пригибали к земле. Согласно поверью, последние колосья обладали особой силой плодородия. Зерна последнего снопа хранили до нового посева, смешивая его с посевным зерном.

Жницы, чтобы быть здоровыми, после жатвы катались по полю, приговаривая:

Яровая жнивущка,
Отдай мою силушку
На долгую зимушку.

В день Рождества Богородицы, как и в день весеннего равноденствия, обновляли в избах огонь — старый гасили, а новый возжигали.

В некоторых местах Рождество Богородицы считалось началом «бабьего лета», это была вторая встреча осени. С него начиналась луковая неделя — женщины убирали лук. Убирали также пчел с пасеки.

Это было и время свадеб. Ходили в гости. Обязательно приглашали молодых к тестю и теще.

В народном сознании обрядовые действия, символизирующие окончание очередного трудового цикла, слились воедино с праздником Рождества Богородицы.

„Гениальный сын Никиты,“

ДИПЛОМ ЕКАТЕРИНЫ. Мамин-Сибиряк из всех Демидовых особо выделял Акинфия, писал о нем: «гениальный сын Никиты», «второе я» царя-работника, его недреманное око. Да, Акинфий оказался главным продолжателем династии уральских горнопромышленников и значительно умножил богатства своего отца. По свидетельству Б. Кафенгауза: «Такой же хищный приобретатель и эксплуататор, как и отец, Акинфий отлично умел при помощи подкупов ладить с властями, и широко строительство новых заводов сопровождалось новыми пожалованиями и привилегиями. События дворцовых переворотов с их быстрой сменой правительств не помешали дальнейшему обогащению Демидова. Он сумел приблизиться к всесильным временщикам и использовать к своей выгоде возвышение Миниха, Бирона и его креатуры, саксонца барона Шембергера. Они помогали ему замести следы в хищениях, нарушениях указов и в неуплате податей. Императрицы Екатерина I, Анна и Елизавета подписывали милостивые указы или ставили на его прошениях многозначительное «быть по сему».

Акинфий Никитич переписывался со всесильным А. Д. Меншиковым, с кабинетским секретарем И. А. Черкасовым, поддерживал связь со многими знатными особами. С нужными людьми Акинфий умел быть обходительным. Это наверняка пригодилось при обеспечении личных прав. В протоколах Верховного тайного совета от 18 февраля 1726 года говорится: «приходил тайный кабинет-секретарь Алексей Макаров и напомнил (не без подсказки ли Акинфия? — Н. М.) о жалованной грамоте сыновьям комиссара Никиты Демидова... И по рассуждении определили помянутых Демидовых детей в той жалованной грамоте во дворяне по Нижнему Новгороду». Екатерина I подтвердила это торжественным дипломом. Причем они были освобождены от дворянских служб, что мотивировалось их многотрудной заводской деятельностью. Правда, в последующих поколениях были потомки, не чуравшиеся службы, как военной, так и гражданской.

Кстати, в русском дворянстве насчитывалось 15 родов Демидовых. Самый известный происходил от Никиты Демидова. Одна из ветвей этого рода унаследовала в лице генерал-майора Н. П. Демидова имя и титул светлейших князей Лопухиных. Род Демидовых внесен в I, II, III части родословной книги Московской, Нижегородской и Санктпетербургской губерний.

ЗАВОДСКИЕ СТРОГОСТИ. Деловые качества Акинфия сказались еще в Невьянске. Завод уже в первой четверти XVIII в. стал образцовым предприятием страны. В указе Берг-коллегии отмечалось: «Таких заводов не токмо в Швеции, но и во всей Европе не обретается». Акинфий продолжал наращивать производительность. Если в 1723 году продукцию завода везли водой на 13 стругах, то в 1733 — уже на 37, а в 1745-м понадобилось больше шестидесяти. Успехи сопровождалась жестокой эксплуатацией рабочих людей, постоянным их сопротивлением.

Уже в 1702 году Акинфий столкнулся с противодействием крестьян Верхотурского уезда. Правительство принуждало их заготавливать дрова для заводов. Однако в течение лета крестьяне поставили всего 877 сажень вместо предусмотренных трех тысяч. Акинфий устраивал вооруженные облавы на крестьянские села, заставляя выполнять заводские повинности.

«Первые заводчики, — писал Мамин-Сибиряк, — были люди слишком энергичные, вроде Акинфия Демидова, и не стесняли себя в выборе средств при преследовании своих целей».

О их жестокости свидетельствуют архивные документы. В челобитной 1704 года, поданной крестьянами на Демидова, говорится о том, что крестьянина Максима Симбирцева и «детей его стегал на площади плетью на смерть и держал их в железах 6 недель и морил голодною смертию».

Крестьяне Невьянской слободы жаловались в 1708 году на притеснения Акинфия и указывали, что терпят от него «всякую бедность и голод, потому что он, Акинфий, за тое работу, за рубку дров и за кладку куч и возку железа и припасов, денег им не дает, неведо для чего, и отчего мы Акинфиевы налоги и непомерной изгони обнищали и задолжали и все конечно разорились, и многие наши братья крестьяне разбрелись неведомо куда...»

Акинфий требовал от служащих наказывать мастеровых и работных людей «без всякого к ним послабления» и «без упущения чепью и кучной ломкой». На своих заводах Акинфий установил режим взаимной слежки и доносов, даже среди приказчиков и слугителей.

ВЕДОМСТВО АКИНФИЯ. Основная демидовская вотчина располагалась на Среднем Урале и представляла собой компактную группу заводов, связанных между собой технологической цепочкой. Административно они составляли особое «ведомство Акинфия Демидова», не уступающее по размеру некоторым европейским государствам. На его территории находилось около сотни населенных пунктов: заводов, слобод, сел, деревень. Ведомство имело своих подданных, свои законы, суд, войско, свои крепости с пушками.

Главным детищем Демидова стал Нижнетагильский завод, который уже на третий год после пуска дал чугуна больше, чем Невьянский. Все заводское оборудование отвечало лучшим русским и европейским образцам. Уже первая его домна, пущенная в 1725 году, оказалась самой крупной в Европе, а значит и в мире. Через десять лет вошла в строй четвертая домна. Завод выпускал металл с 1725 по 1987 год, когда была остановлена последняя печь этого производства.

Демидовы часто ставили передельные заводы вдали от доменных печей. Их опыт оказался удачным. Чугун доставляли дешевым речным путем, поэтому транспортные расходы были незначительны. Зато рассредоточением заводов Акинфий Демидов удлинял срок работы доменных цехов, быстро «съедавших» лес в ближней округе.

Примером хваткой предприимчивости Демидовых может служить Васильево-Шайтанский завод, пущенный в декабре 1732 года. Еще в 1702 году крестьяне Уткинской слободы сообщили думному дьяку А. Виниусу, что поблизости найден «магнит-камень». Потом другие рудознатцы доносили о здешних месторождениях руд сибирскому губернатору. Но государственные чиновники не спешили. Зато не мешкали Демидовы. С исконными владельцами Шайтан-лога, башкирами, они разделились быстро: несколько ведер водки улусу, кафтаны да горсть серебряных монет старшинам — и нужные бумаги подписаны. Демидовы затратили всего 1389 рублей и приобрели огромные владения.

Вскоре речушку Шайтанку перегородила плотина, задышала угаром печка-доменка, застучала молотами, станамы кричная и пудлинговая фабрики, прокатка. До 160 тыс. пудов чугуна и 60—70 тыс. пудов сортового кровельного железа выдавал завод в лучшие свои годы. Он и ныне действует под названием Старотрубного в г. Первоуральске, бывшем поселке Шайтанка.

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО. Пользуясь дефектами промышленной статистики, частные предприниматели в отчетности занижали объем облагаемой податями продукции, завышали ее себестоимость, словом, всячески уклонялись от правительственного контроля. Акинфий, узнав, что к нему на заводы выехали казенные ревизоры, срочно послал туда своих гонцов с наказом: «опечатать и направить

в Тулу» всю отчетность и завести новые книги — «не против настоящих прежних книг, а с утайкою». Архивы были спрятаны в подвал церкви. Но это не помешало ревизорам с помощью рабочих выявить фактический объем продукции и размеры утайки. Приказчик показывал, что железа отковывают в молотовых по 8—10 криц в неделю, а вольнонаемные рабочие удостоверены, что дают по 11—12 криц. Утаенное подлежало конфискации.

По делу об утайке было начато следствие. Сопоставили данные ревизии, извлеченные из «записных книг» завода с ведомостями заводчика, поступившими в Берг-коллегию, и оказалось, что Демидов утаил, ни много ни мало, 1237 тыс. пудов чугуна. Следствие затянулось до 1736 года. Откупиться от ответственности Акинфию стоило больших денег. Во избежание повторения подобных тяжб он предложил повысить десятину со своей продукции с

1 коп. до 1,5 коп. с пуда чугуна и выплачивать ее оптом, независимо от фактической выплавки, из расчета десятинной продукции шести его уральских домен в размере 565 тыс. пудов. Предложение было принято и распространено на всех других заводохозяев. Десятичная продукция на заводах проверялась через каждые 3—4 года ревизорами Берг-коллегии путем пробных плавок в присутствии контролеров. С нее начислялись платежи десятины, и она в течение ряда лет, до новой проверки, заменяла собой отчетную. Такой метод был на руку растущим предприятиям, к каковым относились демидовские заводы. Каждая проверка за счет расширения горнов показывала приросты неоплаченной выплавки чугуна. Словом, Акинфий Демидов неплохо разбирался в экономике и налоговой политике.

АЛТАЙСКИЙ ИНТЕРЕС. Акинфию Урал становился тесен, и он заглядывал в сибирские просторы, на Алтай. Безвыездно живя в Невьянке, он знал обо всем, что творилось не только на Урале. Кто и зачем за Камень ушел

и с чем намерен вернуться. Бдительная рать демидовских приказчиков никоим образом не оставляла без внимания. В Томском и Кузнецком уездах обнаружилось восемь медеплавильных заводов, и Акинфий сразу запросил разрешения о постройке заводов на Алтае.

Просил он о разработке не только медных, но и серебряных и золотых руд. Таким образом, с самого начала имела добыча благородных металлов. Значит, их появление не могло стать неожиданным для правительства. Причиной событий, связанных с драгоценными металлами и грозивших Акинфию серьезными неприятностями, явилось другое.

Судьба алтайских месторождений была решена в пользу Акинфия Демидова. Он получил самые выгодные привилегии, застолбил Алтай, узаконил свои притязания. Кольчано-Воскресенский завод стал выдавать черную медь, за которую заводчик и отчитывался. Но очищать ее Демидов везет в Невьянск. Зачем такие перевозки рачительному хозяину? Оказывается, при очистке меди Акинфий извлекал чистое серебро! Это обнаружил с помощью анализа пробирный мастер Берг-коллегии Иван Шлаттер. На Кольчань были посланы ревизоры для проверки. Они подтвердили, что «в глубине медное содержание переходит в серебряное». Но и этот факт не вызывает в Берг-коллегии никаких решительных действий.

А в 1734 году на Урал снова приезжает В. Н. Татищев. На этот раз он располагает широкими полномочиями, имея новую инструкцию императрицы Анны Иоанновны. Касается она и алтайских заводов: «ежели же усмотрите, что заводы Демидова медные для пользы нашей надобно взять на нас, то оные у него взять». Татищев настоял на отобрании и передаче алтайских заводов Демидова в казну — вследствие незаконной выплавки серебра. Поводом послужил донос.

Историкам удалось выяснить, что помог Акинфию за крупную взятку всеильный временщик Э. И. Бирон, оберкамергер Анны Иоанновны. Именно Бирон участвовал в окончательном решении дела. Здесь он близко познакомился с Демидовым и с того времени сделался его покровителем. В награду Акинфий заплатил ему 50 000 ефимков под «особливую облигацию». Интересно, что эти 50 000 под облигации, когда бироновщина кончилась, были возвращены сыновьям Акинфия. Демидовы и тут своего не упустили.

В 1740 году Демидову был пожалован чин статского советника «за размножение рудокопных заводов», а через два года — действительного статского советника с рангом генерал-майора. Но и чины не помогли, когда явился новый донос о нахождении на алтайских рудниках не только меди, но и серебра. На этот раз сложилась особо опасная ситуация.

НА ПРИЕМЕ У ИМПЕРАТРИЦЫ. Акинфий сам лично явился в столицу и представился Елизавете Петровне. Он поднес ее величеству слиток чистого серебра весом 27 фунтов 8 золотников и на словах объяснил, что слиток этот получен из 233 пудов черной меди, выплавленной на его Кольчанском заводе по многим плавкам. Акинфий просил государыню, во-первых, «для подлинного освидетельствования рудных месторождений в Кольчани послать сведущего доверенного чиновника», а во-вторых, «чтобы ему, Демидову, быть со всеми заводами, и с детьми его, и со всеми мастерами, и работными людьми, под ведением единственно Высочайшего кабинета». На что и получил милостивое высокомонаршее обещание.

Так писал Акинфий на другой день после приема у государыни влиятельному сановнику барону И. А. Черкасову. Это был ловкий и дальновидный ход! Демидов получил указ о невиданных доселе привилегиях. Неожиданным и щедрым подарком Акинфий спешил упредить действия комиссии. Дело Демидова решалось помимо Берг-коллегии, ее мнения не спрашивали при выборе «сведущего доверен-

ного» чиновника. Все дело взял в свои руки Черкасов и вел его в полном согласии с заводчиком.

Цена протекции императрицы была высокой. В ноябре Берг-коллегия представила в сенат перечень «грехов» Демидова, связанных в основном с земельными спорами. Всего их оказалось 27. Вряд ли Сенат решился беспокоить императрицу по таким пустякам.

НАЧАЛО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ. Еще отец Акинфия, будучи одним из помощников Петра I при основании новой столицы, жертвовал для этого деньгами и железом. Когда Акинфий по поручению отца преподнес царю подарки в честь рождения наследника, то в их числе была платиновая ваза с золотыми вещами. Петр I, узнав, что все это найдено в древних сибирских курганах, издал особый указ, что подобного рода вещи надо хранить в кунсткамере. Подарок Демидовых оказался началом первой русской археологической коллекции. Сейчас эта ваза хранится в Эрмитаже.

Бывая за границей, Акинфий Никитич приобрел во Фрейбурге минералогический кабинет и передал эту коллекцию в дар только что основанному М. В. Ломоносовым Московскому университету. Во время пожара Москвы пострадали многие здания университета, в том числе и то, где хранились геологические коллекции, но часть собранного удалось спасти. В 1988 году в старом здании, принадлежавшем Московскому геологоразведочному институту, открылся Государственный музей имени В. И. Вернадского. Его экспонатами стали около 360 тысяч образцов из коллекции МГРИ, в основу которой положены давние образцы уральского горнопромышленника.

ТРИУМФ АКИНФИЯ ДЕМИДОВА. К концу жизни заводчик достиг вершины успеха. Он давно имел постоянное жительство в Петербурге, обосновавшись в пышных хоромах на набережной Мойки. Переименовал марку продукции своих заводов. Теперь все его деловые бумаги метились не прежним клеймом «Старый соболь», а почетной аббревиатурой «ССАД» — «статский советник Акинфий Демидов».

На полотне кисти художника Г. Гроота уже не мужик, а вельможа. Изображен во французском шитом золотом камзоле модного покроя. Кружевное жабо и манжеты с кружевами. На голове парик. Лицо бритое, с наметившимся вторым подбородком. Беспощадно жесткие, умные глаза, умеющие повелевать. Многие отмечают некоторое сходство Акинфия с грозным императором. Может быть, это было намеренное подражание кумиру.

Никита Демидов жил и действовал в царствование Петра I. Сын его захватил период правления пяти царей и императриц, время переходное и бурное. Однако это не помешало ему добиться огромных результатов. К концу жизни он имел 25 заводов, а общее число работавших на Акинфия крестьян составляло 38 тыс. душ мужского пола.

Указ императрицы, данный за год до смерти Акинфия, явился венцом потока благодеяний. Плодами достигнутого предстояло воспользоваться наследникам, трем сыновьям — Прокопию, Григорию и Никите. Но тоска точила Акинфия: он чувствовал близкую старость, а сыновья не проявляли приверженности продолжать начатое дело. Были надежды на младшего — Никиту, ему Акинфий хотел передать все заводы. Однако воля отца не была выполнена.

5 августа 1745 года на Капе, у села Яцкое Устье, в пути от Казани до Урала Акинфий Никитич Демидов внезапно скончался. Составление описи имущества и раздел его заняли много времени. Братья, окончательно перессорившись между собой, вступили во владение наследством почти через 13 лет.

На снимках: Акинфий Никитич Демидов. Художник Г. Гроот. Фигурка рудокопа — деталь минералогической горки с образцами руд, принадлежащих Акинфию Демидову. Медь. Невьянский завод А. Демидова.

СТРАДАНИЯ ВЕЛИКОГО УЧИТЕЛЯ, ГОСПОДА И СПАСИТЕЛЯ НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

СОСТАВИЛ

БОРИМИР НИКОЛАИЧ

ПОСВЯЩАЕТСЯ

АЛЕКСАНДРЕ АЛЕКСЕЕВНЕ

СОВИНОВОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГ,

1878

Николай
Блажнов

Палестине, в иудейской земле, в городе Иерусалиме жители готовились встречать праздник Пасхи. Праздник этот был всенародный, с ним соединялись воспоминания о свободе, об избавлении от тяжких египет-

ских работ. Для всех правоверных иудеев был только один храм — Иегове-Иерусалимский, между тем каждый из них считал своим долгом участвовать в праздничных молитвах и церемониях. Стечение народа в город было необычайное; дома и улицы были переполнены народом, сошедшимся со всей Иудеи.

Народ был сильно взволнован: по городу только что разнеслась весть, что по дороге из Вифании к Иерусалиму приближается Великий Учитель народа Иисус, который в течение уже нескольких лет странствовал для проповеди по городам и селам Иудеи. Народ и ранее оказывал ему уважение; теперь же он захотел торжественно заявить ему свое сочувствие. И воля народа выразилась в царственных почестях, которые были оказаны Учителю. Далеко от города его встретила несметная толпа народа. В руках встре-

А ДАА ВАА ПРИЖЕР. ЧТОБ И ВЫ
ДЕЛААИ ТО ЖЕ, ЧТО А СДЕЛАА ВАА
ЕВАНГ. ИОАН. УШ. 15

чавших были пальмовые ветви. Иисус, в сопровождении своих учеников ехал на молодом осле¹. Многие из народа, чтобы еще более показать свою преданность Учителю, снимали с себя одежды и постылали их по пути, другие срезали ветви с деревьев и тоже бросали по дороге, по которой проезжал Иисус, и затем все следовали за ним. Вот он приблизился к самому городу, к спуску с горы Елеонской, и среди все более и более возраставшей толпы народа раздались громкие приветствия: «Осанна Сыну Давидову! Благословен грядущий во имя Господне!

¹ В Палестине вообще было мало коней. Лошади употреблялись почти исключительно для войны и весьма редко в домашнем обиходе. Сесть на коня было тогда эмблемой войны, сесть на осла — эмблемою мира; поэтому в мирное время как цари, так и вожди ездили на ослах. — См. Толковое Евангелие Арх. Михаила, стр. 394. Вообще настоящий рассказ изложен согласно изъяснениям этого издания и др., основанных на толкованиях св. отцов — Прим. автора.

Осанна в вышних!»². Когда он вошел в Иерусалим, то весь город пришел в смятение. На вопросы некоторых недоумевающих о причине этого волнения, народ отвечал, что в город прибыл Иисус, пророк из Назарета Галилейского. Наконец, при входе Иисуса в храм послышались восклицания детей: «Осанна Сыну Давидову!»

Так совершилось событие, засвидетельствовавшее неограниченную преданность народа своему Учителю, событие, показавшее, что народ живо чувствовал учение Иисуса, хотя и не мог еще понять его идей во всей их полноте. После такого торжественного заявления народного сочувствия следовало ожидать, что уже все препятствия к дальнейшему развитию учения Иисуса устранялись совершенно. Теперь народ с полной свободой мог воспользоваться ближайшим руководством Великого Учителя, мог вдумываться во все, что узнавал нового из его проповеди и наконец мог устроить свою жизнь и свои отношения к ближним согласно учению Иисуса. Между тем мы знаем, что через пять дней после ухода в Иерусалим Иисус был казнен самым жестоким образом. Как же объяснить себе такую резкую перемену во взглядах народа? Какое значение имела ужасная кончина Великого Учителя? Ответы на эти вопросы легко выясняются при более полном знакомстве с некоторыми обстоятельствами страданий Иисуса, с его предсмертными речами, а также с тогдашним положением народа иудейского.

В то время, девятнадцать веков назад, иудеи утратили свою политическую самостоятельность: они находились в зависимости от римских императоров. Иудея была присоединена к тогдашней римской области Сирии, и для управления ею назначался особый римский правитель — игомом. Легко понять, что приходилось выносить народу, когда по земле иудейской то и дело проходили войска с огнем и мечом, народ терпел всякие насилия, имущество отнималось, семьи сиротели и т. д. Положение казалось безотрадным еще и потому, что иудеи не составляли какого-либо исключения. В то время произвол физической силы неограниченно царил над обществом: во всем мире жизнь народа была невыносимой. Он погибал в безнравственности самого постыдного рабства и всевозможных зол. Всюду чувствовалась необходимость в изменении существующего порядка, и все со страстным нетерпением ожидали Спасителя мира.

Народ еврейский, несмотря на продолжительное порабощение его различными соседними царями, сумел сохранить свою народность и свою веру. Воспоминания о героических подвигах Маккавеев³ в борьбе за свободу поддерживали в нем надежды на возвращение лучших времен, и чем более усиливалось иноземное давление, а вместе с ним ухудшалась жизнь народа, тем сильнее он жаждал найти себе избавителя. К сожалению, при близоруким взгляде на свое угнетение народ полагал, что он может улучшить свое положение через развитие внешней силы или политического могущества. Расчет этот был ошибочный. Избавитель действительно явился; но он, казалось, давал народу не то, что последний ожидал. Этим избавителем оказался Великий Учитель, который говорил народу, что свобода всех страждущих может быть приобретена и упрочена лишь с помощью развития духовных сил народа и полного изменения существовавших понятий относительно частной и общественной жизни⁴, а это возможно

лишь тогда, когда народ будет последовательно перевоспитан, когда люди будут ясно понимать учение о братской любви, когда разовьется сознание, что все люди без исключения — дети Божии, и потому не должно быть различия, например, между греками и иудеями, не должно быть рабов, и все люди имеют равные права на духовную свободу и царство Божие. Эти мысли о перевоспитании всех и каждого Иисус, при самом же начале своего служения, выразил Никодиму, одному из образованных начальников иудейских, когда сказал ему:

— Кто не родится снова, тот не может увидеть царства Божия.

Всему народу, тоже при самом начале своего служения роду человеческому, Великий Учитель объяснил, что он должен делать, словами пророка:

— Дух Господень помазал меня благовествовать нищим и послал меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу.

Но простой народ не мог вполне удовлетвориться подобным учением. Ему казалось невероятным, чтобы таким, по-видимому, простым способом мог быть побежден старый мир, чтобы тот самый человек, который вышел из его среды, мог совершенно изменить положение общества во всем мире. И Великий Учитель отлично понимал это, когда прямо говорил иудеям: «Никакой пророк не принимается в своем отечестве». Для массы нужен был яркий блеск, пусть даже он приобретался тяжелыми и часто напрасными жертвами.

С такими взглядами толпы были хорошо знакомы тогдашние церковные власти в Иерусалиме, составлявшие Великий Синедрион. Синедрион этот состоял из архиереев, священников, старейшин народных и книжников-законоведов. Составляя высший судебный орган, он пользовался большой властью, — мог даже приговаривать виновных к смертной казни, что, впрочем, исполнялось с утверждения римского правителя. Начальники иудейские, составлявшие Синедрион, стояли ниже своего призвания — служить бескорыстными руководителями народа. Они не понимали действительных нужд его, не понимали, что необходимо для его благосостояния. Им даже было неприятно, что помимо их вышло новое учение, пришел Учитель, заслуживший народную бескорыстную любовь, руководитель, пользовавшийся народным уважением, основанным не на чувстве страха или удивления перед внешними отличиями, а на понимании его высоких достоинств. Но они также знали, что если трудно заслужить уважение народа, то легко воспользоваться страстями его и восстановить его против самого же Учителя, пусть даже этот Учитель был готов положить за народ свою душу.

И вот когда народ, увидев, что за торжественной встречей Иисуса не последовало никаких дальнейших проявлений внешнего могущества Мессии, успокоился, начальники иудейские решились воспользоваться обстоятельствами и направить народные требования совершенно в противоположную сторону. Чтобы подовать новое учение в самом его основании, эти начальники задумали, при посредстве же народа, добиться казни Иисуса. Для выполнения такого замысла нужно было прежде всего лишить Иисуса возможности говорить перед народом; а для этого следовало отнять у Великого Учителя свободу, схватить его и посадить в тюрьму. На открытое насилие начальники не решились, опасаясь народного возмущения, тем более, что такие возмущения в праздники уже случались и были очень серьезными, так как к Пасхе стекалось в

— Что еще недостает мне?

Тогда Учитель сказал:

— Если хочешь быть совершенным, пойди продай имение свое и раздай нищим, а затем следуй за мною.

Это значило, что он должен посвятить себя самому, все свои духовные силы и все, что имеет, Богу и ближним и быть последователем, учеником Христа. Но это еще не сочеталось с тогдашними понятиями: у людей еще не было сознания, необходимости самозатвержения, — и юноша отошел с печалью. — Прим. автора.

² Осанна — значит спаси, даруй спасение. Это было народное восклицание, крик радости при торжественных случаях, особенно при празднествах, вроде французского «vive», славянского «живю» и русского «ура». — Прим. автора.

³ Династия, правившая иудеями, выдвигавшаяся в результате народного восстания. Подвиги первых Маккавеев описаны в четырех книгах. — Прим. ред.

⁴ Пояснением этого может служить один из случаев евангельской истории. К Иисусу обратился богатый юноша с вопросом:

— Учитель благий, что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?

Учитель указал ему на исполнение заповедей, данных еще через Моисея. Юноша отвечал, что он все, что повелевалось законом, исполнил, и спросил:

Иерусалим до двух миллионов человек. Поэтому начальники решили на совете взять Иисуса хитростью, тихонько от народа. Этому помог случай.

Во всякое время бывает много людей своекорыстных, заботящихся исключительно о своих выгодах. Если такие люди берутся за какое-либо общественное дело, то лишь затем, чтобы при посредстве его достигать своих личных целей: при ошибке в расчетах они не только оставляют его, но и становятся на сторону его врагов. В числе учеников Иисуса был Иуда. Он увлекся новостью учения, его прельщала мысль о близости к Великому Учителю и надежда на какое-либо высокое место, когда Мессия достигнет царской власти, что казалось несомненным для этого честолюбивого человека. Но прошло много времени, а надежды Иуды не осуществлялись, нельзя было также думать и о том, что они исполнятся в будущем. Тогда он, задавшись новыми расчетами, захотел угодить противной стороне — врагам Иисуса. Он явился к архиереям и сказал:

— Что вы мне дадите, если предам Иисуса?

Они предложили денежную награду — 30 сребреников, на наши деньги рублей 45. Иуда согласился и с того времени стал искать удобного случая, чтобы предать им своего Учителя тайно от народа.

Спаситель видел, что замышляют против него начальники иудейские. Он знал ожидавшую его участь, но никакая сила земная не могла уже заставить его отказаться от провозглашенных им начал любви, милосердия и всеобщего братства, которые должны были спасти старый мир и дать ему новое общественное крещение. И если что томило Иисуса в эти торжественные минуты, то это — сознание, что народ еще не вполне уяснил себе сущность нового учения, недостаточно глубоко проникся его возрождающим духом. Огорчало Великого Учителя и предательство Иуды.

Сами ученики Иисуса до последнего времени плохо мирились с мыслью о полном равенстве между собой и спорили, кто из них должен почитаться больше других. Вот почему в прощальных речах с учениками он объясняет требования своего учения и обязанности его последователей. Вот почему на последней вечере (прощальном обеде) с учениками Иисус, прежде чем сделать им наставление, показал пример того, насколько должна быть велика взаимная любовь и взаимная помощь между людьми.

Особенности климата Иудеи и покроя обуви евреев⁶ делали необходимым при входе в дом омовение запылившихся ног. Омывали ноги гостям обыкновенно слуги, но теперь Иисус принял эту обязанность на себя. Он встал с вечера, снял с себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался; потом взял воду в умывальницу и начал омывать ноги ученикам, вытирая их полотенцем, которым был препоясан. Сделав это, он сказал ученикам:

— Вы называете меня Учителем и Господом. И вот если я — Господь и Учитель — омыл ноги вам, то и вы сами должны омывать ноги друг другу.

Этим примером Иисус вполне уяснил для учеников бесцельность всякого спора между ними о преимуществах друг перед другом. Он им говорил:

— Цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются. А вы не так: кто из вас больше, — будь как меньший, и начальник — как слуга. Ибо кто больше, возлежащий или служащий? Не возлежащий ли? А я посреди вас как служащий.

Затем необходимо было приготовить учеников к ожидавшим их трудным обстоятельствам, когда они останутся одни без непосредственного видимого его руководства; и вот Иисус обращается к ученикам:

— Дети, уже недолго мне быть с вами. Заповедь

новую даю вам: любите друг друга. Потому и будут знать все, что вы мои ученики, если будете иметь любовь между собою. Вас ожидают гонения, даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. Но нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. И если мир вас возненавидит, знайте, что меня он прежде возненавидел. Вы будете скорбеть в мире, но мужайтесь — я победил мир.

Тяжело было Спасителю делать эти поучения своим ученикам: он видел, насколько еще слабо малое стадо и как оно нуждается в руководстве, в примере величайшего самоотвержения. Он объяснил:

— Вы еще неясно понимаете образ искупления мира моими страданиями и смертью и в эту ночь испугаетесь и оставите меня.

Ученикам казалось это невероятным, и один из них, Петр, сказал:

— Я никогда не соблазнюсь.

Но Господь ему заметил на это:

— Еще до наступления следующего утра, прежде чем запоет петух, ты трижды отречешься от своего Учителя.

Вслед за вечерей для Иисуса начались сильнейшие нравственные страдания. Время предательства его в руки врагов приближалось. Чтобы укрепиться духом, ему нужно было остаться одному, поэтому он пошел с учениками за город. К востоку от Иерусалима, за ручьем Кедронским находилась гора, покрытая масляными деревьями, почему и называлась Масличною, или Елеонскою. На склоне этой горы, обращенном к Иерусалиму, был расположен сад Гефсимания. Здесь Господь сказал ученикам:

— Посидите тут, пока я пойду помолюсь там.

Вслед за ним пошли только трое наиболее близких ему учеников, но и они настолько были подавлены ожиданиями приближающихся тяжелых событий, что не имея возможности осилить своего утомления, — уснули, хотя Учитель сказал им:

— Побудьте со мною и бодрствуйте, душа моя скорбит смертельно.

Пред Спасителем в эти минуты, как в видении, пронеслись века страданий народных. Его ужасала беспредельная продолжительность и сила царства лжи, рабства и наследственных пороков.

*Но час свободы наступал,—
И, чуждый общему позору,
Посланник Бога в эту пору
Судьбу всемирную решал.
За слово истины высокой
Голгофский крест предвидел Он.
И, чувством скорби возмущен,
Отцу молился одиноко:
«День казни близок: он придет,—
На жертву отданный народу,
Твой Сын безропотно умрет,
Умрет за общую свободу...
О, да минует чаша эта,
Мой Отче, Сына Твоего!
Мне горько видеть злобу света
За искупление его!
Но если твоему народу
Позор Мой благо принесет,—
Пускай за общую свободу
Сын человеческий умрет!»*

Невыносимо тягостное чувство скорби подавляет Спасителя, и он желает найти облегчение своих страданий в сочувствии близких ему учеников. Идет к ним и находит их спящими.

— Не могли вы и один час пободрствовать со мною, — обращается он с упреком к Петру и затем опять тихо удаляется на прежнее место и молится своему Отцу:

*«О, если можно, от Меня
Да мимо идет чаша эта!
Но если кровь нужна святая,
Чтоб землю с небом примирить,*

⁶ Жители Палестины для предохранения ног от камней и всего острее, как и от горячего песка, носили небольшие дощечки или пластинки из древесной коры и кожи, называвшиеся сандалями. Сандалии привязывались к ногам ремнями или веревками, причем верх ноги оставался непокрытым. При входе в дом их обыкновенно снимали. — Прим. автора.

*Твой вечный суд благословляя,
На крест готов Я восходить!⁶
Ученики, как прежде, спали,
И вновь Спаситель им сказал:
«Вставайте, близок день печали,
И час предательства настал...»
И звук мечей остроконечных
Сад Гефсиманский пробудил,
И отблеск факелов злобещих
Лицо Иуды осветил.⁸*

Предатель Иуда знал, где вероятнее всего можно было найти Иисуса, потому что сам нередко бывал вместе с прочими учениками в Гефсимании. Он решился указать это место начальникам иудейским. На время праздника Пасхи, ввиду большого стечения народа, первосвященники получали в свое распоряжение отряд солдат для охраны храма в случае беспорядков. Кроме того, при храме находилась стража из левитов⁷. Воспользовавшись этим обстоятельством, первосвященники и отправили часть солдат вместе с прочей стражей для того, чтобы схватить Иисуса.

В сопровождении Иуды в сад явилось вообще множество народа с мечами и кольями. Подойдя к Иисусу, Иуда поцеловал его и, как обыкновенно, приветствовал:

— Здравствуй, Учитель.

— Друг, зачем ты здесь? Поцелуем ты меня предаешь врагам! — сказал ему Господь.

И с тех пор слова «поцелуй Иуды» во всем мире люди стали употреблять при указаниях на подлую, под видом дружбы, измену.

Солдаты схватили Иисуса, связали его и насильно повели с собой. Встревоженные ученики спросили было Иисуса:

— Не ударить ли нам в мечи?

Но Учитель воспретил им это делать.

— Все, взявшиеся за меч, от меча и погибнут, — сказал он.

Вместе с тем он обращается к народу со словами:

— Вы вышли на меня, как будто на разбойника, с мечами и кольями; каждый день сидел я с вами, уча в храме, и вы не брали меня.

Прежде чем представить Иисуса к первосвященнику Каиафе, толпа привела его к гестю Каиафы — Анне. Анна начал расспрашивать Иисуса о его учениках и учении. Иисус заметил ему:

— Я говорил миру открыто, учил в синагоге (молитвенном доме) и в храме. Что меня спрашиваешь? Спроси слышавших, что говорил им: вот они знают, что я говорил.

И несмотря на то, что расспросы велись из одного любопытства, ответ был сочтен за дерзость, и один из служителей ударил Иисуса по щеке.

— Если я сказал худо, покажи, что худо, а если хорошо, что бьешь меня? — кротко заметил Спаситель в ответ на это насилие.

У первосвященника Каиафы происходило заседание Синедриона, когда к нему был приведен связанный Спаситель. Начальникам иудейским хотелось соблазнить внешним образом законность их суда, и потому они желали, чтобы кто-нибудь сделал на Иисуса хотя бы даже ложное показание, по которому они могли бы обвинить его в уголовном проступке и осудить на смерть. Действительно, лже-свидетелей явилось много, но показания их или были ничтожны, или же отличались несообразностями и крайними противоречиями. Наконец, явились два лже-свидетеля и сказали, что Иисус говорил, будто он может разрушить храм Божий и в три дня его создать. Этого Иисус никогда не говорил. Он однажды, предвидя ожидающие его мучения, предсказал, указывая на свое тело: разрушите вы храм этот, убейте меня, и я в три дня воздвигну его.

Он совсем не утверждал, что сам разрушит какой-либо храм и создаст его опять как бы снова. Очевидно, что свидетельство не имело никакого значения, но для начальников иудейских и этого было достаточно. Первосвященник, выслушав лже-свидетелей, спросил Иисуса:

— Что же ты ничего не возражаешь против того, что о тебе говорят?

Спаситель, видя бесполезность всяких ответов и желая показать всю незаконность такого суда, не говорил ни слова. Тогда первосвященник стал спрашивать с клятвой:

— Скажи нам, ты ли Христос, Сын Божий?

— Да, я — действительно сын Божий, — отвечал Иисус и объяснил, что вскоре народы увидят его в том величии и славе, в каком изображали Мессию древние пророки.

Это принято было за богохульство. Первосвященник, как бы в знак великой скорби, разорвал одежды свои и сказал:

— Вы слышали хулу его. Что вы думаете об этом?

— Достойн смерти, — отвечали заседавшие в Синедрионе.

Так совершился незаконный суд. Как осужденного преступника, присутствующие начали оскорблять Иисуса и мучить его: плевали ему в лицо, били по голове и по щекам. Издевались над ним, закрывали ему глаза и спрашивали: угадай, кто тебя ударил?

Тотчас же, как Спаситель был схвачен, ученики его разбежались. Тогда Петр и Иоанн издали следовали за толпой. Они заходили и во двор Анны, и во двор Каиафы. По наружности и по выговору прислуга признавала Петра и спрашивала: «Ты не из учеников ли этого человека?» Но Петр, приведенный в ужас страданиями своего Учителя, три раза повторил: «Нет», причем в третий раз даже божился, что он совсем не знает этого человека. Была полночь, запел петух. И Петр вспомнил, как Господь Иисус предсказал ему, что «прежде чем пропоет петух, ты трижды отречешься от меня». Еще более почувствовал Петр свое бессилие, и горести его не было предела.

Ученик-предатель из своего бесчестного поступка не мог извлечь никаких выгод, он был подавлен мучениями своей совести. Ему представлялось, что если он заявит первосвященникам, что предал человека совершенно невиновного, то они остановятся в исполнении своего приговора. Но те отвечали ему:

— Какое нам дело до мучений твоей совести и до невинности Иисуса, посмотри вот, что дальше будет.

Предатель не мог вынести насмешек людей, для которых он решился на самое постыдное дело, он бросил деньги в храм и покончил свою жизнь самоубийством.

Смертный приговор, вынесенный в предварительном заседании первосвященников, был утвержден на другой день утром в торжественном заседании Синедриона, после чего начальники иудейские в сопровождении народа повели связанного Иисуса к римскому правителю Иудей Понтию Пилату.

— В чем вы обвиняете этого человека? — спросил Пилат иудеев, выйдя из дома на каменный помост.

— Если б он не был злодей, мы не предали бы его тебе, — уклончиво отвечала подстрекаемая фарисеями толпа.

— В таком случае возьмите его и судите по вашему закону, — предложил Пилат.

— Нам никого не дозволено предавать смерти, — сказали иудеи и затем стали кричать, что Иисус заслуживает смертной казни.

— Он развращает народ, запрещает платить подать Кесарю, называет себя царем.

Последнее обвинение имело характер так называемого политического преступления, по которому Иисус представлялся как возмутитель народа против верховной власти римского императора, и Пилат должен был тщательнее разобрать дело. Он вошел в свою судебную палату (преторию), призвал Иисуса и сказал:

⁶ И С. Никитин. Моление о чаше. Стихотворение приведено в сокращении. Прим. ред.

⁷ Церковнослужители. — Прим. ред.

— Твой народ и первосвященники предали тебя мне: что ты сделал? Царь ли ты иудейский?

— Да, я — царь, но царство мое не внешнее, не от мира сего. Если б я действительно искал мирского царства, то мои слуги защищали бы меня, — отвечал Иисус.

Пилат, убедившись, что не может считать Иисуса возмутителем народа против верховной власти римского правительствa, успокоился и затем вновь спросил:

— Итак, ты — царь?

— Да, я для того явился в мир, чтоб говорить об истине, и всякий, кто любит истину, слушается моего голоса, — сказал Спаситель.

— Что есть истина? — спросил Пилат и, не дожидаясь ответа, вышел к иудеям и объявил:

— Я не признаю за ним никакой вины.

— Нет, он — возмутитель: он учит народ везде, начиная от Галилеи и до сего места, — настаивали иудеи.

— Разве он — галилеянин? — спросил Пилат. И узнав, что он из области Иродовой, отправил его к Ироду⁸, который в эти дни также был в Иерусалиме.

Но Ирод высказал только одно любопытство к Иисусу: он предлагал ему незначительные вопросы и добиваясь от него какого-нибудь чуда; когда же Иисус ничего ему не отвечал, то Ирод с солдатами, надругавшись над Учителем и одевши его в белую одежду, отослал его обратно к Пилату.

Пилат не знал, что ему делать. Он хорошо видел, что первосвященники искали смерти Иисуса из личной вражды и потому попытался еще раз уговорить их:

— Вы утверждаете, что Иисус возмущает народ, но я при вас рассмотрел дело и не открыл той вины, в которой вы его обвиняете. Я послал его к Ироду, но и он не нашел в нем ничего достойного смерти; поэтому я накажу его и отпущу.

— Смерть ему! — закричал народ. — Не его, но Варавву отпусти нам.

Варавва был посажен в тюрьму за грабеж и убийство. Понятно, что просьба эта выражалась народным сборищем под влиянием старейшин и первосвященников.

— Что же делать с Иисусом? — спросил Пилат.

— Распятъ его, — отвечал народ.

— Но какое же зло он сделал? — возразил Пилат.

— Распни, распни его, — кричала толпа уже неистово.

Пилат все еще не терял надежды успокоить расходившиеся народные страсти: он думал, что злорады, или, вернее, первосвященников удовлетворится, когда они увидят Иисуса доведенным до изнеможения, и потому приказал наказывать его. Воины отвели Иисуса внутрь двора, избili его бичами, одели в военный плащ красного цвета, так называемую багряницу, и возложили ему на голову терновый венец (венчик из колючего растения — терна). В таком ужасном виде Великий Учитель был выведен Пилатом к народу для возбуждения в нем сострадания.

— Се человек, — произнес Пилат.

Но первосвященников и их служителей уже не могли строгать никакие страдания невинного мученика. Едва только они увидели Иисуса, воздух огласился новыми криками:

— Распни, распни его!

Таким образом все попытки Пилата к освобождению Иисуса остались напрасными, и он, наконец, предал его иудеям на распятие.

Воины Пилата, надругавшись над Иисусом, как только им хотелось, сняли с него багряницу и одели его в собственные одежды. Учитель был истомлен до крайности, несмотря на это, он еще должен был нести на себе тяжелый крест, на котором ожидала его мучительная казнь.

Это обстоятельство было одним из самых поразительных и знаменательных. Вся жизнь Великого Учителя была тяжелым подвигом на благо ближних — на пользу своего

народа. Такое самоотверженное постоянство, хотя бы и с меньшими страданиями, обыкновенно называется НЕСЕ-НИЕМ СВОЕГО КРЕСТА. Великий Учитель своею жизнью дал людям высокий образец безграничной любви к народу, которому и должны следовать все, у кого сердце способно отзываться с сочувствием к нуждам ближних и кто нелицемерно желает оказывать помощь своим братьям. Это-то именно и разумел Спаситель наш, когда говорил, еще за несколько времени до своих страданий: кто хочет следовать по моим стопам, пусть прежде откажется от всех личных удовольствий и потом уже делает так, как я поступил.

Сам он нес свой крест, пока его совсем не оставили силы, пока он не пал от изнеможения. В числе прочих, его сопровождали в мрачном шествии на смерть женщины. Из всей массы раздраженного народа только одни они чувствовали глубокое сострадание к мучениям Спасителя, к которому они прежде, вместе с детьми, нередко обращались за утешением и наставлением. Теперь они плакали и рыдали о нем.

— Дщери иерусалимские! — обратился к ним в последний раз Спаситель, — не плачьте обо мне, но плачьте о себе и о детях ваших.

В эти предсмертные минуты он как бы забывал все, что кругом его происходило, для удовлетворения его последователей. Он объяснял сердобольным женщинам, что их самих и вообще матерей следующих поколений ожидают страшные мучения из-за их собственных детей, потому что злора людская еще долго будет преследовать всех проповедников христианства, — этой религии любви и помощи всем угнетенным.

Наконец, воля настроенной толпы, желания начальников иудейских были удовлетворены — Великий Учитель был распят на кресте, который состоял из двух брусьев, врезанных один поперек другого. К поперечному брусю были пригвождены руки, а к нижней части продольного — ноги страдальца. Крест этот с распятым на нем Иисусом был поставлен и утвержден в земле. Невыносимо тяжело даже представлять себе, как все это последовательно происходило; но страдалец лишь с сожалением смотрел на людское исступление и молился за своих же мучителей.

— Отче, прости им, ибо они не знают, что делают.

Да, окружающие крест не сознавали, что они делали. Так как Иисус был распостерт на кресте обнаженный, то для воинов представлялся случай воспользоваться его одеждой, и стража равнодушно, по жребию, делила их между собою. Начальники, а за ними и народ, насмеялись над мучеником и наносили ему оскорбления. После всего предшествовавшего, страдания искупителя не могли длиться долго: истощение его достигло своего предела. Через три часа по пригвождению ко кресту Великий Учитель был уже совершенно замучен. Он возопил громким голосом «Совершилось!» и, преклонив голову, испустил дух. Как человек, как опасная личность, он умер для своих преследователей...

Начальники иудейские были удовлетворены, их злобные усилия увенчались успехом: Иисус убит, и казалось — вместе с ним погибло и его учение. Но нет, они жестоко ошиблись в своих расчетах: Христос воскрес. Учение его возгорелось ярким пламенем, просветило народы, и затем свет его просиял на весь мир. Пролитая на кресте кровь по каплям разлилась по всей земле, и всякий, кто только приобщается этой новозаветной крови, кто проникается высоким духом страданий народного искупителя, — оставляет заботы о себе, о своем личном мирском счастье и обрекает себя на служение ближним, всему обществу, всему роду человеческому. Такими людьми, причастными благодати, царство насилия и угождения плоти рано или поздно будет побеждено окончательно, в мире возобладает царство свободы, и недалеко то время, когда слова апостола Павла: «Братия, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства», сделаются общим воспитательным заветом всего человечества.

⁸ Царь иудейский, правивший Галилеей. — Прим. ред.

Мой друг

Синдбад-Мореход
ПОВЕСТЬРисунки
Натальи ЕрмолаевойОлег
МЯТЕЛКОВ

А началось все это так. Приходит однажды мама с работы и говорит: — Юра, завтра зайди ко мне. Есть общественное поручение! Ну вот, разозлился я опять! Знаю я это ее «общественное поручение»: газету рисовать! У них, то есть в мамином институте, делают к праздникам стенгазету, и мама в ней — редактор. Как только ее избрали, мама сразу же начала меня эксплуатировать! Чуть что — «Юра, нарисуй заглавие, нарисуй карикатуру, напиши заголовки!»

Короче, пришел я. Приводит меня мама, как обычно, в их комнату отдыха, дает кисти-краски и здоровенный лист бумаги. Говорит: «Юра, я на тебя надеюсь. Новогодняя газета — сам понимаешь!»

Сел я, рисую. И так увлекся, что даже не заметил, как за моей спиной кто-то встал.

Повернулся: высокий мужчина, весь седой, и усы, как у моржа. Пожилой, но стройный — на спортсмена похож! На пиджаке орденские планки в пять рядов: воевал, значит!

Тут открылась дверь и вошла мама. Я сразу увидел, что она очень обрадовалась этому дядечке:

— Василий Иванович, дорогой, здравствуйте! Принесли, конечно?

— Здравствуйте, Наталья Сергеевна! — заулыбался он. — А как же иначе: приказ начальника — закон для подчиненного!

— Всегда говорю: вы у нас эталон добросовестности! — сказала мама и начала читать отданные мужчиной листочки, бормоча про себя: — Прелестно... ой, а я и не знала!.. очень, очень интересно! Юра, — это уже мне, — вот здесь будет у нас заметка Василия Ивановича. Нарисуй заголовок — поярче, побольше! Кстати, Василий Иванович, познакомьтесь: мой сын Юра. Помогает мне с большим удовольствием!

«Помогает», «с большим удовольствием»!..

— А ты, Юра, — продолжала мама, — считай, что тебе крупно повезло: Василий Иванович — такой интересный че-

ловец, какого не часто и встретишь! Цени такое знакомство!

— Ну что вы, Наталья Сергеевна, — сказал Василий Иванович, — мне даже неудобно перед молодым человеком...

— Не скромничайте, Василий Иванович, — запротестовала мама. — Да вот ваша заметка: «Как встречают Новый год эскимосы и зулусы?» — кто у нас еще такое знает и расскажет?

Я покосился на листочек. Заметка начиналась словами: «Мы подходили к Алеутским островам...» Я перевел взгляд на Василия Ивановича...

Как-то по-новому увиделся мне вдруг и совсем не зимний его загар, и чуть прищуренные глаза, и эта молодая какая-то подтянутость, совсем не ввязавшаяся с селой, будто из серебра аккуратной прической. И голубой якорек на крепкой его коричневой руке был как печать: моряк...

— Портите вы меня, Наталья Сергеевна, — засмеялся Василий Иванович, — совсем зазнаюсь!

Тут они заговорили с мамой о стенгазете, а я начал думать — о чем бы так мне спросить Василия Ивановича? Ведь он, небось, столько всего видел!..

Я повернулся к Василию Ивановичу:

— А можно спросить? Василий Иванович, вы были в Бермудском треугольнике? Ну в том, где всякие чудеса творятся? Про него даже Высоцкий пел...

— Чудеса? — засмеялся Василий Иванович. — Был там, но, увы, — чудес не встречал! Ходил, как говорится, и по гипотенузе, и по катетам целых полгода, и — ничего. Никаких чудес! Чудеса меня ждали в других широтах...

— В каких?! Расскажите?! Хоть один случай!..

— Понял, — улыбнулся Василий Иванович. — Случай, значит... Ну вот помню... Стоп! Никаких случаев: у тебя — дело!

— Василий Иванович!.. — взмолился я.

— Э, нет, Юра! — решительно сказал Василий Иванович. — Я, знаешь ли, руковожу в жизни правилом: дело — в срок и точно! И сам так поступаю, и другим советую. Потому что, — он усмехнулся, — был у меня такой случай... Урок, так сказать! И вот после него... В общем, мы сделаем так: ты будешь очень старательно делать свое дело, а я — свое. Кончишь, и вот тогда — если, конечно, есть желание! — подождешь меня у выхода. Согласен? Ну, и отлично. Давай, работай!

За полчаса до конца работы я уже ждал Василия Ивановича в коридорчике у проходной. Наконец он появился...

— Ага, дожидаетесь! — сказал Василий Иванович и подмигнул: — А я думал, что, может, забудешь?

— Ну что вы!

— Хорошо. Тогда пойдем, проводишь меня до автовокзала. Я за городом живу.

Мы вышли на улицу.

— Видишь ли, Юра, — сказал мне Василий Иванович, когда мы сели на скамейку полупустого в этот час автовокзала. — Я ведь давеча не зря тебе сказал об уроке. Дело в том, что лично я некогда допустил неточность... Э, да что там — «неточность»! Прямо тебе скажу — соврал я, и до сих пор не могу себе этого простить!

Он вздохнул, помолчал... Потом снова заговорил.

Так, под всякие автовокзальные команды из рупора на стенке, я и услышал первый рассказ Василия Ивановича. Если бы я был писателем, я бы назвал его:

Цунами, которого не было

— Юра, скажи, пожалуйста, — начал Василий Иванович, — какие ты знаешь... якоря?

Я изумился:

— Якоря?! Ну, адмиралтейский... Слышал: якорь Холла! Этот, с четырьмя лапами который... кошка! Про плавающий якорь читал, про мертвый... Что еще есть?

— К твоему сведению, Юра, — Василий Иванович торжественно поднял палец, — число изобретений, касающихся конструкции якоря, превзошло пять тысяч. Да-да, не удив-

ляйся! А самое последнее слово в якорестроении — ракетный якорь. Можно сказать и так — реактивный. Ну, это стальная труба, заполненная топливом. Труба опускается до грунта, встает на него. Включается зажигание, и под действием реактивной силы газов труба заталкивается в грунт. В смысле — в морское дно. Да так, что вытащить ее обратно уже невозможно, а потому ставят на якорцепь подрывной патрон. Когда надо с якоря «сняться», патрон тот взрывает, и якорцепь рвется. Ты меня спросишь: а зачем вообще такой якорь нужен? Нужен, оказывается. Сейчас, знаешь ли, строятся такие корабли, которые, случись что, простой якорь уже не удержит! Несколько лет назад простые якоря так и не сумели удержать супертанкер «Олимпик Брейвери», — триста тысяч тонн водонемещение! Бросило его на камни, и ты можешь себе представить, что стало с берегом, который залило тремя сотнями тысяч тонн нефти. Для целой страны — несчастье, понимаешь? Значит, нужен для такого корабля и соответствующий якорь. Его изобрели — ракетный, и вот из-за него-то все и случилось...

Однажды меня срочно вызвал к себе мой начальник. Дел у меня было на корабле выше головы, но — «приказ начальника — закон для подчиненного!» Поэтому влез я в галстук, натянул свежий чехол на фуражку, вместо сапог ботинки надел и отправился.

Начальник, помню, встретил меня радостно. Поинтересовался делами, похвалил даже и вдруг сказал: «Дорогой Василий Иванович, надо поработать!» Я чуть не завопил — а я, мол, что делаю?! Однако, себя переборов, дисциплинированно сказал: «Есть!»

— Так вот, — сказал мне начальник, — есть всякие обстоятельства. А также — ситуации. И — инстанции! — и он ткнул пальцем в потолок.

Ну, я слушаю, помалкиваю — пока все правильно!

— Понимаешь, Василий Иванович, — продолжил начальник, — наше судно «Изобара» испытывает новую технику. Важнейшую! Возможно, что и для экспорта! Но, — и начальник скорбно поднял брови, — капитан «Изобары» в такой ответственный момент позволяет себе — ты только подумай! — заболеть! У него, видишь ли, аппендицит! Недавно побывать в отпуске и ничего не сделать для укрепления своего здоровья! Такое легкомыслие — правда, Василий Иванович?

Тут я начал кое-что понимать...

— Василий Иванович, — прямо-таки трагически сказал начальник. — Надо. Есть план, есть срок! На-до!

И потом скороговоркой разъяснил мне суть.

«Изобара» испытывает ракетный якорь. Нужен всего один, самый последний выход в отведенный для испытания полигон для окончательной проверки. И главное — ничего для меня, как для временного капитана, сложно: на судне есть опытный старший помощник капитана. Самими испытаниями будет заниматься представитель завода. Все налажено, все — на-товсь! «Василий Иванович, — зывал начальник, — всего дела — на один день: туда-обратно! Вы же у нас...» — и хвалить начал, как та лиса — ворону. Что же оставалось делать вороне? Каркнула: «Ладно. Когда выход?»

Словом, в шесть утра следующего дня я, хочешь — не хочешь, а поднялся на борт океанной этой «Изобары».

Поверь, Юра: любой моряк на чужом корабле чувствует себя не в своей тарелке. И вахтенный у трапа, похоже, разгильдяй, и труба, знаешь ли, грязная, и даже чай утренний мылом, кажется, отдает... Не свой корабль! Но дело требовало, и все настроения пришлось сунуть в задний карман...

Снялись мы со швартовых и вышли точно по плану. Зыбь, помню, шла, дождик моросил, и ветер балла на три уныло этак посвистывал в такелаже... Прошли поворотный буй и легли на курс двести сорок, к полигону.

В те часы я чувствовал себя... норвежским королем, который, как известно, царствует, но не правит. Потому что правил всей службой старпом с «Изобары».

Честно тебе скажу, что по первому впечатлению стар-

пом этот оказался мне парнем в самом деле толковым. Но очень уж энергичным. Вплоть до суетливости! И еще: очень уж шикарно был он одет. Словно бы и не в море вышел, а прогуляться на Приморский бульвар! Звали его, кстати, Виктором, что в переводе означает «победитель»...

Побеседовав я и с представителем завода — хрупким молодым человеком в огромных очках. Он-то был очень рад: «Последний выход — и домой!»

Ладно. «Изобара» лежала на заданном курсе, все крутилось, вахты неслись бодро, но у меня, веришь ли, ворочался в душе какой-то червячок. И, оказывается, не зря: через пару часов на мостик поступил доклад, что вышла из строя радиолокационная станция.

Меня, помню, даже затрясло: «Сколько времени на ремонт?!» Не можем, отвечают, знать, потому как сгорел трансформатор, а запасного нету. Нету! Понимаешь, Юра? Идем в полигон работать. Погода портится. А корабль без локатора!

Одно напрашивалось — вернуться обратно. Я совсем было уже собрался дать рулевому команду, когда передо мной возник этакий... змей-искуситель. В смысле — старший помощник...

Речь его велась к следующему. Возвращаться не надо, потому что лично он, старший помощник капитана, знает эти места лучше, чем собственную квартиру. Во-вторых, он, старпом, считает, что лично моя, всем известная опытность есть самая надежная гарантия от всяческих чрезвычайных происшествий. В-третьих же, была им высказана тонкая мысль, что наше возвращение из-за технических неполадок бросит черную тень прежде всего на отсутствующего капитана, который изнемогает сейчас в борьбе со своим аппендицитом — знал ведь он, змей, чем меня одолеть!

Короче, я, старый дурак, отлично понимавший, что старпому просто-напросто не хочется завтра снова идти в море, принял решение продолжать выход. «Изобара» шла заданным курсом.

А между тем на душе у меня продолжали скреститься кошки — нет, не якорьки с четырьмя лапами, обыкновенные! И, ты знаешь, не зря. До полигона было еще миль сорок, когда на мостике объявился «дед» — так зовут на флоте старших механиков, — и сказал: «Прошу сбавить ход». Я: «В чем дело?!» «Дед» помялся и ответил: «Греется упорный подшипник». «Как так, почему?!» Он вздохнул и начал загигать пальцы: «Во-первых, во-вторых...»

Ничего не оставалось делать, и «Изобара» сбавила ход. Стало совсем тошно: ведь для того, чтобы только обернуться «туда-сюда», понадобится больше суток! А если вдруг не заладятся испытания? А если вдруг ухудшится погода — море есть море!

И я принял решение: возвращаемся в базу. Тут-то и возник снова рядом со мной расстроенный старший помощник.

По его пижонскому виду я догадывался, что на сегодняшний вечер у старпома были свои грандиозные планы. На берегу! Возвращение же, ремонты и повторный выход планы эти перечеркивали напрочь! Значит...

Короче, начал он потихонечку. Этаким невнятным разговором, что, мол, и глубины, и грунт в этом районе — точь-в-точь как на полигоне! Очень порадовался, что море — пустое. Неоднократно беспокойл по телефону «деда», как, дескать, там, на упорном — не растет, упаси бог, температура? На барометр озабоченно косился: «Вроде бы падает? Не сорвала бы погода задачу!»

Я его слушал-слушал, а потом повернулся и прямо спросил. И он мне прямо так и предложил: не доходя до назначенного нам полигона, начать испытания якоря здесь и сейчас. Утверждал, что условия для работы здесь абсолютно такие же, как и там. Напирал на то, что испытываем мы не какую-то там ракету, а якорь, хоть и реактивный, что вокруг — пусто! Капитана заболевшего мимоходом снова помянул...

А под конец сказал он так: чтобы меня не терзали потом ни совесть, ни начальство, он, старпом, лично офор-

мит всю положенную документацию. «Комар носа не подточит!» Сказал все это и уставился на меня чистыми и нахальными голубыми глазами...

Не буду рассказывать тебе, Юра, как тяжело решал я для себя этот вопрос. Главным было то, что капитан с «Изобары» — мой приятель, а за запущенную технику, из-за чего — срыв задания, спросили бы с него в первую очередь... В общем, так; я согласился, поддался, смалодушничал — назови как хочешь!

Мы застопорили машины. Прозвучали положенные команды, наверх вылез очкастый представитель, и работа началась. Действовали они тут, скажу честно, очень неплохо! Через четверть часа все было готово. Включилась телеметрия, плюхнулась в воду бочка с блоком. На всякий случай я оттянулся от нее на полкабельтова — мало ли что!

И вот диковинный для меня якорь пошел, наконец, в глубину. На баке закрутилась вьюшка с тросом, идущим к бочке. Потом вьюшка стала, и в тот же момент снизу по корпусу корабля словно бы стукнули кувалдой... А еще через десяток секунд вода у бочки закипела, забурлила, задымилась — заработала якорная «ракета»! Вьюшка наша снова стала медленно раскручиваться. Это означало, что труба якоря пошла в толщу грунта.

Я, помню, взял микрофон: «Ну, как сработало?» Из трюма-лаборатории отозвался представитель: «Отлично, товарищ капитан! Американцев уже перекрываем!» «Поздравляю! — говорю. — И на сколько?» Ответить он не успел...

Ты, конечно, не знаешь, Юра, как рвутся глубинные бомбы... Ну, а я — знаю: резкий удар снизу, через палубу, прямо по пяткам! Если она даже в стороне рвется. Но даже и в стороне, знаешь ли... впечатляет!

Так вот, в следующее мгновение наше судно и, само собой, мы вместе с ним ощутили мощный подводный взрыв! Я еле на ногах удержался. А еще через секунду там, где мирно пузырился выхлоп нашей якорь-ракеты, встал этакий водяной холм! Потом холм опал и превратился в бурлящее и дымящееся озеро — гул, рык, плеск, дым — как это говорится, «черт-те что и сбоку бантик!» Вместо бантика — наша «Изобара»...

Опомнившись, я кинулся к машинным телеграфам, и мы начали пятиться, отодвигаясь от этого, научно говоря, непонятого феномена. Как оказалось, очень вовремя, потому что на том же месте снова вздулся этакий бугор кипящей воды, заклобуился пар и зашипело, будто стадо паровозов!.. И, между прочим, резко запахло серой!

Я — к микрофону: «Что на экране монитора?» — была, понимаешь, у «Изобары» такая установка — подводная телекамера... Снизу мне заикается технический представитель: «Ил — клубами! Огонь! Пожар! Мы что — подожгли что-то на дне?!» «Не волнуйтесь, — отвечаю, — ничего не подожгли. Имеет место явление природы!»

Понимаешь, Юра, я почему-то сразу понял что к чему. Из детства, наверное, вспомнилось, из книжек — «Двадцать тысяч лье под водой» и «Тайна двух океанов»: подводный вулкан! Значит, теперь самолично удостоился такое наблюдать — рождение подводного вулкана!

Вообще-то в тех краях вулканы — дело привычное, обыкновенное. Их там десятки! Но новорожденный, да еще и подводный — случай особый, о коем требовалось немедленно доложить, что я и сделал. Радиограмму составлял старпом, и начиналась она, помнится, так: «При следовании на базу по завершении работы...»

Ответ нам пришел такой: принять меры предосторожности и вести наблюдения до прибытия кораблей науки.

На базу мы ушли лишь на следующий вечер. К тому времени вокруг «новорожденного» стояло уже штук семь «нянек», под разными флагами, битком набитые вулканологами и прочими физиками, у которых начался научный праздник!

Ну, на базе нас встретили как именинников: шутками — открыты такое выдающееся явление природы! Цветок, правда, не было, но я как-то и не огорчался... Куда важнее, что отчет наш об испытаниях ракетного якоря прошел без

всяких накладок! То есть умышленное нарушение инструкции и, скажем так, неточности в отчетных документах, составленных старшим помощником, замечены не были. И я отбыл на свой корабль.

А еще через неделю меня вдруг пригласили на пресс-конференцию в качестве первооткрывателя. Интересно же всем — что и как!

Попотел я под телепроекторами, пересказал нудно страничку нашего вахтенного журнала, сел и с удовольствием начал слушать выступления ученых. Так вот, Юра: заключительное выступление меня прямо-таки потрясло!

Руководитель всей группы — академик, между прочим! — сказал, что ученые в этом районе шельфа — ну, это прибрежная часть океанского дна, — не так давно засекли сильное напряжение земной коры. Ждали здесь землетрясения огромной, просто-таки катастрофической силы! Кино «Гибель Японии» смотрел? Вот такого же приблизительно ждали. Землетрясение в море породило бы цунами — гигантскую волну, которая начисто смывает города и, как щепки, забрасывает в тайгу океанские корабли — было такое в истории!

Но этого, к счастью, не случилось. Почему? По одной-единственной причине: из-за случайного местного разрыва подводных пластов коры, — разрыва, проявившего себя в виде новорожденного вулкана! Ну, как в технике: сработал «предохранительный клапан», лишний, так сказать, «пар» вышел, и котел не взорвался, понимаешь?

Когда до меня дошел весь смысл того, что я услышал, у меня, поверь, Юра, дух захватило! Ведь я-то знал, что «предохранительный клапан» этот сработал не случайно! Как бы это полонятнее... Вот есть поговорка: «Где тонко, там и рвется». Но для того, чтобы это самое «оно» разорвалось, нужно последнее усилие! Как для воздушного шарика — укол иголкой. Вот такой «иголкой» и был наш ракетный якорь. И если бы не наши испытания в этом месте!..

Как я тогда, помню, обрадовался! Даже возгордился! Ведь получалось, что нечаянный наш эксперимент предотвратил катастрофу, спас, может быть, тысячи жизней! Но это сегодня — случайный. А завтра? Знаешь, мне уже представились аварийные отряды, такая «скорая помощь» для всей планеты! Мчится она и по всем правилам науки производит «иглоукальвание»! Заманчиво, правда?

Ну, а прекратились мои восторги сразу. Так, как будто на мою горячую голову вылили бочку холодной воды...

Ведь что случится, когда я доложу руководству, как все было на самом деле? Сначала мне придется сказать, что я, уважаемый капитан такой-то, выполняю важное задание, взял и сознательно преступил положенный закон: делал работу не там, где ее полагалось делать? Мало того — потом умышленно скрыл это! Для меня лично это будет означать, что и в будущем любое мое слово или дело может быть поставлено под сомнение: может, и тут соврал?

Но все-таки главное было в другом. Да, капитаном на «Изобаре» числился я. Но та «липа», те документы, которые были в отчете — их-то ведь делал старпом! Когда это выяснится, ему уже больше не плавать, произойдет, так сказать, «открытый перелом» в самом начале его жизни! И, между прочим, по моей вине...

Ты уже, наверное, понял, Юра: я тогда промолчал. И молчу до сих пор! Человечество, возможно, лишилось еще одного способа воздействовать на природу, но... В общем, жизнь человеку я не поломал!

Потом, позднее, у нас со старпомом «Изобары» состоялся очень серьезный разговор. И не зря: уважаемый нынче капитан Виктор Сергеевич... э, не в фамилии сути! — беспощаден к любой халатности и небрежности — и к своей, и к чужой! Отличный капитан!

Ну, что касается меня... Знаешь, Юра, после того случая у меня появилось железное правило: во всем — честность. Простое правило: сделай все, что можешь, и так, чтобы совесть твоя была чистой. А уж как тебя оценят

другие — это, знаешь ли, совсем не важно! Поверь мне: чистая совесть — могучая поддержка!

Василий Иванович умолк. Негромко шумела привокзальная площадь, изредка взрывывали отходящие автобусы. Все это было настолько далеким от привидевшегося мне сквозь неторопливый рассказ Василия Ивановича, что я как-то нечаянно сказал:

— Бывает, конечно...

— Ты что, Юра, не веришь мне? — с веселым изумлением сказал Василий Иванович.

— Да что вы! — испугался я. — И в мыслях такого не было!

— Ну, то-то же. Тем более, — он хитро прищурился, — что главное доказательство истинности моей истории — то, что цунами тогда так и не было. Хоть просмотрю все газеты за тот год — не было цунами. А вот испытания ракетного якоря и извержение подводного вулкана — это все было.

Мы встали и пошли к тяжелому, как кит, междугороднему автобусу. Василий Иванович легко шагнул на высокую подножку. На секунду задержавшись, повернулся ко мне и неожиданно подмигнул ярко-синим глазом:

— Так ты поверь, Юра, — не было цунами-то!

И, помахав рукой, он исчез в недрах машины. Еще через минуту автобус, покачиваясь, двинулся к трассе...

Чудо сорок второго размера

Нет, мама мне просто житья не дает! Опять объявила, что есть для меня «общественное поручение!»

— Юрочка, — сказала она торжественно, — на один вечер дело! Тем более, что тебя просил об этом сам, — она неумело, сразу двумя глазами, подмигнула, — Василий Иванович!

Ну, это сразу меняет дело: Василий Иванович мне понравился страшно! С капитаном Бурунным я был готов хоть куда!

Между прочим, «капитаном Бурунным» была подписана та его заметка в стенной газете. На самом деле фамилия Василия Ивановича была совсем другой, простенькой, но псевдоним мне нравился куда больше. Было в нем что-то такое... штормовое, морское, героическое!

Короче, я согласился. На другой день мне позвонил Василий Иванович и объяснил суть дела: я на один вечер должен стать Котом в сапогах.

У мамы на работе устраивали елку для всяких там малют-дошколят, и Василий Иванович предложил мне сыграть Кота в сапогах. Он сказал, что роль эта почти что главная, так как у Кота сапоги — семимильные, и именно он должен будет не то принести, не то унести что-то, от чего потом будет зависеть весь праздник. В общем, хорошая роль! Сам же Василий Иванович будет изображать Деда Мороза.

Мы договорились с Василием Ивановичем, где и как будем репетировать, но потом я вдруг вспомнил, что у меня дома не только семимильных, но и вообще никаких сапог нет! «Не беда, — засмеялся в трубку Василий Иванович, — был бы Кот, а уж сапоги найдутся!»

И вот наступил новогодний вечер, Василий Иванович принес с собой небольшой брезентовый мешок:

— Обувайся, Кот!

И я вытащил из мешка сапоги. Были они высокие, на вид совсем новые, но с сильно изношенными подметками. Начищенные, сапоги блестящие, но отблеск был какого-то странного синеватого оттенка. «Синтетика!» — догадался я, вспомнив синие сапоги одной знакомой девчонки...

Спектакль наш прошел здорово, малышня была в полном восторге. Зажглась елка, маленькие заскакали вокруг нее, а мы пошли в комнату отдыха, чтобы переодеться и смыть нарисованные акварелью — мною, между прочим, нарисованные! — усы и носы.

Окончание на стр. 57.

Анатолия

6'91

Обложка
Анатолия
Пасеки

РИСУНКИ ЕВГЕНИИ СТЕРЛИГОВОЙ

Белый шарик Матроса

ВИЛЬСОНА

Повесть

Владислав
КРАПИВИН

Рисунки
Евгении Стерлиговой

Мальчик среди звезд

Да, беседуя теперь с шарами, он продолжал ощущать себя мальчишкой. Обычным пацаном из Турени — с облезлыми от загара плечами, с кожей от семечек подсолнуха в карманах. И в ответ на упреки научился говорить насупленно и с дурашливой ноткой: «Ну, а че я такого сделал-то?» Так он чувствовал себя удобнее, привычнее. Защищеннее.

Вот и сейчас он видел себя в старой гостиной, где часы с кукушкой, люстра с подвесками и зеленая плюшевая мебель. Он сидел на диване, поджав ноги и привалившись к пухлому валику. Вот-вот ему скажут, чтобы не пачкал босыми ступнями диванную обивку и вообще сел, как полагается. Но пока не сказано, Яшка не шевелился. Валик уютно вдавливался под локтем, шелковистый плюш приятно щекотал ноги. Яшка украдкой зевал.

Все было как всегда. Темно-красный шарик устро-

ился с трубкой в качалке в дальнем углу. Красный шар — в обычном кресле. Большой Белый шар встал у окна. Тетушки-близнецы прямо и строго уселись рядышком на стульях. Сейчас начнется...

Но никто на этот раз не сказал «сядь как следует» и «заправь рубашку», и «опять у тебя колени, как у негра, и репы в волосах». Большой Белый шар снял очки, потер ладонью глаза.

— Давайте, господа, говорить сегодня прямо и только по делу. Не надо воспитательных уловок и нотаций, все слишком серьезно... Белый шарик...

Яшка спустил ноги с дивана и сел прямее. Странно, так с ним еще не разговаривали...

— Белый шарик... Ты славный мальчик, храбрый мальчик. Но нельзя оставаться мальчиком дольше положенного срока. У людей это, может быть, и допустимо (хотя я сомневаюсь), а у шаров нельзя никак. Момент Возрастания откладывать очень опасно.

— Ну... а я чего? Я и не хочу откладывать...

— Не хочешь, голубчик, а делаешь все, чтобы Возрастание сорвалось, — кашляя, сказал в своем углу Темно-красный шарик. — Не ведаешь, что творишь...

— А чего я...

— Да подожди ты «чевокать», — без обычной усмешки перебил Красный шар. — Слушай. Есть же законы Кристалла, их не переплюнешь. Для Возрастания необходим минимальный энергетический потенциал. Понимаешь, о чем я говорю?

Яшка неловко кивнул. Он ощутил непривычную виноватость.

— Ну вот. Значит, запас энергии. А он у тебя на критическом пределе. И нарастания нет, есть расход. Ты не накапливаешь, а только тратишь, тратишь...

— И главное, тратишь на глупые игрушки! — воскликнула одна из тетушек. На нее посмотрели. Даже сестрица толкнула ее локтем.

— Неважно, на что, — вступил опять в разговор Большой Белый шар. — В любом случае это смерти

Окончание. Начало в № 6, 7.

по доб но. Поверь, Белый шарик, мы не шутим. Это горькая правда.

— Почему? — подавленно спросил Яшка.

— До чего же ты непонятливый! — не сдержался Большой Белый шар. — Извини... Но мы же тебе столько раз объясняли! В момент Возрастания ты должен сделать усилие. Чтобы перестроить себя, обрести новые качества. Для этого необходима очень упругая настройка энергетических полей... А ты расходуеть силы на своего Стасика. Вернее, на дорогу к нему, на пробивание пространства. Милый мой, это же кончится настоящей бедой!

— Какой? — буркнул Яшка.

— Трудно сказать. Если не хватит сил на Возрастание, ты можешь превратиться в белого карлика, в звезду-лилипута, который в состоянии ни излучать, ни воспринимать импульсы. Ты будешь лишен не только радости Резонанса...

— И в итоге, — сказал из-за облака трубочного дыма Темно-красный шарик, — раньше срока сохнешься и превратишься в неживой шар, в мертвеца, окутанного черным покрывалом...

Все смущенно примолкли, словно Темно-красный шарик сказал что-то недозволенное. Нарушил приличие. Красный шар шумно возился в кресле. Белый протирал очки. Одна из Желтых тетушек вдруг всхлинула:

— Конечно... мы тебе не родные, ты вправе нас не слушать. Но... у нас не было своих детей, и мы так привязались к тебе. Ты попал к нам совсем мальшом.

Никогда Белый шарик не ощущал привязанности к занудливым тетушкам. Но сейчас что-то зацарапалось у него в душе, жалостливое такое... Ну, ладно! А что, к Стасику у него нет привязанности, что ли? Бросить Вильсона, да?

Большой Белый шар словно услышал эту мысль.

— Разумеется, — сказал он тихо, — мы понимаем, что какая-то сила тянет тебя туда... в этот странный микромир. Но ведь это может кончиться таким несчастьем, что страшно подумать...

— Уже всего наговорили, — хмыкнул Яшка, хотя ощутил неприятный холодок. — И что карликом буду, и мертвым шаром. Куда еще страшнее-то?

— А вот куда... Однажды ты не считаешь, и энергетический потенциал иссякнет. Импульсный канал, который соединяет твою массу здесь с твоим сознанием там, у этого... Стасика... он прервется, этот канал. И звездное тело твое, лишенное души, вспыхнет, взорвется, рассеется в пространстве. А сознание... а сам ты останешься там, на Земле, навсегда... Хочешь ты этого?

Не холодок, а целая волна зябкого испуга заставила съехнуться Яшку. Как бы ни рвался он душой к Вильсону, как бы ни стремился быть мальчишкой, а все равно он звезда. Покинуть звездный мир на веки вечные, лишиться звездной силы? А без этой силы он и Стасику-то, наверно, не очень нужен... Ведь именно благодаря Вильсону Белый шарик ощутил, какая это радость — быть звездой!

Однако и человеческие черты окрепли в нем благодаря Стасику. Самолюбие, например. И Яшка сказал мудро и независимо:

— Ну, и останусь там, если надо. Навсегда так навсегда.

Желтые тетушки всплеснули руками. А Большой Белый шар объяснил печально и веско:

— Глупенький. То, земное «навсегда» — это краткий миг по сравнению с жизнью звезд. Мы существуем миллиарды земных лет, это почти вечность. А люди, а Стасик твой?.. И сам ты, если там останешься... Ты променяешь вечность на мгновение. Ну,

допустим, хорошее, приятное мгновение. Однако стоит ли...

Но тут Яшка не испугался. Не так уж он прост, хотя и мальчишка.

— Это по-вашему — мгновение. А для человека его жизнь — это знаете, сколько! И вообще... Время не сравнивают. Смешно даже...

— Смешно другое, — вмешался Красный шар. — Впрочем, это грустный смех... Смешно и печально, что ты не понимаешь разницы между собой и микробом, пылинкой.

Яшка сдержался, не нагрубил в ответ. Он нашел слова спокойные, взрослые, мудрые даже:

— Перед Бесконечностью, перед Великим Кристаллом все мы одинаковые пылинки...

Тетушки опять возмущенно и дружно взметнули руки. Но опустили их вразнобой, растерянно.

— Гм... — сказал в своей качалке Темно-красный шарик. — В рассуждениях мальчика есть какой-то философский стержень...

— Только на первый взгляд, — сдержанно отозвался Большой Белый шар. — А на самом деле... Какой же смысл сравнивать с шарами существа микромира? Ведь именно шарам предназначено осуществить идею Всеобщей Гармонии Великого Кристалла.

Яшка подался вперед, сжал пальцами колени.

— Но если... Всеобщая Гармония — это ведь, когда всему Кристаллу хорошо, да? Но тогда ведь и каждому в нем должно быть хорошо! И большому, и самому крошечному! Чтобы каждый... Ну, чтобы у любого, кто живет, было как бы свое окошко, когда оно в домике светится. У всех-всех... А иначе зачем она, эта Всеобщая Гармония?

— Не-ет, малыш, тут ты загнул, — как-то излишне весело сказал Красный шар. — Такого не достичь никогда.

— А если не достичь, тогда зачем все на свете? И Кристалл, и все мы?

Темно-красный шарик закашлялся опять. Желтые тетушки посмотрели друг на друга и приготовились закудахтать.

— Видишь ли... — медленно начал Большой Белый шар. Но Красный перебил:

— Не вертитесь попереки оси, шары. Мальчик спрашивает в упор, надо отвечать честно: никто не знает, зачем на свете все.

— А я знаю! — звонко сказал Яшка. — Чтобы каждому было хорошо!

Большие шары не засмеялись, только Красный слегка улыбнулся. Когда все повздыхали, он снисходительно сказал:

— Так никогда не бывает, милый Белый шарик. Спроси хоть кого... Хоть своего Вильсона...

Большой Белый шар тоже заговорил — с некоторым смущением:

— Ты уж извини, дружок, но мы немножко... так сказать, покопались в твоих мыслях, когда ты спал. Не обижайся, это в твоих же интересах. Нам важно было знать, какими понятиями ты живешь, когда уходишь туда.

— Ну и пожалуйста! Я ничего и не скрываю!

— Тем лучше... И вот посуды: может ли быть хорошо всем даже там, у Стасика? Если его любит Чича, хорошо Чиче, а Стасику наоборот. А если...

— Подумаешь! Мы этому Чиче недавно так навтыкали, что...

— Ясно, ясно... Вот я и говорю: всем ли было тогда приятно?.. Или другой пример. Вы там со Стасиком очень любите пельмени. А хорошо ли теленку, которого пустили на фарш?

— Но ведь... — начал Яшка.

— Что? — спросил Красный шар с грустной подковыркой.

— А то! Нигде ведь еще Всеобщей Гармонии нет! И Вильсон не виноват, что так получается на свете! А когда он вырастет, он будет стараться, чтобы никто никого не убивал и не обижал!

— И у него ничего не получится,— сказал Большой Белый шар.— Да... Конечно, он не виноват, что так все устроено. И когда он вырастет, он поймет, что каждый должен заниматься своими делами: он — человеческими, а звезды — звездными... Возьмем один пример. Я знаю: в микромире, где обитает Стасик, есть свой микромир, еще более крошечный. Невидимые даже глазу Стасика живые существа. Бактерии и так далее. И вдруг среди них обнаружили бы мыслящие, развитые... Или еще мельче! Нашлись бы разумные жители на частицах атомов, летающих вокруг ядра! Стал бы твой Стасик с ними вступать в контакт? С такой... извини уж, неизмеримой мелочью...

— Конечно, стал бы,— убежденно сказал Яшка.— Если бы это... существо... если бы ему было плохо, и оно бы позвало на помощь.

— Но это бессмысленно! — воскликнул Красный шар.

А Темно-красный шарик неожиданно проговорил:

— Однако почему же? Возможно, в этом есть своя логика.

— Но это не логика звездных шаров! — раздраженно отозвался Большой Белый шар.— Согласитесь, что с такой логикой мы придем... сам черт не знает, куда! Надо помнить, в конце концов, что у нас есть своя, звездная цель!.. Белый шарик, мальчик мой! Ведь ты родился звездой! Нельзя изменять предначертанию судьбы, это большой грех...

Яшка тихо, почти со слезами сказал:

— А если я брошу Стасика, значит, я ему изменю... Я и так уже изменил одному...

Большой Белый шар сочувственно кивнул:

— Я знаю, ты имеешь в виду мальчика Ежики... Но ему сейчас хорошо, и он с благодарностью вспоминает о тебе.

— Мне-то от этого не легче...

— Но пока вообще ничего не было! — хохотнул Красный шар.— Вся эта история еще далеко впереди по вектору Времени!

— «Было — не было...» — по-взрослому вздохнул Яшка.— Все равно это неизбежно, раз я здесь... Раз я — шарик. Ведь я стал звездой, потому что бросил Ежики...

— Но ты же стал звездой! — наперебой заговорили Желтые тетушки (оставаясь, впрочем, прямыми и строгими).— Значит, никакой измены не было! Пора бы знать, что звезды не зажигаются с помощью нечестных поступков. Это общий закон Великого Кристалла! Ты просто выполнял свое предназначение!

— А что, разве обязательно кого-то бросать, чтобы выполнить... это... предназначение? Тогда Ежики, сейчас Вильсона...

Большой Белый шар сунул очки в жилетный карман. Подошел, сел рядом на диван, не боясь, что Яшка испачкает пятками его светлые брюки. Взял Белого шарика за плечи.

— Послушай, малыш... Что поделаешь, раз так устроен мир. Приходится и расставаться иногда... с кем-нибудь или с чем-нибудь... ради главной цели. У тебя звездная судьба, а у Стасика своя — маленькая, земная... Ну, нет, нет, не маленькая, не обижайся. Но... другая...

У Яшки защебетало в горле. Потому что он уже понимал: Большой Белый шар прав. И все же Яшка возразил:

— Я ведь тоже родился на Земле.

— На Земле родился кристаллик. А ты, Белый шарик, вспыхнул в пространстве. Вспыхнул не только кристаллик, но и тот кусочек материи, с которым он

столкнулся. Может быть, у того кусочка тоже были свои планы, цели, память...

— Это была просто песчинка. Неживая. Иначе бы я помнил...

— Может, быть, еще вспомнишь. А кроме того, и кристаллик... он вырос хотя и на Земле, но из крошечного звездного зернышка. Мадам Валентина фан Зеахафен вырастила тебя... его то есть... из так называемой звездной жемчужины — такие прилетают иногда на Землю, как мельчайшие метеориты...

— Откуда вы знаете?

— Пришлось узнать. Ради тебя... И еще ради тебя я хочу сделать одну вещь. Показать тебе окно в будущее. По правде говоря, это нарушение правил, но придется, ты ведь не обычный шарик... Чтобы спасти тебя, я покажу, от какой жизни ты хочешь отказаться. Ты думаешь, манипуляции с индексами и минутные радости Резонанса — это все в звездной жизни? А радость познания! А великое счастье строительства новых структур! А музыка пространств, которую слышат большие звездные шары! А тайны межпространственного вакуума, где, возможно, рождается новый, неведомый нам мир!.. Все это шарики узнают после Возрастания. Но пока — хотя бы взгляни! — Большой Белый шар шагнул к окну и толчком распахнул створки.

Летний день за окнами исчез. Раскинулось темносинее пространство, в нем загорелись вдруг сотни многоцветных радуг, переплелись, отразились в гранях невидимых черных зеркал. И все эти радуги зазвучали — словно вздохнула и отозвалась мелодией Вселенная.

Это была мелодия, похожая на ту, что пришла к Яшке в комнате Полины Платоновны. Только бесконечно более глубокая, полностью берущая в плен. И в душе от нее — небывалая радость и обмирание...

— Это Всеобщая Гармония? — прошептал Яшка.

— Нет, что ты...

Да, не было полной гармонии, не было радости Всеобщего Резонанса. Потому что среди черных зеркал открылись щели, из них дохнуло страхом неведомого, это же неведомое зазвучало в музыке. Но страх не унижал, не заставлял спрятаться, а звал в свою глубину: в провалах межпространственного вакуума была жуткая, но притягательная тайна. Из этих провалов метнулись, выросли веерные лучи, превратились в ломкое переплетение разноцветных бесконечных плоскостей, зазвенели неслышно и оглушительно, и в звоне их отозвалась вся неохватность многомерных пространств. В этом переплетении, в этой звонкой мелодии был какой-то скрытый смысл. Еще чуть-чуть, и Яшка уловил бы его. И одним движением пальца, одним импульсом перестроил бы звучащий, тревожный и зовущий к себе мир. Сделал бы его еще лучше! Он чувствовал в себе такую силу!..

— Хватит! — громко сказал за спиной Красный шар. И в окне опять возник обычный день с пыльным солнцем и воробьями в тополиных ветках.

Яшка обернулся — оскорбленно, яростно! Почему у него отняли такое!

— Больше пока нельзя, — объяснил Большой Белый шар. — Я и так переборщил. Ты уже начал проникать. А это нельзя до Возрастания. Потерпи...

Яшка опять сел на диван. И молчал. Оглушенный, тоскующий по только что открывшейся Вселенной. Большой Белый шар снова присел рядом.

— Ты видел, сколько радостей и загадок тебя ждет. Разве можно от этого отказаться?

Нет, не в силах был Белый шарик отказаться от этого... А от Вильсона?

Большой Белый шар заговорил опять:

— Сколько всего у тебя впереди. А Стасик... Ты

станешь большой звездой и просто забудешь про него.

— Нет...— Яшка мотнул кудлатой головой.— Не хочу.

— Ну, не хочешь — не забывай, твое дело.— Большой Белый шар понимал, что одержал победу в главном.

Одна из Желтых тетушек ласково предложила:

— Когда ты станешь большим, сможешь завести детей, шарики-планеты. И если захочешь, разведешь на них сколько угодно мальчиков. И дружи с ними сколько вздумается, энергии почти не понадобится, потому что они будут под боком.

Яшка посмотрел на нее мокрыми злыми глазами.

— Скажете тоже... Все равно ни один из них не будет Вильсон...

— В конце концов это невыносимо! Дался он тебе...— не выдержала другая тетушка.

— Не надо,— строго сказал Большой Белый шар.— Мы и так обо всем договорились. Не правда ли, малыш?

— Да...— прошептал Яшка. Он понимал мысли Большого Белого шара: тот знал, что Белый шарик после Возрастания неизбежно забудет своего друга Вильсона. И сам Яшка это знал.

Пряча последнюю надежду, он попросил нерешительно, негромко, непохоже на прежнего ершистого Яшку:

— А можно мне туда еще один раз? Последний...

— Ни в коем случае!— вскинулись Желтые тетушки.

Но Большой Белый шар отозвался добродушно и понимающе:

— Последний раз можно. Попрощаться... Только дай слово, что ненадолго.

Уход

— А может быть, и тебе стать звездой? — неуверенно сказал Яшка.— Мы бы тогда смогли вместе. Всегда...— Это и была его последняя надежда.

Слабенькая надежда. Потому что ничего же не было рассчитано... Допустим, сумеет Яшка вывести Стасика в пространство, помчится с ним, обгоняя свет, столкнет его с летящей навстречу крупинкой вещества. А дальше? Могут ли земные мальчики вспыхивать, как звезды?..

«Да, но я же уверен, что получится,— сказал себе Яшка.— Лишь бы Вильсон согласился рискнуть. Это страшно, но только на один миг...»

Однако Стасик ничего не сказал о риске, о страхе. Даже не спросил, как это все будет. Он выразился коротко и просто:

— Ты что, спятил? А мама как без меня? А Катька?

Вот и все... Можно, конечно, было объяснить, что маму и Катьку он забудет, когда станет звездой. Но Яшка понимал, как посмотрит Вильсон в ответ и что скажет.

И, значит, ни к чему дальнейший разговор. Все остальное было сказано еще раньше: и о Возрастании, и о том, почему он, Яшка, больше не может здесь появляться. И даже — горько и честно — о том, что скорее всего Белый шарик не сможет вспомнить друга Вильсона, когда станет большим шаром.

Они сидели на топчанах в своем фанерно-сетчатом домике, и рябина царापала веткой промасленную бумагу окна, потому что дул ветер. Была последняя неделя августа, время с жарой и грозами кончилось. Из-за реки бежали быстрые облака — с желтыми краями, но пасмурно-серые. Зябкие предвестники осени.

— Я же не виноват,— прошептал Яшка.— Если та-

кая... природа. Раз я шарик...

Он вдруг наклонился и заплакал — не Белый шарик, а пока еще просто мальчик Яшка. Слезы, крупные, как стеклянные бусины, посыпались со щек и подбородка. На выгоревших белесых штанах они расплывались пятнами, а на темных («как у арапа») колленках размывали пыль.

— Ну, чего ты... Не реви,— скомканно сказал Стасик.— Все равно это должно было случиться. Я знал.

Он понимал теперь, что и в самом деле знал это. Боязливая догадка, что счастье не вечно, что когда-то может наступить разлука, появлялась у него и раньше. Но в радостные дни, среди игр и веселья такие мысли прогонять было легко. А по ночам, в домике, когда вели теплым шепотом разговоры про звездную и человеческую жизнь, казалось невероятным, что Яшка (который вот он, рядом, лохматый, костлявый, пахнущий береговой полыньей и речным песком, настоящий!) может куда-то деваться...

Яшка — Белый шарик — потратил немалую порцию звездной энергии, чтобы остановить плач. Остановил. Но унять слезы — не значит унять печаль.

— Тебе легче, раз ты знал. А я не думал, что все вот так... Свалилось как-то...

— Ну, ничего, не горюй...— через силу проговорил Стасик. Он боялся, что Яшка разревется опять. Тогда и сам он... А какой смысл в слезах, если расставание все равно неизбежно?

Горькую науку переживать несчастья земные мальчики изучают рано и знают ее, видимо, лучше, чем звезды...

Теперь ожидание разлуки уже тяготило обоих.

— Прямо сейчас уходишь? — неловко спросил Стасик.

Яшка рывком встал.

— Надо. Я честное слово дал.

Они вышли из домика на двор. Яшка насупленно умылся у рукомойника. Неуверенно спросил:

— Проводишь до берега?

— Пошли,— отозвался Стасик почти беззаботно.

Эта нотка нарочитой беззаботности словно задала тон их последней прогулке. Они пошли по Банномулогу уже без всяких разговоров о прощании. Стасик насвистывал. Яшка снял сандалии и хлопывал ими по штанам. Приятно было идти босиком по гранитным теплым плитам, по щекоушей траве, по мягкой пыли тропинок. Даже когда острые камешки вдавливались в ступни, все равно приятно. Потому что все это последний раз — весь Банный лог с его поворотами, лесенками, канавами, мостиками, с шепотом листьев на рябинах и тополях, с косо выпирающими на дорогу домами, с неугомонными воробьями среди чердачных будок, узорных домиков, карнизов и водосточных труб. С этой вот серой кошкой, дремлющей на перевернутой лодке (поглядить, что ли? нет, не надо...).

И с Вильсоном, Вильсоном, Вильсоном, который идет рядом!

Стасик шел и насвистывал. Спокойно так...

Ну и хорошо, что спокойно. Может, не так уж и нужен Стасику Яшка. Ежики пережил разлуку, Стасик тоже переживет. Заведет новых друзей. Он уже не тот, что зимой и весной. Смелее стал, решительней, крепче. Проживет и без Яшки.

...Да, но ведь не в этом дело, нужен Стасику Яшка или нет! Дело в том, что Белому шару всегда был нужен Вильсон!

«Но Белого шарика не будет! — сказал он себе.— А будет новый большой шар. Тот, в которого я превращусь... Тот, который увидит и узнает чудеса, тайны и сложности миров, неведомые маленьким шарикам. Вспомним, что было в окне...»

И ожидание нового счастья засветилось впереди,

повеяло теплым ветром. Яшка посмотрел на Стасика виновато: неловко стало за этот прилив радости.

Но Стасик по-прежнему посвистывал, поглядывая на облака. И никто не знал, что внутри у него крик и плач. Ох, выдержать бы... И когда уже стало совсем невмочь, пришел на помощь дождик. Он посыпался из маленькой, как мочалка, тучки, пробежавшей над Банным логом.

Ни Яшка, ни Стасик не стали прятаться. Шли так же, только лица запрокинули навстречу каплям. Дождик тут же промчался, заблестели мокрые плиты, лужицы и листья.

«Последний дождик...»

Навстречу Яшке и Стасику двигался вприпрыжку маленький Вовка Пантохин, гнал проволочной каталкой боченочный обруч. Стриженная под машинку желтая Вовкина голова искрилась. Был он в новой синей матроске (небось для школы купили, а он в ней по улице носится, обормот).

Вовка остановился, заулыбался щербато:

— Я к вам сегодня приду! Можно?

— Приходи,— сказал Стасик. И не стал добавлять, что Яшки уже не будет. И Яшка промолчал. Вовка поскакал дальше.

«Как мальчик на елочном шарике»,— вспомнил Стасик.

«Как мальчик на Дороге»,— подумал Яшка.

Дорога в тот раз привела его сюда, к Банному логу. Сейчас, если постараться, можно выйти с Банного лога на Дорогу. А там — звездный путь. Но Стасик не хочет. И он прав... Но, может быть, придет время, и он все-таки узнает, куда способна вывести эта улица его детства?

— Если окажешься когда-нибудь на Дороге, можешь встретить Юкки,— сказал Яшка.— Он покажет, куда идти...

Стасик не спросил, что за Дорога. Спросил:

— Кто такой Юкки?

— Мальчик.. Его иногда путают с Лотиком, но это не так. Они даже и не похожи... Просто и тот и другой с сестренками ушли из дома. Искать друзей. Но Лотик нашел своего Гальку, а Юкки бродит до сих пор. И с сестренкой они то теряют, то находят друг друга... Ты смотри, свою Катюшку не теряй...

— С какой стати,— насупленно сказал Стасик.

Вышли к пристани. Потом — на обрыв, на то место, где прощались всегда. Было пусто вокруг, только смесь облачных теней и солнца летела по откосам. Баржа отсюда была не видна, но Яшка знал: добежать до нее — одна минута, как всегда. Только сейчас — не как всегда, а последний раз.

Он вдруг подумал, что рано или поздно баржу пустят на слом. И найдут каменного мальчишку в полинялом костюме с поблекшей пионерской нашивкой на рукаве. Вильсон может об этом узнать, догадается про все... Чего доброго, сделает из мраморного пацана что-нибудь вроде памятника и будет себе сердце надирать... Яшка не хотел быть памятником!

Он стал сбрасывать одежду.

— Зачем? — без удивления, устало спросил Стасик.

— А мне все это для чего теперь?.. Отдай тете Поле.

— Совсем сдурел,— вздохнул Стасик.— Может, еще сказать, что ты потонул? Мало ей одного Левушки...

— Ох... я не подумал. Ну, спрячь куда-нибудь.

Он стоял перед Стасиком, тощенный, озябший, незнакомый какой-то. Но пока все еще мальчик Яшка.

— Пойду я. Ладно? — жалобно сказал он.

Стасик торопливо кивнул. Что еще делать, он не знал. Обнимать голого дрожащего Яшку неловко. Рукопожатия не были в обычае у туренских пацанов.

— Иди,— выдохнул он. Хотел еще сказать «прощай», да не вышло. Отчаяние и обида вскипели в нем,

выплеснулись: — Ну, чего ты стоишь! Не торчи тут, убирайся! Думаешь, нужен ты мне, да? — И скорчился, сел в мокрую траву, зубы сцелил.

— Вильсон...

— Убирайся! Врешь ты все! Не звезда ты, а... копилка паршивая, вот! — И Стасик отвернулся так, что захрустела шея. И замер, заостенел...

Яшка стремительно бежал вниз. Хлестали по нему репейники, полынь и бурьян. Болела порезанная где-то пятка. Он всхлипывал громко, не сдерживаясь. Пусть! Последняя боль, последние слезы...

Внизу, у баржи, он все же оглянулся: не следит ли за ним Вильсон? Уж лучше бы выскочил за бугор и следил. Может, рукой помахал бы...

Но Стасик не смотрел, куда убегает Яшка. Он долго плакал, сидя в траве, потом собрал Яшкину одежду, свернул в тугую муфту и затолкал ее в бурьянную чашу.

И пошел к лестнице...

Серое небо

Прошли три дня — пустые, серые. Вечером к Скицыным постучала Полина Платоновна.

— Здравствуйте... Стасик, а что это Яши не видать? То целыми днями здесь, а то...

— В самом деле! — спохватилась мама.— Куда он пропал? И ты, я смотрю, как в воду опущенный. Что случилось?

Стасик тихо кашлянул и стал смотреть в темное окно.

— Станислав...

— Уехал он. Насовсем...

— Как уехал?.. Сбежал?!

— Ну, почему сбежал! Просто перевели... В другой город.

— А в какой город?

— Ну, откуда я знаю? Он сам не знал... Говорил, на Украину куда-то,— придумал Стасик.— Группу, десять человек.

— Но он напишет?

— Откуда я знаю,— опять буркнул Стасик.

— Вы что, поссорились?

— Какая теперь разница! — с отчаянием сказал Стасик.— Если его все равно нет... Что вы все ко мне пристали!

— Не смей грубить! Тебя по-хорошему спрашивают, а ты...

— Не надо, Галина Викторовна,— тихонько вздохнула у двери Полина Платоновна.— Это бывает у мальчиков. Случается, что один из друзей уезжает, а другому обидно, хотя никто не виноват. У Левушки тоже был товарищ, Саша Максимов, а потом, в пятом классе, вот так же... Что поделаешь...

Стасик сидел, привалившись к подоконнику, и наливался тяжелой тоской. В мгλισмом Катерном переулке шуршал дождь.

Полина Платоновна сказала:

— Славный мальчик этот Яша. Я даже думала...

— Что? — спросила мама.

— Да теперь все равно уж... Видимо, не судьба... Недавно Стасика не было дома, а он пришел, говорит: «Можно, я у вас посижу?» Я обрадовалась. Попросила его: «Поиграй мне, если не трудно». И он начал играть. Импровизировать... Честное слово, ничего подобно я раньше не слышала. Даже до слез... Это просто дар Божий...

Тут закапризничала, разревелась Катюшка, мама подхватила ее, Полина Платоновна незаметно ушла.

...А наутро Стасик с сумрачным ожесточением разломал их с Яшкой домок.

Он решил, что не будет больше страдать и тосковать о Яшке. Мудро, по-взрослому, сказал себе: «Что было — не вернешь, а жить все равно надо». И стал жить, как все. Играл на полянке в футбол, ходил в кино с Вовкой и Зямой, которая вернулась из лагеря — загорелая и совсем уже длинная. Потом пришло первое сентября — там вообще хлопот не оберешься. У Стаскиного класса оказалась новая учительница — молодая и очень добрая Елена Матвеевна. Бойко взялась налаживать пионерскую работу, назначила Стасика участвовать в спектакле «Архимед Вовки Грушина». Спектакль был веселый, животики надорвешь, а подготовка занимала целые дни. Заодно Стасик узнал, кто такой был настоящий Архимед, и попробовал проверить его закон, когда купали Катюку. Мама за это пообещала вылить ему за майку всю мыльную ванну и вдруг спросила:

— А от Яши письма не было?

Ну, и все посерело, потускнело тут же. Не надо ни Архимеда, ничего другого...

Мама взяла его за плечи мокрыми руками.

— Ох, Стасёнок ты мой... В жизни ведь всякое бывает. Даже если вы разъехались навсегда, если даже рассорились на прощание, все равно ведь... что было, то было. Хорошее надо помнить, и тогда оно будет с тобой всю жизнь... Верно ведь?

Стасик глотками загнал внутрь слезы и кивнул. Но вся его тоска, вся печаль по Яшке, которая в последние дни пряталась позади суеты и забот, поднялась опять, сделалась главной.

«Хорошее надо помнить»... Было бы легче, если бы расстались по-хорошему. И если бы знать, что Белый шарик тоже будет помнить это лето. Помнить Вильсона... Только не вспомнит он! Превратится в большую звезду после своего дурацкого Возрастания, и станет ему напевать на все, что было...

Но... почему?

Неужели у звезд память хуже, чем у мальчишек! Неужели в ней не найдется уголка для Вильсона? Для... желтого окошка, которое светилось в их самоделном доме?

Может, Шарик напрасно боялся, и ничего он не забудет! Скорее всего, ему это большие шары наговорили. Нарочно! Чтобы меньше думал о Земле, о Вильсоне...

Но если он помнит... Пускай он прийти сюда больше не может, но через шарик-то поговорить, наверно, можно! Хотя бы, разок! Чтобы сказать: «Яшка, ты не злись, что я тогда так по-дурацки закричал на тебя...»

Почему раньше-то не подумал о шарике, балда?!

Эта мысль — такая простая, такая спасительная! — пришла Стасику в школе, на уроке, и он еле дождался звонка. Наврал Елене Матвеевне, что болит голова, схватил портфель и помчался в универмаг. Хорошо, что был в кармане рубль!

Он купил за пятьдесят копеек целлулоидный теннисный мячик и тут же сжал в кулаке: «Шарик!.. Белый шарик!»

Молчал твердый мячик. Ни холодный, ни теплый. Неживой.

Опять стало пусто на душе. И серо вокруг. Листья были серые, дома и заборы серые. И небо серое, без солнца...

Дома Стасик — уже без всякой надежды, просто так — подержал в ладонях все шарики, какие попались на глаза: пластмассовые на Катюкиных погремущках, медные на спинке кровати Полины Платоновны и даже круглые набалдашники на ручках деревянной скалки. Никакого толку.

— Ходит, ходит, — сказала бабушка Зямы, она приглядывала за Катюшкой, пока мама на работе. И заодно воспитывала Стасика. — Уроки бы учил.

— Хочу и хожу...

— Вот обожди, придет мать...

Пришла на обед мама. Катюка обрадованно и немело затопала к ней, шлепнулась, заревела. Мама подхватила ее.

— Ушиблась, маленькая? Не плачь, мама погладит, и все пройдет.

Но Катюка ревела.

— Воет и воет целыми днями, — сказал Стасик. — Спасу нет.

— Что с тобой? Двойку получил?

Эх, если бы двойку. Это разве беда? Он бы на второй год согласился остаться, лишь бы откликнулся Белый шарик! Хотя на полминутки отозвался бы!.. Ой, но ведь он говорил, что не всякий шарик годится для сызби! Только такой, который очень нравится Стасику! Тот, который — не чужой!

Но один отобрали в лагере. Другой уплыл по речным волнам и теперь уже, наверно, где-нибудь в Ледовитом океане... Был еще один — глиняный, с отпечатками травы и пальцев. Потерялся год назад, когда Стасик прыгал из вагона.

...Может, и сейчас там лежит?

Когда появляется надежда, нельзя терять время.

— Ты куда это засобирался?

— Погулять нельзя, что ли?

— В новом костюме, в школьном? Думаешь, у нас много денег от выигрыша осталось? Я твое гулянье знаю, придешь, как с землекопных работ...

Ладно, лишь бы дома не засадила. А то «бабушке некогда, надо с Катей посидеть...» Стасик торопливо переоделся, натянул куцый, рваный под мышкой китель от прошлогоднего костюма, истрепанные летние штаны, чулки, чтобы не исцарапаться в колючках у насыпи, и резиновые залатанные сапожки (бывшие маминь). Мама решила, что он идет гонять мяч на полянке.

— К четырем часам чтобы был дома! И сразу садись за уроки! Я у бабушки спрошу... И картошку почисти к ужину! — Это уже через порог, вслед...

— Ладно!.. — До картошки ли ему? Она, даже самая круглая, не оживет в ладонях, не позовет: «Ты кто? Вильсон?»

Уже выйдя на улицу Стахановцев, Стасик сообразил: мелочь-то не взял из брючного кармана, автобусный билет купить не на что. А кондукторши бдительные и злоющие...

Но не возвращаться же! Он пошел пешком. Погода была зябкая, с моросью, без намека на солнце. А улица Стахановцев — просто бесконечная. Шел Стасик, наверно, не меньше часа, и, когда подходил к насыпи, настроение у него совсем скисло. Но ни разу ему не пришлось в голову повернуть обратно. Потому что пока идешь, ищешь, надеешься, остается хоть какой-то просвет. Все-таки лучше, чем сидеть дома и маяться от тоски...

Он отыскал место, где в прошлом году прыгнул с поезда. Обшарил чертополох, лебеду, лопухи на сорок шагов в округе. Разгребал сапогами стебли, жалил о крапиву руки, яростно отдирал от себя репы, чертыхался и шептал: «Ну, где ты, где?»

Не нашел он глиняный шарик.

Наверно, как и задумано было, найдет его через миллионы лет новый мальчишка и узнает, что жил когда-то на свете Стасик Скицын...

От этой мысли не стало легче. Стасик поднялся по насыпи на рельсы. Оставалась последняя дорога, последний план. Пойти на обрыв у станции Река, сесть на том же месте, где в прошлом году, и вылепить новый шарик. Такой же.

Не было никакой уверенности, что этот шарик откликнется. Но ведь сперва еще нужно дойти, слепить. А пока идешь, есть надежда. Пускай хоть самая крошечная. И Стасик пошел, хотя понимал, что путь до пристани отсюда ох какой не близкий.

Он прошагал по шпалам примерно с полчаса — мимо заборов и пустырей, мимо будок, цистерн и кирпичных складов. И ни разу не прошел навстречу и не догнал его поезд. Станция была уже близко: справа блестела вода, слева поднимались обрывы.

От реки из-за свалившегося под насыпь товарного вагона поднялись на полотно четверо. Без испуга, с пренебрежительным равнодушием к очередному несчастью Стасик узнал Бледного Чичу, Хрына и Бомзика. А потом узнал и четвертого: длинного, стонкой шей, со стриженной головкой и мягким вздернутым носиком. Это был тот, который командовал в прошлом году, когда гонялись за Стасиком и заставили спрятаваться в вагоне.

Поднялись они, пошли навстречу. Бомзик держал на плече моток веревки с проволочной «кошкой». Наверно, компания что-то вылавливала в реке. Может, оружие? Ходили слухи, что банда «Попрыгунчики» перед своим разгромом утопила недалеко от пристани связку немецких автоматов и ящик с гранатами. Находились любители, искали...

Яшка говорил, что обшарил импульсами все дно и никакого оружия там нет...

Эх, Яшка, Яшка... Где ты сейчас?

Двойная радуга

1

Конечно, это была чисто случайная встреча. Но Стасику она случайной не показалась. Наоборот, все одно к одному. Если уж потянулась цепочка несчастий, без Чичи не обойтись.

Стасик не остановился, не сбил шага. И мыслей о бегстве не было. Он шел навстречу врагам со злой покорностью судьбе, с усталой гордостью и с безразличием к тому, что будет дальше. Так, наверно, идут на минные поля насмерть израненные в бою корабли: пронесет — ну и хорошо, а нет — значит, наплевать...

Сначала казало, что пронесло. Чича и Бомзик даже раздвинулись, пропуская его сквозь шеренгу. Чича только скривился:

— А Вильсон! Ну, гуляй... в сапогах по Сиксотному морю.

И Стасик сквозь вражий строй прошел целый-невредимый...

— А ну, стой!

Он оглянулся через плечо. Чича что-то шептал тощему, стриженному. Потом нехорошо посмотрел на Стасика. Заухмылялся — белесый, противный:

— Стой, говорят...

Стасик остановился. Все равно догонят.

— Где твой кореш-то чёкнутый? — ехидно сказал Чича. — Забрали в дом для психов?

— Не твое дело, — без всякой надежды на избавление отозвался Стасик.

— Во! — обрадовался Чича. — Видишь, Васяня, как разговаривает! С ним по-хорошему, а он... Всегда так! Васяня — имя хотя и не совсем обычное, но все же человеческое. Может, он и по натуре больше человек, чем трое других? Едва ли... Сейчас он пригнул к плечу стриженую головку, открыл рот, пошевелил треугольным подбородком с маленьким лиловым чирьем — то ли зевнул, то ли нижняя челюсть у него болела. Потом плюнул сквозь серые губы. Оглядел Стасика от сапог до макушки. Сказал сипловато, непонятно и веско:

— Сява.

— Ага! — обрадовался Бомзик.

— А ты закройся, ты тоже сява... пока. Чича, у тебя к этому что?

— Ну, я же говорил. Вильсон это... Помнишь, в том году гоняли! А потом он с одним психом лохматым... А сейчас не говорит, где он... который тогда с ним...

— Говори, когда спрашивают, — неожиданно произнес Хрын. Выкатил глаза и тяжело задышал: видимо, эта фраза стоила ему больших мозговых усилий.

— Помолчи, если в черепашке пусто, — вздохнул Стасик.

Чича обошел Стасика, ухватил за локти, твердым коленом уперся ему в поясницу.

— Ребя, дайте ему по соплям, чтоб ответил: куда лохматый девался?

Васяня улыбнулся. Криво, по-клоуновски — наверно, чирый мешал. Сморщил узкий лобик. Рыже-серые глазки засветились.

— Он чё, говорить не хочет? Спрашивать уметь надо. По-научному... — Он шагнул к Стасику, большим пальцем сильно, с притиранием провел по его лицу — от подбородка до лба, так что нос чуть не оторвался. Стасик сжал зубы, замотал головой.

В это время летучая морось превратилась в дождик.

— Ай-я! — запрыгал Бомзик. — Капает... Льет... Льет...

— Айда, парни, вон туда, — приказал Васяня. — Сяву тоже берите, там поговорим... — И Стасика повели к дощатой будке, что стояла под кручей, за двойной шеренгой топольков. Она была вкопана в откос — виднелась лишь передняя стенка с приоткрытой дверью и козырек наклонной крыши с лоскутьями толя.

Стасика втокнули в полумрак. Помещение оказалось квадратным, метра два в ширину и длину. Наверно, бывшая кладовка дорожных рабочих или чей-то заброшенный сарайчик. Пинком пленника загнали в угол. Снаружи в это время ударили по глине, по лопухам, по крыше отвесные струи.

— В самый раз смотались, — выдал Хрын умную фразу и опять начал шумно дышать, счастливый своим успехом. Бомзик сказал солидно:

— В нашем деле всегда главное — вовремя смыться. — И примолк опасно: не много ли взял на себя?

— Дверь прикрой! — велел Васяня. — Дует и брызги...

— Тогда темно будет.

— Ты чё, на шивость проверять себя собрался? — сумрачно сказал Чича. А Васяня спросил:

— А свечка? Ты, Бомзик, обещал парафин для жачки принести. Если не принес... оторву.

— Я принес, — захихикал Бомзик. — Вот...

Дверь плотно прикрыли, свечку зажгли. Поставили на пол. Желтый свет, идущий снизу, сделал лица похожими на скомканные маски из оберточной бумаги. Стасик, втиснувшись в угол, смотрел, как маски эти ненатурально сжимаются и разжимаются, как мечутся по стенам и потолку ломкие густо-черные тени. Будто сон какой-то... Но настоящего страха пока не было.

Васяня достал папиросу, сел на корточки, прикурив от свечки.

— Да-ай, — затянул Чича. — Одну затяжечку...

— Не стони, каждому дам по очереди... Даже ему, — Васяня дохнул дымной струей в Стасика. — Он хоть и пленный, а все равно... Покурить даже перед расстрелом дают, Гуныч рассказывал... Ну её, сява, хочешь затянуться?

— Не хочу... Не лезь!

Васяня шагнул к нему, опять сделал пальцем «смазь» по лицу, а потом ладонью крепко хлопнул по макушке. Так, что Стасик спиной скользнул по доскам, сел на корточки. Он не заплакал, ничего не сказал. Понимал, что это лишь начало. Так просто не отпустят,

сперва поизмываются, отведут душу. И раньше, чем пройдет дождь, это не кончится...

Васяня присел рядом — будто с приятелем.

— Ну дак чего ты, сявушка, нам сказать-то не хочешь? — От него пахло смесью табака, жареных семечек и сырой шерстью грязного свитера.

— Про своего дружка психованного молчит, как партизан, — подал голос Чича. — Куда тот делся?

Васяня чуть отодвинулся, повернул к Стасику дымный рот:

— А?

Стасик не ответил. Если скажет про Яшку — уехал, мол, в другой город, — они найдут другую причину для допроса.

— Молчи!... — с упреком произнес Васяня и вдруг ткнул красным кончиком папиросы в Стаськину ногу, между короткой сбившейся штаниной и чулком. Стасик взвизгнул, шарахнулся в сторону, съезжился на полу.

— Больно же! Гад! — И заплакал наконец.

Васяня раскурил папиросу, покивал.

— Конечно, больно. Называется «божья кровка»... — Он или случайно сказал слово «кровка» коротко, или специально. «Кровка» — это было злое слово. — Хочешь, еще разик присажу? Ха-арашо по голенькому...

— Не надо, Васяня, — опасливо сказал Бомзик. Он, конечно, не за Стасика страдал, а за себя боялся. Узнают про такое — всем попадет, и ему, Бомзику, тоже.

— Че-во-о? — спросил Васяня. — Может, сам хочешь?

— Да я-то че, — заюлил, захихикал Бомзик. — Я потому, что он все равно не скажет. Он же матрос. А матросы, они всегда на допросах молчат, хоть режь... Только не надо его по правде резать...

Васяня проявил неожиданный интерес:

— Почему он матрос?

— Да я же рассказывал, — захихикал и Чича. — Матрос Вильсон. Помнишь? — Он тоже явно побаивался Васяни.

— Что Вильсон, помню. А что матрос... Матросов я уважаю

— Да он неправдашный, — разъяснил положение дел Хрын.

— Неужели? — будто всерьез удивился Васяня. — А как узнать, правдашный или нет?

Хрын редко устаивали беседы. Он заторопился:

— У настоящих матросов якорь... И вообще эта... тати... ровка А у него где? — И заржал, довольный своей находчивостью.

— Татуировка, деревня, — сказал Васяня. — А у Вильсона, значит, ее нету? Плохо... А мы ему сделаем.

Стасик перестал всхлипать. Съезжился, прижимая ладонь к ожогу. Дышать перестал.

— Ага! — обрадовался Чича. — Давайте, как у Гуньча! «Не забуду мать родную!» И могила с крестом.

— Это фигня, — решил Васяня. — У одного моего корешка, у большого, татуировка настоящая, морская. Мастера делали. На груди корабль с парусами, а на спине русалка...

— Кто? — удивился Хрын. Он, видимо, был убежден, что русалка — это учительница по русскому.

— Дурак! Тетка морская! С рыбьим хвостом и титьками...

Чича заботливо спросил:

— Вильсон, ты что хочешь? Корабль или тетку с хвостом?

— Орать будет, — опять проявил необычайную способность Хрын. — Это ведь иголкой, я знаю.

— Булавкой можно. У меня есть, — деловито сказал Васяня.

Стасик молчал, зажав слезы. Большого страха по-прежнему не было. Тоска была, это да. Безнадежная

такая... На секунду появилась мысль: броситься, толкнуть дверь, побежать. Но разве убежишь от четверых! Да еще в сапогах... К тому же, и сил не было. Зато было горькое понимание, что все идет по плану злой судьбы, которая решила окончательно расправиться с ним, Стасиком Скицыным... За что?

Едко, очень сильно болел папиросный укус. И Стасик вдруг вспомнил, как год назад искра от капсуля клюнула в ногу Генчика-Янчика. Бедный Генчик... От капсуля мысль прыгнула к Юлию Генриховичу, к его рассказу, как пытали горячей печкой. Эти вот — Васяня, Чича, Хрын — такие же сволочи. Поиздеваться над человеком для них главная радость. Бомзик, может, и не совсем такой, но из-за трусости тоже на все готов.

... — Орать будет, — опять сказал Хрын. Без опаски, а с гордостью за собственное умение рассуждать.

— Чё выкальвать-то будем? — возбужденно спросил Чича.

Васяня самокритично объяснил:

— Картинка не получится. Это настоящие блатяги умеют, у них мастера. Можно якорь...

— А можно «Вильсон»! — нетерпеливо предложил Чича. — Вокруг пупка. Как на спасательном круге. Ага?

— Немецкими буквами, потому что фамилия иностранная... — робко предложил Бомзик. И добавил шепотом: — А может, не надо?

— Орать будет, — насупленно повторил Хрын, уже недовольный, что это его суждение не принимают во внимание.

— Не будет, — решил Васяня. — Он же хороший мальчик. Должен понимать, что для его же пользы стараемся. Для его красоты... А если будет вякать, пасть прижмем...

За дверью мигнул яркий свет и сильно грохнуло. Бомзик подскочил.

— Ух ты! — удивился Васяня. — Был холодный дождик и вдруг гроза. Наверно, погода меняется. Может, еще тепло будет, а? — Он сладко зевнул. — Ну ладно. Чтобы Вильсон во время операции зря не дрыгался, его немножко привязать надо. Бомзик, я там у рельсов доску видел. Ну-ка, тащи...

— Дождик ведь, — плаксиво сказал Бомзик. — И гроза...

— Иди, иди, не сахарный. Закаляйся... Ну!

Бомзик бросил на пол веревку с «кошкой», пискнул — и за дверь. Она впустила серый свет, запахи мокрых листьев и земли. Стасика уже тошнило от свечной гари и табачного дыма, и теперь он стал хватать ртом настоящий, вольный воздух... Может, все-таки броситься?.. Но когда поймают, будет еще хуже, еще унизительнее...

Бомзик очень быстро вернулся. Приволок доску длиной метра полтора. Даже не доску, а черную сырую плуху с запахом гнили. Дверь закрыли опять. Снова — желтые маски, тени, дымная жуть... Васяня поддернул рукава свитера.

— Ну-ка, сява, иди...

Стасик сжался в пружинистый ком. Лишь сейчас он словно очнулся. Неужели все это по правде? С ним, со Стасиком?.. Он отчаянно ударил двумя руками Хрына, лягнул Чичу, боднул головой Васяню. Но громко кричать все еще было стыдно. Вслхлипывал только и выдыхал сквозь зубы: «Гады... гады...»

Стасика подняли, сдернули сапоги, стоймя прижали к скользкой доске. Тугие витки веревки начали рывком притягивать его к твердому дереву — от щиколоток до плеч. И тогда Стасик закричал наконец изо всех сил:

— Пустител! А-а!.. Мамал!

Но крик увяз в дыме и парафиновом запахе глу-

хой кладовки. И тут же Стасику сунули в рот вонючий платок, а новый виток веревки вдавил тряпку между зубов. Стасик замычал.

Доску прислонили к стене — с наклоном детсадовской горки для катания. На Стасике расстегнули китель, задрали рубашку, стянули пониже штаны. Васяня, судорожно вздыхая, из-под ворота свитера вытащил безопасную булавку. Зачем-то подышал на нее, вытер о щеку. Сказал с хрипотцой:

— Ну-ка, ребя, посветите.

Чича поднес огарок. Руки у него дрожали, горячий парафин капнул Стасику на живот. Стасик дернул мышцами, замычал сильнее. Чича хихикнул, качнул огарком снова.

— Ничего, явушка, — ласково выдохнул Васяня. — Это не очень больно, потерпи маленько...

Яркий огонек высвечивал его лицо, — подбородок со следами слюны и чирьем, приоткрытые мокрые губы, наморщенный лобик. Сладкое предчувствие мучительства расплывалось в глазках Васяни масляной пленкой. И Стасик с тоскливым ужасом понял, что это удовольствие глушит все другие Васянины чувства. Вот они какие, настоящие мучители!

В последнем отчаянном протесте напряг Стасик мускулы.

— Фашисты! Энкавэдэшники проклятые! Палачи!

Но этот иступленный крик был на самом деле мычанием — неразборчивым и слабым. Сознание беспомощности наконец навалилось на Стасика так, что стало сильнее страха и боли. «Черное покрывало!..» И с бесконечной печалью и даже с каким-то горьким злорадством он мысленно сказал Яшке:

«Вот видишь, как все вышло, когда ты меня бросил...»

Чича капнул парафином третий раз и заметил:

— Буквы-то сперва написать надо. — Он грязным ногтем провел дугу по Стаськиному животу. Живот свело судорогой.

— Чем писать-то? — недовольно спросил Васяня.

Бомзик опасливо сказал:

— Может, не надо?.. У меня карандаш есть. Химический...

— Давай! — Васяня схватил карандашный огрызок. Взял Бомзика за пальцы, плюнул ему в ладонь, обмакнул в плевок грифель. Зажал булавку в зубах, и с карандашиком нагнулся над Стасиком. — По-иностранному, значит, писать? Это как?

Бомзик дернул горлом, будто проглотил горячую картошку:

— Первая буква, как перевернутая «мэ»...

— Ага... — Мокрый грифель отвратительно зацарапал кожу. — Так... — Васяня вывел перевернутую «мэ», сунул карандаш Хрыну и взял булавку. Стасик закрыл глаза...

— Э!... — вспомнил Чича. — А букву-то, как наколешь, сразу натирать надо! Углем или сажей. Я знаю...

— И карандашом сгодится, — нетерпеливо сказал Васяня.

— От карандаша может заражение быть, он химический...

— А правда, помрет еще... Ладно! У рельсов каменный уголь валяется, куски, я видел. Натолчем его, чтобы все по правилам... Бомзик, пошел!

Бомзик метнулся из будки, словно его тошнило. Плечом ударил в дверь, выскочил. Упругий воздух опять хлынул в душную кладовку, загасил свечу.

— У, зараза! — плаксиво завопил вслед Бомзику Васяня. — Оборву дрыгалки, недоносок контуженный!.. — И замолчал. В открытой двери сверкало солнце — на тополиных листьях, на рельсах, на мокрой траве. Дождь кончился. Стасик увидел, что Бомзик стоит на рельсовом полотне, запрокинув лицо. Воло-

сы Бомзика искрились под лучами. Он вскинул руки и закричал:

— Ребята, глядите, радуга какая! Двойная, через всю реку, как мост! Я такой никогда не видел!

Ругаясь шепотом и почему-то хромая, Васяня вышел из будки. Хрын и Чича поспешили за ним. Хрын пяткой ударил дверь, она захлопнулась, но солнечные щели горели в темноте. За дверью раздавались голоса:

— Во, подлюга, с берега на берег!

— Моща! Я, когда в деревне у бабки был, там такая же...

— Наверно, в этом году последняя. Жалко...

Неужели они могли радоваться радуге, как люди? Желание свободы рвануло Стасика болезненной дрожью. Он изо всех сил напряг мышцы, дернулся! Может, ослабнет веревка!

— Эй, парни, полундра! — вдруг завопил снаружи Чича. А следом тонкий голос Бомзика:

— Ай! Берегись!..

Зашелестело что-то, нарастающе зашумело, сотрясающим ударом накрыло будку. И навалилась глущая тьма.

2

Стасик не понял, конечно, что случилось. А враги его сразу увидели, что едва спаслись. Подмытый ливнем глиняный многотонный пласт отслоился наверху от обрыва и заскользил вниз. Он завалил бы, наверно, рельсовый путь, но лавину остановил двойной строй топольков. Это были тополиные стволы, врытые вдоль полотна: их вкопали весной, и за лето они отрасли длинные ветки-побеги. Топольята задержали поток глины, но будка оказалась заваленной полностью. Слово ее и не было.

— В...от па...а...длюга, — начал заикаться Чича. — Ч-чуть не з-закопались...

— А Вильсон? — перепуганно спросил Бомзик.

— А ему-то какой фиг делается? — сумрачно сказал Васяня. — Там и сидит. Целехонький.

— Копать надо, — сообразил Хрын. — Сам не разроет...

— Позвать кого-нибудь... — Бомзик с перепугу мелко топтался на месте. Васяня стрельнул в него глазами:

— Ага! И найдут эту сяву связанную. Скажут: «Чё вы с ним творили?»

— А к-как теперь? — Чича был не бледный, а панично-розовый от страха.

Васяня отвел глаза, но сказал бодро:

— Сам выберется, если захочет... А мы-то при чем? Мы его закапывали, что ли?..

— Не... Сам не выберется, — вздохнул Хрын.

— А он тебе кто? Любимый брат? — Васяня глянул исподлобья. — Чего страдаешь? Кому его надо, без нас найдут.

— Вот тогда-то он все и расскажет, — съезженно вздохнул Бомзик. Васяня стал смотреть на него долгим взглядом. И Бомзик все ежился, ежился. И все понимали, что едва ли скоро найдут Вильсона. Кто вспомнит про эту никому не нужную будку, кто станет ее раскапывать? А если когда и раскопают, Вильсон уже ничего не расскажет.

Вот именно — не расскажет. И нет виноватых...

А если поглядеть на глиняный завал, то вроде бы и не было никакой будки. И Вильсона не было. Надо просто пойти домой. Будто ходили они на речку и теперь возвращаются как ни в чем не бывало...

— А правда... Мы-то при чем? — шепотом сказал Чича.

Васяня всех обвел глазами:

— Хватит... Никто ничего не видел, не помнит! Ясно, пенчики? А кто пикнет... вы меня знаете.

...Правду говорят, что отчаяние прибавляет сил. Сумел Стасик ослабить, а затем и размотать веревку. Но когда он в темноте всем телом грянулся о дверь, силы опять пропали. Потому что наконец дошло до Стасика, что же случилось на самом деле. Может быть, не совсем дошло, не в подробностях, но главное он ощутил—это могила. Крикнул—слабо, без надежды—и голос увяз в глухой тесноте каморки.

Стасик сел, спиной привалился к двери. Обнял колени. Было душно, кружилась голова. Чернота липко охватывала Стасика—хоть с открытыми, хоть с закрытыми глазами. В ней плавали размытые зеленые пятна, но они быстро таяли. «Черное покрывало...»—опять подумал Стасик. Прежний страх запертого помещения снова вспомнился ему. И понятно стало, откуда в душе давнее предчувствие такого конца. Но это был не сам страх, а только память о нем. Стасик уже не боялся. Бояться имеет смысл, когда еще можно спастись от опасности. А сейчас это уже случилось, и возврата не было.

Стасик не размышлял, от чего он здесь погибнет: от голода, жажды или удушья. Потому что уже сейчас он чувствовал себя умершим. Не было ни звуков, ни времени, ни ощущений. Даже боль от ожога казалась теперь посторонней, чьей-то чуждой. И лишь одно неясное ожидание еще жило в Стасике: должно случиться что-то самое последнее. Не страшное уже, но полностью безысходное. То, что поставит точку...

И Стасик не удивился, когда в душевой черноте смутно забелела забинтованная голова.

...Юлий Генрихович взял его за кисть руки не очень холодными, но все равно неживыми пальцами. Он был совсем рядом, но говорил словно издали. Не сердито говорил, даже ласково:

— Соскучился? Ну, пойдём...—Он потянул Стасика, тот оказался на ногах. И даже в сапогах.

Темнота оставалась непроницаемой, но в ней стало ощущаться пространство. Как широкая беспроектная ночь.

— Пойдем...

И они пошли.

— Куда мы?...—тихо спросил Стасик.

— Туда... Ко мне...

Тогда Стасик сказал слабо, обессиленно:

— Я не хочу...

— Что поделаешь. Хочешь—не хочешь, а иначе нельзя.

Стасик и сам знал, что иначе нельзя. Они шли долго, и наконец Стасик начал различать то, что было вокруг. Не глазами, а каким-то иным зрением он в непроглядной ночи видел черные деревья, черные многоэтажные дома, черные звезды на небе... Под сапоги попадали комки стылой земли. Тянул промозглый ветерок.

— Не дрожи, скоро не будет холодно,—сказал Юлий Генрихович. Стасик молчал. Отчим (по-прежнему издали, с черной высоты) сказал опять:—Видишь, я снова пришел к тебе на помощь. Никто не приходит, один только я. Тогда в лагере и сейчас...

— Но тогда вы были живой,—несмело возразил Стасик.

Юлий Генрихович помолчал, вздохнул:

— Нет... Я и тогда не был живой. Меня сделали мертвым раньше. В сорок четвертом, там, в зоне...

Он крепче перехватил руку Стасика и зашагал быстрее.

— Я не хочу,—опять сказал Стасик.—Отпустите меня, пожалуйста.

— Куда?

— Домой. К маме...

— Не имеет смысла. Ведь мы идем уже несколько месяцев.

— Ну и что? Отпустите...

— Тебя и так давно отнесли маме. Откопали и отнесли...

— Нет!—Стасик впервые сильно дернулся.—Не правда!

— Правда. Не рвись... К тому же, и мамы скоро не будет.

— Нет!!!—Он рванулся так, что Юлий Генрихович остановился.

Ночь была заполнена глухим гулом. Пространство расслаивалось, тошнотворно давило на сознание своей раздвоенностью. Стасик узнал жуткую двухэтажную пустоту, которая мучила его во время дифтерита. По двум бесконечным плоскостям тяжело катились друг над другом угольно-черные поезда.

...— Мамы скоро не будет,—повторил Юлий Генрихович.—Видишь, за ней уже послали машину.

И Стасик увидел в темноте знакомую «бээмвэшку», в которую сел однажды Коптелыч. Она бесшумно ехала по гладкой площадке, которую пересекал по рельсам ровно гудящий состав.

— Нет!—крикнул Стасик изо всех сил.—Нет!!! Не надо!

Ударившись об этот крик, как о забор, машина стала. Забуксовала поперек рельсов. Черный локомотив стремительно ударил ее буфером, и темноту пробила режущая глаза вспышка.

Возрастание

Белому шарикуну стало известно, что Возрастание, которое ожидает его,—не единственное. Оно лишь ступенька в процессе постижения звездной мудрости. Потом будут и другие Возрастания, после которых Шарик (то есть уже молодой Белый шар) достигнет новых горизонтов познания...

«Значит, люди растут постепенно, а шары скачками,—размышлял Белый шарик.—И, наверно, после первого скачка я превращусь из мальчика в юношу, а потом уже во взрослого. А еще дальше—в пожилого, как Желтые близнецы... А интересно, в такого старого, как Темно-красный шарик, превращаются тоже после Возрастания? Или просто ссыхаются постепенно?..»

Впрочем, до той поры было так бесконечно далеко, что Шарик думал об этом лишь мельком. Главное—первая ступень. И радостное ожидание теперь уже не оставляло Шарика. Правда, в эту радость большие шары несколько раз капали уксусом:

— Ах, если бы ты не потратил столько энергии напрасно...

— Мы не знаем даже, хватит ли сейчас у тебя сил...

Но это скорее в целях воспитания, а не всерьез. И в конце концов Красный шар сказал:

— Хватит пилить мальчишку. Он уже все понял, а вы, господа, зудите... Все получится в лучшем виде.

Он так и сказал—«мальчишку»? Или Шарикуну слышалось? Из-за привычки все переводить на человеческие понятия...

От этой привычки Белый шарик так и не избавился до конца. Да что там «до конца»! Вообще не избавился. И от воспоминаний. Случалось, что в самые важные моменты подготовки к ответственной акции вдруг возникал в памяти Банный лог, покрытые по-

лыню и чертополохом откосы и желтое окошко в вечерних кустах. И Вильсон, Вильсон, Вильсон! Вставал перед глазами... Впрочем, какие у Шарика глаза! Скажем так — перед мысленным взором...

Большой Белый шар, видимо, догадывался об этом. Он сказал мягко, уже без всякой назидательности, с сочувствием:

— Что поделаешь. Это надо преодолеть, дитя мое. Вспоминай чаще то окно, которое показал тебе я.

И Шарик вспоминал. И радостно-тревожный зов пространств и загадок Вселикого Кристалла звучал в нем, как музыка. И предчувствие необыкновенного праздника снова охватывало его.

Но звучала в той музыке, в самой ее глубине, отдельная, не вошедшая в мелодию нота... Это как однажды, когда Яшка заиграл на фисгармонии что-то свое, неожиданно проснувшееся в душе, а Стасик, дурачься, ткнул пальцем наугад в один из клавишей. И высокий щемящий звук разрезал мелодию, как разрезает пространства невидимая стеклянная плоскость. Яшка хотел рассердиться, но глаза у Вильсона почему-то были такие... ну, будто он знает что-то печальное. Такое, что Яшке неизвестно. Догадывался, может быть, о близком расставании?

Эта нота, к счастью, была сейчас почти неслышной, а если и пробивалась в сознании, Белый шарик заглушал ее основной музыкой. И утешал себя, что скоро вообще все забудется, откроется совершенно иная жизнь. Хотя притаившийся в нем лохматый Яшка и вздыхал украдкой, что это нечестно...

А почему нечестно? Если у Белого шарика свой путь, звездный, а у Вильсона — человеческий!

Яшка, зашевелившийся опять в Шарике, невежливо толкал совесть пыльными твердыми пятками и локтями:

«Пути могут быть разные, когда нет общей Дороги...»

Но это была уже какая-то совсем путаная, несерьезная мысль. И Шарик прогнал ее сердитым пинком...

А когда торжественный момент Возрастания стал совсем близким, Белый шарик вообще запретил себе воспоминания и сомнения. Нужна была внутренняя сосредоточенность. Нужны были все запасы энергии и твердость духа.

Но даже в тот праздничный день Белый шарик не смог изменить привычке видеть себя мальчишкой. Разумеется, он отдавал себе отчет, что находится в космической пустоте, в центре звездной пирамиды, на вершинах которой взволнованно ждут его Возрастания шары-наставники — добрые, внимательные, умные, — а из соседних с пирамидой областей тоже следят за происходящим и шлют импульсы-поздравления другие шары. Но в то же время он чувствовал себя мальчишкой, приглашенным в гостиную, где собрались доброжелательные, но строго воспитатели и солидные гости.

Он не был теперь растрепанным пацаном с Банного лога, а пришел сюда, как приходили на торжественные гимназические акты мальчики Реттерхальма. В праздничном костюме — вроде того, какой однажды заказала для Лотика мадам Валентина: короткая синяя курточка с узкими рукавами и просторным зоротом, из-за которого был выпущен широкий, отороченный кружевом воротник рубашки (и такие же манжеты спускались из-под обшлагов); светлые шелковистые брюки и черные башмаки — такие лаковые, что в них отражалась вся гостиния.

Гостиния эта не была той, в которой он много раз вел споры и получал нахлобучки. Это был целый зал

с зеркалами, красными портьерами и сияющей люстрой над овальным столом.

У стола сидели все, кого Белый шарик знал. Не только жители пирамиды, но и ближайšie соседи. А на председательском месте — Зеленый шар, староста всех окрестных областей.

— Подойди, дитя мое, — с отеческим добродушием, но важно произнес Зеленый шар.

Белый шарик сделал, как полагается, три шага и наклонил голову (не лохматую, а на сей раз причесанную, с пробором).

Зеленый шар встал. Покашлял. Остальные внимали.

— Мальчик! Мы все пристально и с любовью следили за твоим детством. Прощали тебе шалости, радовались успехам. Видели, как ты становишься все более разумным и умелым... Ты порой тратил энергию на ненужные поиски и опасные эксперименты. Что поделаешь, так устроен мир: мы все учимся на собственных ошибках. Но теперь время детских ошибок позади...

— Пришло время ошибок молодости, — ввернул фразу Красный шар и заулыбался. Это слегка нарушило торжественность, но Зеленый шар принял шутку снисходительно. Посмеялся, покивал толстыми подбородками, лежащими на салатном жилете. На одном из подбородков светилась пунцовая бородавка (это был крошечный красный спутник, вращавшийся вокруг Зеленого шара).

— Дитя мое! Мы пришли к выводу, что ты достаточно разумен, чтобы шагнуть на новую ступень звездного развития. И тогда ты сможешь неизмеримо больше, чем раньше, совершить добрых деяний во имя идеи Всеобщего Резонанса...

Зеленый шар взял со стола красную с золотом папку. «Вот оно», — подумал Белый шарик, и сердце заколотилось.

— Белый шарик! — возгласил Зеленый шар громче и официальнее, чем прежде. — Пришла пора вручить тебе диплом Первого Возрастания. Для этого тебе остается сделать последний шаг. Собери силы и переступи черту!..

Все встали. Желтые тетушки торопливо выбрались из-за стола и, мешая друг другу, расстелили на темном паркете белую ленту. Прямо у башмаков Шарика. Одна шепнула:

— Вот ее и перешагнешь...

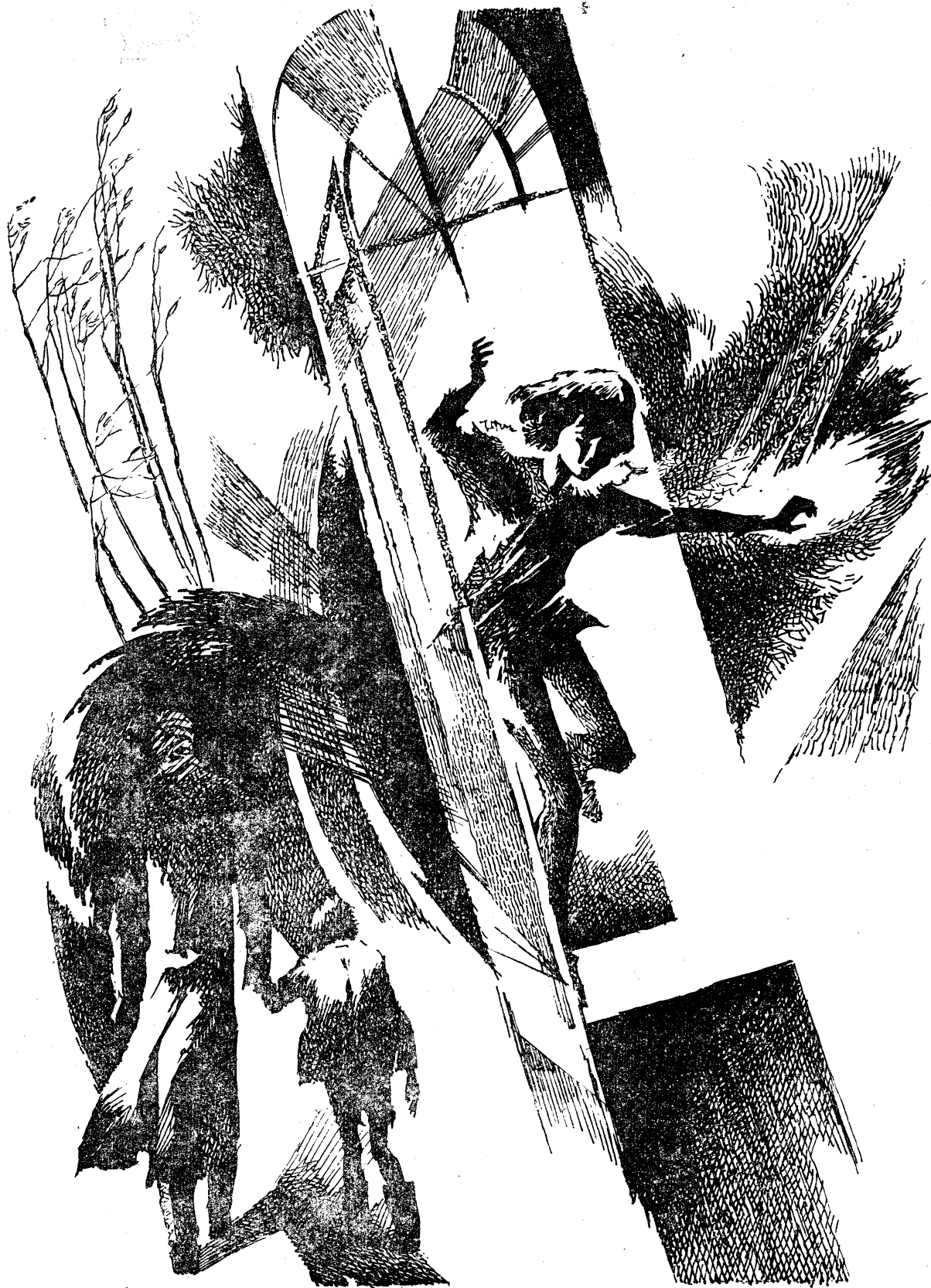
А другая:

— Только сразу, не топчись...

Это была не просто лента, не просто черта. Над ней упругой стеной вставало энергетическое поле. Действительно, понадобится немало сил, чтобы пробить его. «Если не протолкнусь, пушу с плеча рассекающий импульс. На один-то энергии хватит», — подумал Шарик с дрожью праздничного азарта. — Только бы не зацепить кого-нибудь за столон...»

Белый шарик прекрасно понимал, что все это лишь игра его сознания. Но тем не менее отчетливо видел подробности: и отражение люстры в своих башмаках, и желтый закат над крышами Реттерхальма в раскрытых окнах, среди раздвинутых наполовину портьер. И ощущая, как теплеет от волнения щеки.

Большой Белый шар отошел к темной, с витыми бронзовыми столбиками тумбочке. На ней сверкал желтой ребристой жезью рупор граммофона. Большой Белый шар с торжественной плавностью опустил на диск никелированную головку мембраны... Без обычного шипения, неожиданно чисто, с мягкой громкостью заполнила гостиную музыка оркестра. Пели трубы и скрипки, вздыхал где-то позади них орган. Мелодия была та, которую Белый шарик ждал. Которую однажды он услышал у распахнутого во Вселенную окна. Только теперь она звучала более светло, без прежней тревоги. Хотелось броситься в нее, как

в полет, раствориться в этом сиянии и счастье... И лишь еле заметно пробивалась наперекор оркестру высокая ровная нота — словно далеко-далеко Вильсон опять давил неважно отделившийся клавиш.

— Ну, мой мальчик! — Зеленый шар протянул тяжелую папку диплома. — Ты готов? Сделай усилие и шагай...

— Ага... сейчас, — неловко сказал Белый шарик. Качнулся вперед. Но одинокий звук нарастал, рассекая общую мелодию голосом тоскливого рожка.

— Что же ты? — уже с беспокойством поторопил Большой Белый шар. — Мы ждем, малыш. Всего шаг...

Медный рожок запел томительно и резко, врывается в сознание сигналом резкой беды. Белый шарик зажал уши.

— Не надо!

Мембрана сорвалась с пластинки, жестяной рупор со скрежетом осел, музыка оборвалась. Но медный сигнал звенел, заполняя пространство, превращаясь в человеческий голос, в мольбу о помощи, в отчаянный крик...

Белый шарик прыгнул к окну. Вскочил на подоконник. С шорохом упала сорванная портьера. Только что был за окном Реттерхальм, деревья, вечер, а теперь — непостижимо черный, непостижимо глухой межпространственный вакуум. Впервые Белый шарик видел эту пустоту Яшкиными глазами.

Яшка зажмурился. И вспомнил, как с высоких мостков прыгают в речную воду туренские мальчишки.

Тополек

1

Не было, не было времени, чтобы проникать на баржу и потом уже мчаться искать Вильсона. Белый шарик вонзился невидимым лучом прямо туда, где изпод завала рвался в пространство Стаськин черный импульс. Луч метнулся в поисках массы для Яшкиного тела — по глине, по шпалам. Уперся в один из топольков. Живые клетки! Тем лучше!.. Воздух толкнулся, как от небольшого взрыва. Яшка встал на месте тополька, увязая лаковыми башмачками в жидкой, блестящей на солнце глине.

Стаськин сигнал уже угасал, как угасает крик обессиленного человека. Но Яшка теперь точно знал, где Вильсон. Вскинул над головой, как топор, сомкнутые ладони.

Тонкая — уже слишком тонкая! — импульсная нить, что связывала Яшку с Белым шариком, застонала от перегрузки. Но выдержала. Яшка махнул отяжелевшими руками — плоское пламя рассекающего импульса снесло и отбросило глиняную грудку. Медленно упала наружу дощатая дверь...

Огонь взрыва от столкновения паровоза с машиной не погас. Он разгорался, делался разноцветным, превращался в сверкающий день. Стасик лежал навзничь на срезанной с петель двери и видел небо. Половина неба сияла вымытой голубизной, а другая была еще затянута пологом уходящей грозы. На нем таяли остатки радуги. Запах дождя, реки, сырых топей волной прошел по Стасику. И Стасик решил, что будет лежать вот так — счастливый, свободный — тысячу лет.

Зачавкали шаги. В небе над собой, на границе грозы и синевы, Стасик увидел Яшку. Его голову и плечи. Голова казалась перевернутой, потому что Стасик сам лежал запрокинувшись. Перевернутый Яшка тревожно мигал и вытягивал шею. Шея и плечи были в странном кружевном воротнике. И Стасика обожгла

испуганная догадка, что все это — продолжение бреда!

Стасик не то крикнул, не то пискнул, дернулся, сел. Затошнило. Но яркий день не исчез. И Яшка не исчез. Сел на корточки.

— Вильсон! Ты целый?

Нет, не сон. Вот он, Яшка, настоящий. Трясет Стасика, жалобно просит:

— Встань. Я хочу видеть, что ты живой.

Стасик послушно встал. Затоптался на твердых досках.

— А сапоги-то... Яш, они там остались...

Яшка метнулся в будку, вынес сапоги. Стасик толкнул в них ноги. Он чувствовал себя, словно среди дня заснул долгим тяжелым сном и теперь его растолкали. Потер ладонями лицо, потряс головой... День все так же сверкал, умытый ливнем. Обещал смену погоды, тепло. Пускай не надолго, но возвращалось лето. И Яшка вернулся... Правда, не совсем такой, как раньше. Он, кажется, стал повыше и одет был почему-то, как мальчишки на картинках в журнале «Нива» у Полины Платоновны.

Стасик спросил:

— А ты... вернулся, чтобы как раньше? Или только чтобы раскопать меня?

— Что с тобой тут случилось? — нервно сказал Яшка.

— Ну, что... Поймали, наколку делать хотели. Во... Стасик поднял на животе рубашку. — Только не успели. Выскочили радугой полюбоваться, сволочи. А тут... завалило, да?

— Оползень...

— Будто могила, — вздохнул Стасик. — Никто бы никогда не откопал.

— А они-то! Они же, наверно, за лопатами побежали!

— Держи карман... Никто бы не узнал. Если бы не ты... — Стасик вдруг содрогнулся мучительной, как боль, дрожью от всего, что пережил. Теперь уже трудно было разобраться, что случилось по правде, а что страшно привиделось в этой проклятой будке... Но зато Яшка — вот он!

Стасик опять спросил:

— Ты насовсем? Или только...

— Только, — вздохнул Яшка.

Радости поубавилось, но Стасик сказал храбро и спокойно:

— Ну, что же... все равно хорошо. Спасибо тебе, Яшка. — Потом попросил: — Ты не злился, что я тогда... ну, заорал так по-глупому. Это просто, чтобы не зареветь...

— Да ладно тебе...

— А ты... — Стасик чуть улыбнулся. — Весь такой красивый. И вроде бы побольше сделался. Что, уже началось Возрастание?

— Нет. Я из тополька... вырос. Прямо здесь.

— Правда... — Стасик увидел, как на Яшкиной шее повыше воротника вздрагивает, приклеившись черенком, свежий листик. Хотел снять его, быстро потянул. Яшка ойкнул — черенок оторвался, и на коже выступила красная капелька.

— Прости, — испугался Стасик. — Я не знал...

— Да челуха, — Яшка промокнул капельку пальцем.

— Залечи, — виновато сказал Стасик. — Ты ведь умеешь.

— Не стоит. Мне теперь знаешь как надо энергию беречь... — Яшка снова ощутил, как болезненной жилкой дрожит импульсная нить. Даже голова кружилась и слабели ноги.

— Да тут ведь совсем чуть-чуть надо, энергии-то, — смущенно сказал Стасик.

— Тут-то чуть-чуть. Зато переброс во что обходится...

Он хотел сказать: «Мне пора уходить, Вильсон. А то будет беда». Но ощущение боли — не своей, Стаскиной — удержало его.

— Что у тебя с ногой?

Болезнь ожог. До сих пор эта боль была как бы отодвинута, существовала отдельно от Стасика. Но сейчас раскаленный стержень воткнулся в бедро.

— Папиросой... гады... — И Стасик закурил губу.

Яшка быстро сел на корточки. От его ладони пришел тугий успокоительный холодок, растворил в себе ядовитое жжение. Стасик задышал часто и облегченно. И все же сказал с упреком:

— Что ты делаешь! Сам же говорил — беречь энергию надо.

— Ладно уж... — Яшка встал. Под засохшей капелькой крови дергался на горле тонкий сосудик — в ритме натянутой до отказа импульсной нити. Яшка сумрачно спросил: — А если они снова тебя поймают?

— Теперь пусть попробуют... Знаешь, как буду отбиваться!

— Их же много...

— Ну и что! — яростно вскинулся Стасик. — Всех перегрызу!

Яшка осторожно сказал:

— А вот сегодня-то... ведь не отбилась.

— Потому что... — Стасик стал смотреть вдоль рельсов. Они сверкали, слепили глаза. — Мне как-то все равно сегодня было. Потому что тебя не было...

— Меня ведь и опять не будет, — еще осторожнее напомнил Яшка.

— Все равно. Теперь уже будет не так. Мне теперь хватит...

— Чего? — прошептал Яшка.

— Ну... как ты пришел сегодня. Я помню буду... «На всю жизнь», — хотел добавить он, только постеснялся.

Прощание опять придалось вплотную, и они стояли друг перед другом, не зная, что еще сказать. Стасик неловко спросил:

— Ты сейчас опять в тополек превратишься?..

— Сначала я провожу тебя. Хотя бы до лестницы...

Лестница была недалеко. Они поднялись до половины, сели на сырые ступени. Близок уже был вечер, влажный воздух золотился. Небо совсем очистилось, но обрывки радуги все еще висели над заречной далью. Яшка обводил глазами горизонт, деревни с минаретами, изгибы обрывистого берега, похожий на белую крепость монастырь, серо-желтую после дождя реку. Видна была и черная баржа на песчаной полосе... Теперь на баржу ему не надо. Надо только отойти вон туда, на травянистую площадку. Сказать Вильсону, чтобы не ходил следом, а то его зацепит воздушным вихрем... Секунда — и встанет на откосе тополек... И, наверно, Стасья не раз будет приходить сюда. Ладно, пусть приходит. Тополек — он не каменная статуя, живой все-таки...

А Стасик не смотрел ни вокруг, ни на Яшку. Сильно согнулся, тербил на сапоге отошедшую резиновую заплатку.

Вот и все. Надо что-то сказать на прощание, потом встать, шагнуть в сторону... А что, если перетянутая, дрожащая в последнем усилии нить не выдержит, полнет от первого движения? Потому и страшно двигаться?..

Или все же не потому?

Не поднимая головы, Стасик тихо спросил:

— Тебе не влетит, если ты опоздаешь на Возрастание?

Ни о каком Возрастании теперь не могло быть и речи. Энергии хватил лишь на то, чтобы вернуться.

А для Возрастания копить и копить силы. Под укорищенное молчание больших шаров.

Импульсная нить натянулась, как тонкая-тонкая резина. Словно Яшка — тряпичный мячик, вроде тех, что на рынке продают по рублю веселые бабки, а другой конец резинки далеко-далеко, в чьей-то властной и нетерпеливой руке. Только шагнешь — и тугая сила унесет тебя в звездную пирамиду...

Но это — если не медлить. Нить уже на последнем пределе. На сколько минут (нет, секунд!) хватит энергии, чтобы удержаться здесь?

А зачем держаться? Зачем они, лишние секунды?

Ласковый земной простор обнимал Яшку на прощание. «Пойду я...» — хотел сказать Яшка. И вцепился в ступеньку. И сказал:

— Возьми меня за локоть. Крепче!

— Зачем?

— Возьми!

Стасик испуганно вцепился.

— Яшка, что с тобой? Ты помираешь, что ли?

— Не-а... — Яшка зажмурился. Резко, беспощадно зазвенела темнота. Импульсная нить порвалась, хлестнула Яшку. Так бьет по лицу лопнувшая резина рогатки.

...В тот день в обсерватории «Сфера» было отмечено, что погасла звезда «Я-37».

— Когда вы это обнаружили? — спросил у дежурного ассистента научный сотрудник Скицын.

— Двадцать минут назад, Михаил Петрович. Зафиксировали прямо на дисплее.

— Может, барахлит настройка? — спросил Михаил. Четырехмерный межпространственный анализатор, именуемый по привычке телескопом совмещенных граней, не был еще отлажен окончательно, группа «Кристалл-2» колдовала над ним днями и ночами.

— Но нет сигнала и на ленте хроноскопа... — Ассистент словно чувствовал себя виноватым. — Сами взгляните.

— Я будто чуял... — вздохнул Михаил. — Ладно, сделайте запись...

Вечером к нему пришел семиклассник Витька Мохов.

— Миш, все говорят, что Яшка погасла...

— Говорят, — вздохнул Михаил.

— Жалко...

Михаил сказал небрежно-философским тоном (явно, чтобы утешить Витьку, а не себя):

— Что же теперь... Все равно это было очень давно. Прикинь, сколько световых лет, да помножь на коэффициент совмещенных пространств...

— Все равно жалко... Это для нее давно, а для нас-то ведь только сегодня... Яков Матвеевич знает?

— Нет еще.

— Миш, а правда, что хроноскоп пустили?

— На той неделе еще.

— И что, в самом деле он берет мгновенные импульсы? Все, что случилось в пространстве, фиксирует сразу? Независимо от расстояния?

— Не все, а в том секторе, куда направлен. И пока только графически... И энергии жрет за один сеанс, как целая космическая верфь за месяц. У нас уже половина накопителей пуста...

— Все равно... Значит, если где-то вспыхнула звезда, мы узнаем сразу? Не надо ждать, пока долетит свет! Да?

— Не надо ждать, — рассеянно отозвался Михаил. — Ты вот что. Скажи своему Цезаренку и еще этому... Юр-Танке, чтобы не лезли без спроса к моему вычислителю. А то уши отвинчу, не посмотрю, что князь...

— Не поймаешь,— засмеялся Витька.— Юрик теперь тоже знает, что такое прямой уход в подпространство...

2

Импульсная нить порвалась, и концы ее, скручиваясь, понеслись в пустоте Кристалла. Один конец ударил по Шарикю. И газовые массы звезды стали стремительно гаснуть, проваливаясь в тускнеющие пропасти, исчезать... Другой конец ударил по Яшке, свернулся в горячий клубок и спрятался внутри мальчишки — крошечный остаток звездной силы. Быстро остыл, затаился в Яшке, как ел (теплое зернышко. (А может быть, звездная жемчужинка, из которой когда-то вырос кристаллик мадам Валентины?)

Яшка приглубил в себе это живое зернышко, словно крошечного птенца — с резкой печалью о невозвратном. И... с облегчением, что обратного пути нет. Опять оглядел берега, заречье, небо. Все это теперь было его. Навсегда...

Но сам-то он, Яшка, был чей?

А Стасик ничего еще не понимал, спросил опять с хмурым заботливостью:

— Ну? Что с тобой?

— Куда же мне сейчас? — потерянно прошептал Яшка.

— Как... куда?

— Порвался канал! Понимаешь?.. Не вернуться мне туда!

Постепенно, со стыдливой и осторожной радостью Стасик осознавал, что случилось. Но открыто показать даже капелю радости не посмел. Сказал, насупившись:

— Ты велел держать. Я и держал... Я не виноват.

— А кто виноват? — Еле-еле заметно проскользнула в Яшкиных словах прежняя дурашливая искорка. И пропала. — Оба мы виноваты...

— Значит, назад тебе уже никак?

Яшка встал, засопел сердито, развел руками в кружевных манжетах.

— Нету Белого шарика. А Яшка вот он, весь тут. Навсегда... Куда мне деваться?

От приступа счастья Стасик обрел решительность:

— Балда ты! «Куда!» К нам!.. Только Полина Платоновна заспорит, наверно: она мечтала, чтобы ты у нее жил. Она с ума сойдет от радости.

— То-то уж «радость», — хмыкнул Яшка.

— Пошли, не разговаривай!.. Постой. Ох, Яшка, как ты по улицам пойдешь такой... придворный? Народ сбежится.

— А старая одежда? Ты ее куда дева?

— Наверно, в бурьяне! Пошли искать!

Сверток и правда оказался на прежнем месте. Но штаны и рубаха были сырыми насквозь. Яшка зябко передернул плечами.

«А высушить не можешь? Помнишь, как раньше?» — взглядом спросил Стасик.

«Нет...»

— Подожди! — Стасик знал, где под лестницей, в тайнике, большие мальчишки хранят в жестяной коробке спички. Для курава и для костров. Да и Яшка знал. Там же, под лестницей, нашлись и сухие щепки для растопки. Труднее было отыскать после дождя сухие бурьянные стебли. Однако и с этим справились. Разложили костер на том же месте, где в прошлом году Стасик вылепил шарик. Огонь разгорался неохотно, извели полкоробка. Но в конце концов пламя выросло, застреляло искрами, рассеяло душный бурьянный чад. Яшкин старый костюм высыхал на глазах. Правда, Стасик перестарался и подпалил подол рубашки, ну да ладно...

— Готово, Яш. На...

Наконец-то он превратился в настоящего Яшку.

В привычного, просто родного... Он заправил в штаны обгорелый подол, сунул босые ноги в стоптанные сандалии.

— Вот... А это сюда! — Сгреб в ожепку «придворный» костюм и кинул в огонь.

— Зачем?! — огорчился Стасик.

— А куда его? Людей потешать?

Матери вспыхнула легко, словно пропитанная керосином. Стасик еле успел выхватить из огня край курточки. Прижал его сапогом, оторвал медную пуговицу.

— На память... — И добавил про себя: «Доказательство, что все это было...» Показал пуговицу на ладони.

— Красивая какая. Сам такую придумал?

В окантовке из крученого тросика были оттиснуты на меди скрещенные якоря, шлага с фигурной рукояткой, а над ними — половинка восходящего солнца с лучами.

Яшка наклонился над пуговицей.

— Ничего я не придумал, само получилось... Кажется, это командорская эмблема.

— Что?

— Не помню точно... Если вспомню, скажу. Помому, это из Реттерхальма... — Он усмехнулся невесело, не по-детски даже. — Из тех времен, когда мадам Валентина фан Зеехафен выращивала в цветочном горшке кристаллик... Хотела вырастить модель всего Мира, а получилось вон что... беспризорный пацан Яшка.

— Ну и ладно! Какая разница! — сердито сказал Стасик.

...Он тогда просто так бросил эту фразу. Но гораздо позже не раз вспоминал ее и даже гордился такими словами — и когда писал свою монографию о свойствах Великого Кристалла и о юности Вселенной, и когда в должности и звании Звездного Командора воевал за права Детства. И когда на катамаране «Даблстар» уходил в экспедицию по Большому темпоральному кольцу... «Какая разница? Модель Вселенной и мальчик... Может быть, это одно и то же...»

Стасик затоптал сапогами костер.

— Пошли... Ох, смотри, темнеет уже.

Они стали подниматься по шатким ступеням.

— Боюсь я, Стаська, — серьезно заговорил Яшка. (Давно уже он не говорил «Стаська», «Стасик», все «Вильсон» да «Вильсон»). — Так боюсь, даже ноги не идут.

— Я тоже, — признался Стасик. — Обещал в четыре быть дома, а сейчас уже сколько... Мама давно с работы пришла...

— Да я не про это!.. Вдруг меня никому не надо. Ни Полине Платоновне, ни...

— Не выдумывай.

— А еще вот что. Скажут ведь, что нужно меня в детдоме отпрашивать. А меня там сроду не было!

— А мы признаемся... что не в детдоме жил, а бродяжил давно уже. Даже проще будет. Остался, мол, во время войны без родителей, жил то тут, то там, нигде не задерживался...

— Ох, а она... Полина Платоновна скажет: «Сколько хлопот с бродягой. А я больная, старая...»

— Ты забыл, что есть еще я и мама? — строго спросил Стасик. — А Полина Платоновна... ее ведь можно вылечить! Ты же умеешь!

— От старости разве вылечишь? — вздохнул Яшка. — Да и вообще я ничего такого теперь не умею. Неужели ты не понял? Я теперь совсем такой же, как и ты.

— Так это же во как здорово! — Стасик чуть не обнял Яшку.

— Но я теперь правда ничего не могу... почти,— прошептал Яшка.

— Что не можешь? Чудеса творить, что ли? — сказал Стасик с веселой пренебрежительностью. Хотя в груди шекоталось уже другое: не насмешка, а ласковое желание защитить Яшку от невзгод. А тот повторил:

— Ничего не могу. Разве что самую малость.

— Вот и сделай себе такую малость: табель, что в какой-нибудь школе третий класс закончил. Чтобы вместе идти в четвертый... Сможешь?

— А что толку? Я, наверно, не помню даже, сколько дважды два... Это раньше я все знал, все помнил, когда был шариком. А теперь?.. Наверно, и на физгармонии играть не смогу.

— Я тебе дам «не смогу!» — Стасик почти по правде разозлился. — Заладил одно: «Когда я был шариком...» Шарик, что ли, на физгармонии играл? Яшка играл! И Чичу кто лупил? Шарик?

Яшка подобрался:

— Мы когда пойдем Чичу искать? И этого... Васяню? Завтра? Сейчас-то уже поздно...

Над крыльцом горела яркая лампочка. На крыльце стояла мама. За ее подол держалась Катюшка.

Мама повернулась к калитке.

— Явился!.. О-о! Да вы, сударь, не один! Полина Платоновна, выйдите-ка, посмотрите, кто к нам пожаловал!.. Где это вас носило дотемна, голубчики?

Стасик и Яшка привычно повесили головы.

Вышла Полина Платоновна. Слабо всплеснула руками.

— Вернулся...

— Вернулся,— подтвердила мама.— Всё вернулось, будьте, Полина Платоновна, уверены... Сейчас они нам расскажут о своих похождениях. А?

— Ну чего,— пробормотал Стасик.— Заигрались маленько.

Полина Платоновна тихонько засмеялась. Но мама сложила на груди руки и посмотрела на каждого по очереди:

— Они заигрались.

— Ну чего...— опять сказал Стасик с наивной надеждой увести разговор от опасной темы.— Устали ведь мы, кушать хочется.

— Да-а? — почему-то очень удивилась мама.

И тут вмешалась Катюшка. Потянула маму за подол и внятно произнесла:

— Фасик хосет кисей.

Казалось бы, мама должна улыбаться: впервые в жизни дочь сказала связную фразу! И мама улыбалась. Но как-то не по-настоящему:

— Да-а? Кисель? Как замечательно! А ну, идите-ка в дом... «фасики». Будет вам кисель. Обоим поровну...

Эпилог

Дремлющий мальчик

1

Академик Я. М. Скицын. Из некролога. «Академический вестник», № 4123/2, стр. 114.

«...старейшего ученого с мировым именем, на трудах которого воспитаны несколько поколений исследователей Вселенной, известных своим нестандартным

подходом к решению проблем темпоральных эффектов и взаимодействия совмещенных пространств.

Начало биографии Якова Матвеевича Скицына лежит в тех временах, которые большинству из нас представляются глубокой историей. Он родился перед Второй мировой войной, во время войны потерял родителей, беспризорничал, был усыновлен жителяницей сибирского города Турени, а после ее смерти жил в семье Скицыных, где нашел себе названного брата и будущего многолетнего соратника. Со Станиславом Матвеевичем Скицыным создал ряд научных трудов: «Локальность темпоральных колец», «Диалектика гипотез кристаллического строения Вселенной» и др. Сотрудничество это в известной мере имело место и в сфере общественной деятельности, когда С. М. Скицын активно поддерживал движение по защите Детства, именуемое в некоторых областях совмещенных граней «командорским». Совместная деятельность Я. М. и С. М. Скицыных продолжалась до момента, когда С. М. Скицын вопреки мнению академического большинства организовал и возглавил экспедицию «Кольцо-антивектор» на экспериментальном межпространственном катамаране «Даблстар» под командованием капитана В. С. Пантюхина (как известно, «Даблстар» не вернулся, и судьба экспедиции до сих пор не выяснена).

Возможно, именно горячая и порой выходящая за рамки академических отношений поддержка этой экспедиции Я. М. Скицыным на долгие годы осложнила его отношения с бывшим руководством Академии и затруднила его научную деятельность. Да и неординарный подход к решению ряда философских проблем в определенные годы не мог не служить тормозом для полноценной работы ученого. Такие труды, как «Многослойность Времени», «Антивектор. Влияние будущего на прошлое», встречались тогдашней официальной наукой в штыки. И даже теперь, в пору новых подходов к проблемам Мироздания и осознания всеобщей неоднозначности Бытия, мы не можем до конца оценить вклад Якова Матвеевича Скицына в решение глобальных проблем Пространства и Времени. Его главные труды ждут еще своих исследователей, они помогут нам по-новому подойти к решению вопросов, которые до недавней поры казались неразрешимыми.

И это значит, что Я. М. Скицын будет современником еще многих поколений».

В конце августа, вечером, в комнате Михаила Скицына собрались: Витька Мохов — друг директора обсерватории «Сфера», его лучший друг Цезарь из города Реттерберга, четвероклассник Филипп Кукушкин из поселка Лугового, Матвей Радомир по прозвищу Ежики и Ярик — жители Полуострова, а еще — юный владелец княжества Юр-Танка-пал и маленький Юкки, который наконец осел в этом княжестве и стал командиром мальчишек-трубачей.

Сидели на диване, на столе и на подоконнике. Обычно спокойные, притихшие. Михаил только сегодня вернулся из Ветрогорска, он жил там несколько дней после похорон прадеда.

...— Да ерунду говорят, что он болел,— сказал Михаил.— Он работал до последнего дня. Еще утром модель Большого Маятника отлаживал. А вечером вдруг лег и сказал: «Ну, братцы, пора. Надо отправляться искать Вильсона»... Ну и... будто уснул. Сперва никто и не понял даже...

Мальчишки молчали. Только простуженный Филипп осторожно посапывал и вытирал разноцветным ситцевым рукавом нос. Да маленький командор Цезарь Лот покачивал медной пуговицей на шнурке, постукивал о пластик подоконника.

— ...Странная там еще вышла история,— задумчи-

во сказал Михаил.— Прочитали в завещании, что хочет Яков Матвеевич необычный памятник. Мол, в детстве, в Турени, была в заброшенном парке скульптура — дремлющий мальчик. Видимо, работа какого-то старого мастера, может быть, даже итальянца. В старину купцы, любители искусства, завозили такие редкости в самые глухие города... Он даже фотографию приложил, вот...

Пошел по рукам старинный, плоский, нецветной снимок с надломленным уголком. На фоне кустов и полуразрушенной кирпичной стены с церковным окном белел сидящий на низком постаменте мраморный мальчик с растрепанными локонами. Он сидел, поджав ногу, опираясь о постамент одной рукой, а другую поставил локтем на колено и подпер голову ладонью. Слово в самом деле задремал, выйдя из воды после купанья и пригретвшись на теплом прибрежном песке... Сбоку стояли двое мальчишек — настоящие. В просторных перекошенных трусах, обвисших майках, босые и серьезные. Они держали воздушных змей из газеты, на которой, приглядевшись, можно было разобрать заголовок «Туренская правда».

— Вот это, лохматый, как Филипп, и есть правда, — вздохнул Михаил. — А второй — друг Вильсон. Стасик... Здесь, у этого мраморного пацана, они часто играли...

Юрки подержал карточку дольше других.

— Встречались, что ли? — шепотом спросил Ежики.

— Может быть...

Князь Юр-Танка потрогал на голой груди серебряный орех-амулет, сказал тихо и будто стесняясь:

— Ну, а что странного? Ну, захотел такой памятник...

— Да, в том, что захотел, ничего... Стереографом взяли со снимка форму, рассчитали, сделали матрицу в натуральную величину, отлили из зернистого пластика — по виду и по весу совсем как мрамор. Укрепили на плите. Все потом разошлись, а мы с Володей Рябцевым, тамошним аспирантом, задержались еще, выпили, по правде говоря, маленько, у него фляжка была... А наутро он ко мне заходит. «Слушай, — говорит, — я вчера там, кажется, карманный нейроблок от институтского «Кентавра» посеял, без него — как слепой. Пойдем поищем...» Ну, пошли. Блок-то увидели сразу, а... мальчишки нет.

— Как нет? — удивился Филипп Кукушкин. — Со всем?

— Да. Голая плита...

— Украли, что ли? — сказал простодушный Ярик.

— Боже ж мой, кому он нужен? Добро бы мрамор, подлинник, а то ведь... Ну, конечно, отольют другой, да как-то... необъяснимо это.

Все молчали. Шутить на эту тему было неловко, а всерьез что скажешь?

Наконец Витька напряженным голосом произнес:

— Мало ли чего необъяснимого бывает. Недавно Филипп опять в Башне на Большом Маятнике болтался, как на качелях. А сверху вдруг голос: «Долго ты будешь, оборкот, мочалить Меридиан?»

— Не ври, — сказал Филипп. — Не было голоса.

— Не было, так будет... А три дня назад, Миша, «Я-тридцать семь» зажглась опять! Тебе еще не сказали?

— Яшка зажглась?

— Ага... Хроноскопом взят сигнал. Значит, только что.

— Батюшки-светы, — сказал Михаил. — Велика ты еси, мать-природа, и все мы слепы пред тайны твоя... А может, это не она? Не он?..

— Координаты-то в самой точке. Хоть булавку втыкай... Правда, показатель яркости переменный, зубцы на графике...

— Может быть, двойная звезда получилась? —

вдруг негромко спросил Юр-Танка. — Они, двойные-то, всегда мерцают...

— Не знаю. Там преобразователь опять барахлит, потому что Зиночка Куггель дежурила, не следила толком. Не пускал бы ты ее, Миша, у нее только женихи на уме...

— Зато она помогла вам перевести со старого языка «Историю города Реттерхальма», — напомнил Михаил.

Юрки повозился на подоконнике, подышал на свою серебряную трубу, потер ее подолом желтой форменной рубашки и сказал с сожалением:

— В этой «Истории» одна путаница и сочинительство... И не верьте вы, что мадам Валентина вырастила кристалл из какой-то звездной жемчужины. Девчонки играли, сестра Лотика, Вьюшка, порвала бусы, а мадам Валентина одну бусинку потом подобрала. Ну и вот...

2

Июль тысяча девятьсот сорок девятого года был душный, пропахший горячей пылью и сухой пылью немощных улиц. К ночи затягивало горизонты, и бесшумно зажигались над городом Туренью зарницы...

Мальчишки спустились по приставной лестнице с чердака, где у них было оборудовано «гнездо» для летних ночевок.

— Тише, а то Зяма опять увяжется...

Пробрались в огород, а оттуда в соседний двор — чтобы не огибать дом и чтобы не окликнули из окон: «Куда это вас на ночь глядя несет опять?» Перелезли через шаткий занозистый забор, и вот он Банный лог. Знакомый до каждого камушка, до каждой ступеньки и все равно в сумерках немного сказочный. Такой, что разговаривать хочется шелестящим шепотом.

— Яш... а вдруг его там совсем нет?

— Куда он денется?

— Мало ли... Нашел кто-нибудь и утащил.

— А кому он нужен? Да и слухи пошли бы...

Стасик нерешительно вздохнул.

— Боишься все-таки? — спросил Яшка без подковерки, заботливо.

— Нет, — честно сказал Стасик. — То есть я боюсь, но только не темноты. Боюсь, что не найдем... Потому что я уже лазил один раз. И там его нету...

— Ты?! Один лазил?

— Не веришь?... Это в мае было, когда ты простудился и дома сидел. А я после школы...

— Один? — опять сказал Яшка. То ли с недоверием, то ли с обидой.

— Я нарочно. Надо же наконец... ну, когда-то перебороть в себе это... страх этот дурацкий.

— Переборол? — совсем тихо спросил Яшка.

— Ну... не знаю. Но лазил там долго, пока все спички не истратил. А толку-то! Все равно не нашел.

Яшка сказал снисходительно:

— Без меня и не найдешь. Там есть незаметный закуток, за ржавой переборкой, сразу не увидишь...

Зарницы иногда разгоняли желто-розовыми взмахами темноту, но сразу же она падала опять — еще более плотная: небо совсем затянуло. Но в этой темноте Банный лог не спал, жил приглушенной вечерней жизнью. Неярко светились за листвою палисадников окошки, доносились оттуда тихие голоса. Шастали в лопухах коты. Где-то вперемежку с пружинным боем прокуковала в часах кукушка.

— Одиннадцать? — спросил Стасик.

— Ага...

— Вот как выйдет на крыльцо Полина Платоновна да как позовет опять: «Яшенька, Стасик! Вы уже легли? Спите?»

— А мы не отвечаем. Значит спим... — хихикнул

Яшка.— Хуже, если Зяма полезет на чердак. Завтра пристанет: «Где были? Опять от меня скрываете...»

— Ладно, может, пронесет. Мы же недолго. Только посмотрим, там он или нет. Правильно?

— Конечно. А вывезем завтра. У Петуха тележку попросим. А вытаскивать Вовка поможет, он хоть и маленький, а не болтливый...

— Ага... Яш! А куда его потом-то? На дворе держать, что ли?

— Не... Помнишь в Парке судостроителей разломанную церковь? Там совсем глухое место, и кирпичные выступы из земли торчат. Наверно, остатки столбов от ограды. Один — совсем как специальный постамент, низенький такой, широкий. Там и устроим. Кто увидит, решит, что так и надо, садовая скульптура... А на барже оставлять нельзя, ее скоро на металл пустят.

— С чего ты взял?

— Ну, подумай сам. Ее в этом году и так чуть разливом не снесло. Когда-то же надо убирать... Ну и вообще...

— Что?

— Жалко его как-то, хотя и каменный. Сидит один там, будто в тюрьме... А иногда кажется, что его и вовсе на свете нет. И значит, вообще ничего не было. Все приснилось.

— А вот... тоже доказательство... — Стасик помахал пуговицей на шнурке, что висела у него на груди, как амулет.

— Подумаешь. Пуговицу найти можно...

— Такую не найдешь, — возразил Стасик ревниво. Он очень ценил этот свой талисман. Не снимал никогда. Вот и сейчас они удрали с чердака босые, в трусах, даже без маек, а пуговица с якорями, шпагой и солнышком была на Стасике. Казалось бы, Яшкина пуговица, он ее должен беречь. Но Яшка был к ней равнодушен, а Стасик дорожил. Потому что из огня спас...

Так, переговариваясь, прошли они весь Банный лог. Выбрались на берег. Сумерки обнимали их, словно обкладывали теплой черной ватой. Но вот опять загорелась медленная зарница.

— Мигает, мигает, — сказал Стасик. — А ни дождя, ни грома...

— А вот как случится ливень с наводнением, да как смочит баржу...

— Ну да! Если уж полководцем не смыло... Гляди, как она далеко на песке.

При очередной вспышке баржа показалась черным китом, вытасненным на сушу. Когда подошли, их обдало запахами теплого железа и ржавчины.

— Лезем?

— Ага... Яш, фонарик не урони.

По рулевым петлям на корме они забрались на гулкую палубу. Она грела ноги, как неостывшая печка. Темно было, а квадратная дыра люка — совсем черная. Стасик храбро полез первым по режущим ступни скобам. Яшка передал ему самодельный фонарик — батарейку с прикрученной лампочкой и рефлектормом из фольги. Но внизу взял снова.

— Вперед пойдю.

Они долго пробирались среди клепаных перегородок, изогнутых труб, поломанных лесенок-трапов. Стукались, царапались, шипели от ушибов. Шипенье это разносилось эхом, словно из лопнувшей трубы сквозил горячий пар. Воздух был тяжелый — смесь ржавой духоты и влажной зябкости.

— ...Здесь, — пробормотал наконец Яшка. Желтым пятном фонарика показал на изгиб переборки. — Тут проход.

— Ох, я и не догадался бы...

Мраморный печальный мальчик сидел на железной палубе трюма. Поджал левую ногу, левой рукой

оперся о клепаный лист, правый локоть поставил на поднятое колено, а голову лбом положил на ладонь. Яшка нагнулся, осветил в лицо. Глаза у мальчика были полузакрыты — он то ли задумался, то ли задремал.

— Я нарочно сел так тогда, в последний раз, — прошептал Яшка. — Думал, если найдут, то... ну, чтобы не в каком-нибудь дурацком виде...

В свете неяркой лампочки мальчик был не белый, а будто потемневшая слоновая кость. Видимо, сверху на него капало во время дождя: по спине тянулся ржавый подтек. И Стасику стало жаль каменного мальчишку, как живого. Вспомнил себя, замурованного в будке.

Он погладил мальчика по теплой мраморной спине с твердой цепочкой позвонков.

— Потерпи до завтра.

Казалось, мальчик чуть шевельнул головой...

Лампочка быстро тускнела.

— Надо выбирать, — прошептал Яшка. И тоже погладил мальчика.

— Подожди, — попросил Стасик. — Смотри...

Здесь был нос баржи. Весь ее корпус лежал на песке, а нос утыкался в воду, и она просочилась в трюм. Треугольной лужицей собралась в углу у переборки. Стасик сел на корточки. Снял пуговицу, опустил к воде. Пуговица повисла неподвижно, потом шевельнулась и закачалась, как маятник. Чиркнула по воде, разорвала ржавую пленку.

— Выключи, — попросил Стасик. — Иди сюда.

Яшка послушно погасил фонарик, но не придвинулся. А Стасик ждал, затаившись от волнения.

Сперва была полная темнота, а скоро в воде появились искорки. В глубине. Словно за прозрачной пленкой открылось черное небо со звездами.

— Смотри, — опять шепотом сказал Стасик. — Звезды сейчас превратятся в окошки. Словно город вдавлен... А потом они сольются в одно... Как в колодеце... Я этому совсем недавно научился. Надо, чтобы в таком вот подходящем месте... Вот уже появляются! Видишь?

Но Яшка опять не шевельнулся. И сказал глухо, непохоже на себя:

— Не буду я смотреть... Все равно ничего не увижу.

— Почему? Что с тобой, Яшка?

— Потому... Окошко только те видят, кто... ну, в общем, кто ничего плохого не сделал.

— Ты что? — по-настоящему испугался Стасик. — Может, заболел? Челуху какую-то несешь.

— Не челуху.

— Мы же с тобой... совсем одинаковые! И я вижу!

— Не одинаковые мы, — сказал в темноте Яшка. — Просто я тебе не говорил. Это осенью еще было. Я двух человек... угробил до смерти.

Стасик уронил пуговицу в лужу, выхватил, суетливо надел на шею мокрый шнурок. Опять стало страшно. Он сказал жалобно:

— Ты что выдумал! — Хотел подвинуться к Яшке, но тот говорил будто издали:

— Старик Коптелыч и дядька в машине... Думаешь, я их забыл? Я же следил, сколько мог. Потому что от них так и несло черным излучением. Я тогда еще мог угадывать, во мне оставалось чуть-чуть этого... ну, от Белого шарика... Однажды они ехали вместе, а тот, в фуражке, говорит: «Уровень раскрываемости никудашный, нас по головке не поглядят. А ты, старик, последнее время только керосинишь, а работы не видать. Ох, гляди! Неужели все кругом такие чистые?..» Коптелыч тогда и начал: «Жена этого... Тона, который в прошлом году себя кончил... Не нравятся она мне, хитрая баба. И разговоры вела с на-

меками...» А тот: «Чего же ты ходишь, не телишься! Приедем — сразу пиши!» И дальше едут, а там рельсы, ветка с кирпичного завода... Ну, ты знаешь, за старой мельницей...

— И что... дальше? — выдохнул Стасик.

— С завода — состав с платформами, скорость уже набрал. Сторож у шлагбаума забежал, а они кричат: «Не опускай, проскочим!» Ну, он видит, чья машина, опускать боится... Да они и проскочили бы... только я следил издалека.

— И что сделал? — одними губами спросил Стасик.

— Истратил свой последний заряд. Прямо на рельсах заклинил в машине подшипники...

Долго они молчали. Потом Стасик спросил:

— А сторож?

— Не бойся. Я устроил, что ему ничего не было...

Выбрались из баржи, шли по берегу молча. И лишь на первой горке Банного лога Стасик сказал:

— Разве ты в чем-то виноват?

— Я не знаю...

— Они же... такое дело задумали! Гады...

— Конечно... Только если бы ты видел, как горела машина...

«А я видел», — подумал Стасик.

— Яш! Может, вовсе и не ты подшипники заклинил. Может... само собой.

Яшка помотал головой.

— Нет, я... С той поры больше ни разу не видел окошка в колодце.

— Увидишь еще...

— Ты просто так говоришь. А думаешь наоборот.

— Я не про это думаю... Я думаю: а вдруг кто-нибудь все-таки напишет такое... На маму...

— Не бойся, — веско сказал Яшка. — Это теперь позади.

Потом они опять пошли молча. Но было уже не так тревожно и грустно. Банный лог, он и есть Банный лог... Встретил ребят в темноте кудлатый знакомый пес Пират, обнюхал их мокрым носом, помахал хвостом, проводил немного. Сокращая путь, они перелезли через забор соседского огорода. Там стояло растопыренное пугало с горшком на голове.

— Привет, Федя, — сказал ему Стасик. И вдруг воскликнул: — Яшка, смотри!

За низкой изгородью был виден их двор и темный дом. И в доме этом рядом с крыльцом светилось желтое окно!

— Откуда оно? — прошептал Яшка. Потому что стена была глухая, ни одного окошка во двор не смотрело.

— А то, заколоченное! Его еще до войны забрили. А дядя Андрей все грозился: «Раскупорю, чтоб на кухне светлее было!» Ну и вот...

— И вот... — Яшка засмеялся, будто избавился от тяжелой напрасной вины. — Сидят на кухне и нас ждут: «Где вас носило, голубчики?»

— Точно! — весело согласился Стасик. — Зяма, небось, разнюхала...

Они пошли к дому по меже среди прохладной картофельной ботвы. Стасик вдруг спросил:

— Яш, а ты точно знаешь, что Банный лог выходит прямо на Дорогу?

— Еще бы!

— Это хорошо.

— Надо только рассчитать день и час...

— Лучше вечер, — сказал Стасик.

Если они с Яшкой выйдут на Дорогу вечером, окно будет светить у них за спиной. А когда сзади светит, ждет тебя обратно такое вот окно, идти не страшно. И жить не страшно.

Город, которому ничто не грозит

Тамара
ВЕТРОВА

Рассказ

Рисунки
Павла Крапивина

УРОКИ УЧИТЕЛЯ КАЗИМИРА ИВАНОВИЧА

Казимир Иванович преподавал в средней школе основы разговорной речи растений. Как на всякого новатора, на него косились, но помалкивали, потому что ведь неизвестно: вдруг это и есть самый совершенный способ воспитания — разговаривать с цветами... или с плодами...

Все понимали, что Казимир Иванович работает над диссертацией (а он не работал над диссертацией!), ворчали, что эксперимент затянулся, результатов же, между прочим, пока не видно...

Однако корреспондент областной газеты поговорил с учителем, с ребятами («Что изменилось в вашей жизни?» — спросил корреспондент ребят. «Крну, диннь!» — загомонили шестиклассники. «А в футбол играете?» — спросил корреспондент, не смущаясь. «Оли! Оли!» Казимир Иванович стоял, выставив вперед одно ухо, и одобрительно кивал). После разговора в газете появилась большая статья под названием «Учитель, воспитай ученика!», и коллеги и проверяющие окончательно махнули на эксперимент рукой, и вооружась терпением, с результатом торопить перестали.

А Казимир Иванович, благожелательно улыбаясь, продолжал являться каждое утро на свои диковинные уроки.

О личной жизни Казимира Ивановича не знали. Известно было лишь, что он закончил Вичградский государственный университет. А больше ничего не было известно. (Стыдно сказать, но не знали даже, что это за Вичградский университет такой. Не было сроду такого университета, хоть убейте, не было!) Однако диплом был в полном порядке, и лишь там, где значилось отделение, имелась еще одна неясность: отделение именовалось «Наука и жизнь». Диплом Казимира Ивановича вызвал даже некоторый переполох, но справки, наведенные заведующим горono, успокоили. Все оказалось в порядке, товарищи, все в полном порядке: и отделение «Наука и жизнь», и сам Вичградский университет. «И вообще, — добавил, стесняясь своей одышки, заведующий горono, — не будем строить преграды на пути молодых специалистов».

При этом Казимир Иванович был вовсе не молодой. Скорее, пожилой человек с обозначившейся лысиной и сединой на висках. Ну, да дело не в этом, а в том, что вел он в своей средней школе основы разговорной речи растений, оценки выставлял по многобалльной системе, объясняя это тем, что успехи его учеников не укладываются в традиционные 5 баллов. «700», «850» — вот вполне обыкновенные оценки на его уроках.

Каждое утро в школьной раздевалке Казимир Иванович вежливо раскланивался с нянечкой, ставил в угол мокрый зонтик, вокруг которого тотчас же образовывалась серая лужица, несколько раз проводил расческой по серым своим волосам... И одновременно со звонком являлся перед своими учениками.

Ребята встречали Казимира Ивановича кто где. По двое-трое на каждом подоконнике, были и такие, кто в стремлении угодить учителю теряли чувство меры и вертели колесом перед классной доской, некоторые, совсем немногие, сидели за партами.

— Окна! — повелительно говорил Казимир Иванович.

Раскрывали окна, все три, и дождь начинал стучать по подоконникам, мокрые ветви тополей кротко дрожали в появившемся пространстве.

— Степанов, Иванов, Полещук, в сад!

Легко перемахнув через подоконник, трое сигали в сад. Высунувшись вслед, Казимир Иванович настаивал:

— Два-три предложения, не более: приветствие... Какой сегодня дождь... Что нового поведали корни... Вы поняли меня, Степанов, Иванов, Полещук?

О да, они поняли его, они уже сгнули среди ветвей, не оставив на мокрой дорожке и следа...

— Ну, а теперь, — говорил Казимир Иванович, — небольшая распевка.

— Тью, кью, кью... тирли — кви, кви, — подхватывали за учителем ученики.

— Что за уроки, — сомневалась нянечка, протирая подоконники в коридоре.

— Клиньны! — отвечала проходившая мимо завуч.

КАЗИМИР ИВАНОВИЧ И ЕГО УЧЕНИК

Стасику посчастливилось быть учеником Казимира Ивановича. И прежде, и сейчас он был ничем не примечательным человеком, так же, как и его мама-портниха и отец-шофер. Маму Стасик любил, а отца уважал, ведь даже в пятницу, выпив пива, отец говорил только верные вещи, разбирался в жизни так, что все вокруг ходили на цыпочках и слушали, разинув рот.

Прослышав о новом учителе сына, отец сказал, как припечатал: «Умных учить и дурак сумеет, а пусть-ка нашего дурня научит». Он называл Стасика дураком, а тот не обижался, потому что, признаться, и сам умным себя не считал. И удивительно даже, думал Стасик, почему Казимир Иванович выбрал его? Не Кирковец Оксану и не Вальку? Именно ему, Стасику, велено было явиться в 18 часов 30 минут на улицу Пушкина, 3/1, не имея с собой ни тетради, ни ручки, ни карандаша. «А учебник принести?» — спросил Стасик. «Ни в коем случае!» — воскликнул в испуге Казимир Иванович.

— Может, подтянешься по русскому, — грустно сказала мать, провожая Стасика к учителю.

— Не пась его! — крикнул из кухни отец.

Стасик ушел. На улице он тут же промок до костей, его болоньевая курточка ушла и облепила плечи и спину. Стасик сплюнул под дождь и, подпрыгивая, побежал на Пушкина, 3/1.

Это было рядом, за поворотом. То есть рядом была улица Пушкина. Были дома 1 и 5, напротив — 2 и 4. Дома под номером 3/1 не было вовсе. Стасик растерянно остановился, поживаясь. Он догадывался, что совершил какую-то ошибку, чего-то недослышал.

— Куликов! Что же ты не заходишь?

Это кричал Казимир Иванович. Как показалось Стасику, откуда-то сверху.

— А дом-то где? 3/1? — буркнул Стасик смущенно и не очень вежливо. Он страшно стеснялся, потому что впервые шел в гости в учителью.

— Второй этаж, прямо. Вон лестница, — сообщил Казимир Иванович.

И тут Стасик сообразил. И осторожно полез по лестнице.

Казимир Иванович жил в просторном дупле старого дуба.

— Садись, Куликов, — сказал Казимир Иванович Стасику, и Стасик опустился на край кресла. — Хочешь чаю?

Стасик сказал «не-а» и принялся оглядываться. Комната как комната, только смешно маленько, что в дупле.

— Тогда почитай книгу, — подумав, предложил Казимир Иванович.

— Ладно, — сказал Стасик.

— Или марки посмотри... Впрочем, — добавил Казимир Иванович рассеянно, — я, кажется, растерял свою коллекцию...

Книга, которую открыл наугад Стасик, называлась: «Механика движения коленчатых валов». Схемы, цифры, непонятные слова. Но что до всего этого Стасику! Он, если хотите знать, ни чуточки не удивился. С ним такое случалось: читает он какой-нибудь рассказ... даже, например, «Черную стрелу» Стивенсона... читает, читает... а после оказывается, что как-то вдруг, незаметно для себя, он позабыл про действие, про всякие события и думает уже совсем о другом. И скачут Стасиковы мысли галопом, и все в разные стороны, а он, прищурившись, смотрит на страницу и понимает столько же, сколько в «Механике движения коленчатых валов».

Другие учителя говорили, что Куликов не умеет сосредоточиваться. Лишь Казимир Иванович с непонятным восторгом твердил, что мальчик просто «бесподобно рассеян». Вот именно, бесподобно рассеян! Стасика сам это однажды слышал и запомнил, так как чувствовал, что это — похвала, а хвалили его не столь уж часто.

Кстати, уткнувшись в «Механику», Стасик опять задумался. Глаза его продолжали блуждать по лабиринту какой-то схемы, а мысли умчались в иной лабиринт! Он шумно и взволнованно дышал и, не стесняясь, шмыгал носом.

— А телевизор у вас есть? — вдруг, точно проснувшись, спросил Стасик.

— Мне хватает окна, — строго ответил Казимир Иванович.

Снова оба замолчали.

Снова Стасик уткнулся носом в книгу, читая при этом какую-то другую — свою собственную.

— Продолжаем наш урок! — неожиданно возвестил Казимир Иванович, подозрительно покосившись на Стасика. Он, видимо, ожидал уловить удивление... или, может быть, недоверие... Однако опасался он напрасно: Стасик Куликов умел непонятные слова принимать так же хорошо, как непонятные книги.

— Сегодня попробуем клен, — сказал Казимир Иванович, успокаиваясь. Он высунул руку из дупла и показал на клен, стоявший в полуметре.

Стасик тоже посмотрел на клен. Ему стало интересно, как перед прыжком в зеленую воду бассейна, к бесконечно далекому дну, которое так заманчиво поблескивает почти у самой, кажется, поверхности. Мысль о зеленой воде, возникнув, умчалась безвозвратно, а сам Стасик понял, что он — клен. Да-да! Именно клен. С причудливой листвой, чуточку опаленной по краям осенью.

«Расскажу, о чем думает клен», — твердо решил Стасик.

И рассказал.

О ЧЕМ ДУМАЕТ КЛЕН

Стасик рассказал, о чем думает клен.

Вокруг всегда одно и то же. Улица, два-три дома по обе ее стороны. Одинаковые дома с облупленной краской и невыразительными окнами. За окнами люди, как в дупле, устраивают свою жизнь, но это его уже не касается, об этом он, в сущности, и не может ничего толком знать.

Два-три облака в небе, а внизу прохожие. Разные у них лишь шляпы и платки, а так — ну совершенно одинаковые!

Корни, которых он никогда не видел... Они — как змеи, увлекающие в бесконечность, в отвратительное безмолвие, во тьму, которая кишит...

Казимир Иванович остановил жестом слова маль-

чика. (Или мысли. Или то, что впоследствии станет мыслями.)

Мальчик прикрыл глаза. А спустя время продолжил.

Вот море — его никогда не видел клен и, следовательно, не может его себе представить. Вот это Стасику понятно! Он тоже не бывал у моря, словно его корни так же вросли в землю где-то рядом с улицей Пушкина...

Но что бы изменилось, протекай его жизнь не здесь, а там? И судьба кипарисов — разве она так уж отлична от его судьбы? Надменные стражи приморских городков, они зимой и летом созерцают море, все то же море... Обманчивый южный ветер заискивает перед ними, как перед чужеземными принцами, не решаясь задеть ветви... Снег щадит зелень. А они день и ночь скользят скучающим взглядом вдоль белой дороги, что — как ни петляет — все же выведет к морю, да-да, к тому самому морю, которое они обречены видеть и день, и год, и так впрямь, до конца...

А пальмы, точно старыми газетами, обмотанные нелепой, неопрятной корою! А тяжелые, как болбы, пригнувшиеся почти к самой земле цветы... Он не помнил их имени, но помнил, откуда-то знал, что во время их цветения влажная мгла приморских парков наполняется диковинным запахом, так что впопыхах хватиться за голову и, испуская стоны, бежать прочь без оглядки...

Море. Пусть так, он никогда не видел его. Зато каждую осень он прощается со своей листвой, а лист — рыжий, красный, зеленый, даже почерневший и свернувшийся в трубочку от дождя, даже высушенный и легкий, как какая-нибудь песчинка... каждый лист — забываем! Этот бессмысленный ритуал, эта цепь прощаний, этот туннель нескончаемой осени, отблеск которой лежит даже на весеннем дне — это еще крепче привязывает к земле его корни и безудержней будит воображение! Он силен по-своему, потому что знает кое-что, неведомое тем курортным красавцам!

— Где же теперь этот чудак? — спросил очень тихо Казимир Иванович, указывая рукой на то место, где совсем недавно стоял клен. Взгляду теперь открывались лишь вывороченные комья земли, ничего более.

Стасик Куликов, ученик Казимира Ивановича, не отвечал.

Однако оба понимали, что случилось с кленом.

Клен улетел.

Кто-то мог бы расценить это как бегство. Но ни Казимир Иванович, ни Стасик не думали так.

Это не было бегством. Да и куда он мог бежать, отлично зная, что такой полет противопоказан старому дереву, что это — смерть? И уж, конечно, не мечта увидеть море погнала клен вверх, в осеннюю мглу — до моря ему было просто не дотянуть, он бы непременно рухнул вниз!

Но, однако ж, без мечты не обошлось. Вернее, даже не мечта это была, а так, маленькая надежда. Надежда, поднявшись хоть на коротенькое мгновение, взглянуть — что там, за этими домами, серой стеной отмечающими границу улицы Пушкина, и что, в самом деле, освещают те фонари, которых не видно с улицы, но свет от которых проникает бледно и сюда...

Итак, не море, но соседняя улица. Близкая, рукой подать, и такая недоступная.

Собравшись с силами, он приготовился — хотя, может быть, готовился всю жизнь! Он чувствовал, как в поспешном испуге расплетаются корни. Как ветви вдруг поднялись и, невнятно шумя, взмахнули раз и другой, разрезая воздух. Как окна, светлые квад-

раты, ухнули куда-то вниз и вбок, и вот она, в свете фонарей, — соседняя улица! Но что там, дальше, в тяжелой осенней мгле, темное и громадное, бесконечное, с редкими отсветами звезд, с лунной дорожкой (а ведь небо неделю как в низких бегущих облаках!)?

И клен парил над этой струящейся и неподвижной бесконечностью, уже твердо зная: там, за рядом домов и фонарей, оказалась не соседняя улица — там оказалось море! Наконец-то он увидел его!

Слушая Стасика, Казимир Иванович чуть заметно кивал. А будь на его месте другой человек, он бы просто не поверил мальчику.

КАЗИМИР ИВАНОВИЧ, ПРОЗРЕВШИЙ В ТУМАНЕ

Казимир Иванович поверил мальчику, потому что был на редкость пронизательным человеком. Его зрение окрепло в тумане, и с тех пор он научился различать то, что другим не под силу.

Особые обстоятельства способствовали тому, что город, который Казимир Иванович привык считать своей родиной, был погружен, как в воды, в плотную завесу тумана. В яркий солнечный день можно было различить, однако, несколько башен, венчавших старинную границу города; проступали также рисунки более современных жилых и административных построек, возникших в эпоху, когда воображение окончательно покинуло строителей, вытесненное заботой хотя бы кое-как расселить людей, число которых, несмотря на значительную смертность, все росло.

В солнечные дни можно было различить даже некоторых пешеходов — с привычной осторожностью они двигались вдоль улиц, пересекали пустынные площади и могли бы напомнить постороннему наблюдателю одинокие полпапки, подхваченные медленным течением великой реки... Или — слепцов. Но откуда было взяться наблюдателю?

Именно этот город, где все приблизительно из-за непроходимого тумана, где так трудно добраться до нужного места, не то что до своего приятеля, — именно этот город и считал Казимир Иванович своей родиной, в юности и вовсе не подозревая о существовании других городов.

Город располагался на холмистой равнине, границы его терялись во влажной мгле, и не было охотников совать нос за эти границы!

С детства Казимир Иванович (тогда его звали иначе) усвоил привычки и правила, которых придерживались жители города.

Проснувшись утром и привычно включив настольную лампу или фонарик, прилепившийся к изголовью, он затем сцеплял пальцы обеих рук — и получалось что-то вроде рукопожатия. Этот жест своим происхождением, по-видимому, был обязан тем давно наступившим временам, когда каждый человек, каждый житель города оказался перед необходимостью довольствоваться общением только с самим собой. Одиночество перестало быть наказанием господним или участью дураков, которые сами не знают, чего хотят; туман окончательно лег на город, и люди, во избежание угрозы исчезнуть навсегда, заблудившись в лабиринтах улиц, вовсе перестали без действительной нужды покидать свои жилища; именно в ту пору привычка к одиночеству стала казаться естественной, а страсть к общению — едва ли не признаком дурного тона.

Итак, рукопожатие и затем небрежное приветствие своему собственному отражению в зеркале... А утро уже всю брезжит! Правда, мгла еще плотной завесой висит за окном, еще не рассеялось ощущение вязкой сырости в комнате, — и все же утро брезжит,

неумолимо пробивает туман, подобный облаку, киселю или студню... Вот сейчас первые стрелы дня проникнут в приоткрытую форточку, вот он, этот луч, тусклый, что не такой уж слабый!

В городе имелось несколько освещенных улиц. То были главные улицы, и потому освещались круглосуточно. Расплывчатый свет фонарей так трогательно, подрагивая в волнах тумана, изливал на горожан свою благодать, что вот уже несколько поколений поэтов воспевали в своих стихах эти немногие освещенные улицы.

Фонари, однако, хотя и горели круглосуточно, но горели не все, а лишь через один или через два. И все же справедливости ради следует добавить, что на главных улицах не заблудился практически ни один человек, по крайней мере, ни разу это не закончилось трагически, то есть исчезновением.

Главные улицы (их было пять) вели на Башенную площадь. В самом ее центре, освещаемый специальным прожектором, помещался фундамент будущей башни, в честь которой заранее и назвали площадь.

Туда и направлялись, едва раскланявшись поутру сами с собой, граждане города. Именно граждане. Жителями они были до тех пор, пока, уединившись в промозглых квартирах, в силу собственного разумения вели отсчет дням своей жизни. Но, стекаясь мутными ручейками на Башенную площадь, они из жителей города превращались в граждан — в людей с развитым чувством гражданского долга, высокой ответственности, в смельчаков, бросивших дерзновенный вызов стихии, в тех, что являют собой образцы трудовой доблести, — и тогда их, только что унылых и озябших, было просто не узнать!

Газеты писали, что глаза славных строителей, прищурившись, видят за толщей тумана то, чего не видят обыкновенные жители — они видят перспективу. Да еще какую! Без всякого тумана. Без этой проклятой необходимости жечь фонари день и ночь. Представляете? Будущее без насморка и ревматизма — вот что они видят!

Правда, так считали газетчики. Мнение самих строителей было никому не известно, никто из них не отличался особой разговорчивостью. Зато у них были кирпичи.

После, когда прошло довольно много лет, Казимир Иванович тоже научился добывать кирпичи. И раздобыл их не так уж мало: восемь штук, почти десяток! А в детстве он прямо-таки неправдоподобно волновался, когда видел человека, тащившего в сетке пару кирпичей на Башенную площадь. Это казалось не меньшим чудом, чем, скажем, праздничная иллюминация.

Повзрослев, Казимир Иванович понял, почему газетчики твердили о дерзновенности мечты, влекущей граждан на Башенную площадь. Время от времени отцы города — старцы с выпученными от неперестанного тумана глазами — вручали строителям скользкие, как все металлические предметы в их климате, ордена. Ордена цепляли прямо на рабочие блузы, и строители, никак не обнаружив своей радости, исчезали в тумане. Вероятно, чтобы раздобыть еще один кирпич. И вот тут-то вступал в силу другой закон. Но о нем Казимир Иванович узнал несколько позже, когда зрение его окрепло, несмотря на туман, — как уже было сказано выше.

КИРПИЧИ ДЛЯ БАШНИ

Пожалуй, это было настолько давно, что все случившееся нельзя расценивать как происшедшее непосредственно с Казимиром Ивановичем. Человек, скажем, в два года, в двадцать и в пятьдесят — это три разных человека.

Именовался Казимир Иванович в ту пору просто К., не имея седых волос вокруг блестящей лысины, которой тоже еще не было, да и вообще хорошенько не представлял себе собственную внешность. Кстати, это было тоже характерно для жителей города. Встреть кто-нибудь из них случайно на улице самого себя — нипочем не узнал бы! И ничего удивительного. Вечная полутьма, туман и шляпа, надвинутая на глаза, — вот все, что отражали городские зеркала, попробуй привыкни тут к собственному отражению!

Юный К. был обеспечен. Нисколько не опасаясь сюрпризов, скрывавшихся в тумане и сумраке, он бродил по улочкам, выложенным скользким булыжником, — то была старая, или, как говорили, историческая часть города, фантастическая, надо полагать,

ли враги, и, укрывшись за стенами крепости, воины обстреливали неприятеля сверху.

Сама крепость, в свою очередь, тоже являла собой маленький город, столь же запутанный и таинственный, как тот, что внизу. Каменные коридоры, башни со сломанными, потерянными во мгле шпилями, сквозные переходы, увенчанные арками чудовищных размеров, и крохотные, прихотливо изогнутые каменные скамьи — непонятно, кто и зачем пристроил их в самом сердце этой неприступной крепости, среди камней и мха, который, должно быть, некогда буйствовал здесь!?

В своих путешествиях (а К. проделывал их частенько) он никогда никого не встречал. Это не пугало и уж тем более не удивляло К. Скорее он удивился бы, обнаружив, что в лабиринте старинных улиц бро-

и без всякого тумана, а в тумане и вовсе причудливая, меняющая свои лики, как рисунок в калейдоскопе.

Эта часть города ничем не освещалась, потому что никак не была связана с Башенной площадью, и К. бродил по улицам и переулкам, полагаясь лишь на собственный карманный фонарик.

Бледный сноп лучей уверенно шарил по камням, угрожающе нависшим друг над другом... На самом же деле никакой угрозы — просто старинная лестница, ведущая к стенам давно брошенного монастыря. В расщелинах камней торчали редкие, как усики насекомого, кустики травы. Как выжила она, как сохранилась — неизвестно, и К. лишь бессознательно улыбался, обнаружив такую диковинку. Право, он не удивился бы, и наткнувшись на какое-нибудь дерево — старый город таил в себе неисчислимые сюрпризы!

В промокших насквозь ботинках К. легко взбирался по земляной насыпи, что в далекие времена служила оборонительным валом. Тогда у города еще бы-

дит кто-то еще.

Однако же К. бывал в старом городе не один. И как-то, в дождливый субботний вечер, ему пришлось в этом убедиться.

Не спеша, слыша и не слыша собственные шаги (шум шагов тонул в шуме дождя), К. шел удивительной улочкой, что, как горная тропа, круто вела вверх. Нашаривая фонариком путь, он одновременно размышлял о несущественных предметах. Навстречу ему сверху струился едва заметный ручей. Подхваченная потоком мелкая галька, кувыркаясь, подпрыгивала и тоже катилась навстречу К. Вот об этой гальке, поглядывая на нее с дружелюбной улыбкой, и размышлял К. Будучи всегда один, он привык не стесняться своих мыслей, а потому они струились и ветвились, как множество ручейков, не бог весть какие значительные, но милые и неожиданные.

Шагая вверх по улочке и глядя по временам на ручей, К. думал, что хорошо бы поймать горсточку такой белой гальки и приручить ее. И слушать потом,

как лепечут, сталкываясь, эти блестящие камни, как тараторят неугомонно и взволнованно обо всякой мирской чепухе... Вот только проживут ли они без воды, без этого своего ручья?

К. озадаченно остановился, соображая. Он совсем было уже собрался зачерпнуть ладонью горсточку гальки, но тут сверху улочки послышался сотрясший воздух удар. К. непроизвольно пригнул голову и тут же, повинувшись еще неясному решению, кинулся вверх. Фонарик он держал, вытянув вперед руку и в темноте нащупывая им путь. Дважды улочка завивалась крутой спиралью, уводя К. все дальше и дальше от ручья. К. слегка захыхался, но не останавливался; удары сердца сливались со стуком его башмаков. Вообще в ушах К. стоял шум — словно продолжал расти и множиться тот непонятный звук, что поразил его.

Тут улочка разветвилась, и надо было поскорей принимать решение. Тогда К., начиная дышать спокойнее, прислушался. А прислушавшись, совсем уж удивился. Ему показалось, что во внутреннем дворике, скрытом невысокими ржавыми воротами, кто-то есть. Призвав лицо к. мокрым прутьям, К. пригляделся. Двор оказался довольно обширен и, несмотря на блуждания фонаря, тонул во тьме. Не успел К. сколь-нибудь осмыслить происходящее, как от неясной каменной стены в глубине двора отделились одна за другой две человеческие фигуры. Просторные плащи с капюшонами обозначили их силуэты. Обе фигуры направились к К., замершему в удивлении и не успевшему испугаться.

— Что, соскучился по пуле? — хрипло спросил один из подошедших, не откидывая капюшона.

Не привыкший к диалогам, К. молчал.

— Ты что, глухонемой? — последовал новый вопрос.

— Нет, — сказал К., удивляясь своему голосу. Он отвык от него, как от отражения в зеркале.

— Здесь не место для прогулок, — стараясь говорить полюбознее своего товарища, объяснил второй. — Неужели не хватает освещенных улиц?!

— Да что ему объяснять! — фыркнул первый. — Ты только посмотри на него!

И второй действительно повнимательнее осмотрел К.

— Я могу уйти, — сказал К., пожав плечами. Люди в плащах молчали. Что же касается К., то он медлил. Ему просто нестерпимо захотелось заглянуть во внутренний двор. В своих блужданиях по старому городу он, сколько помнил, ни разу не бывал здесь.

— Вот что, — сказал он, медленно подбирая слова и глядя поочередно на неожиданных собеседников. — Если можно... Я бы хотел, чтобы мне открыли эти ворота. А я просто посмотрел бы и сразу ушел.

— Да он не простак! — злобно сказал первый, прямо трясясь от непонятной ненависти к К.

— Кто вы такой? — спросил второй усталым голосом. («Принесло на нашу голову», — промолвил первый тихо).

— Я К., — представился К.

— Я имею в виду ваши занятия. Только не вздумайте надуть нас!

К. назвал то, что являлось днем его профессией и в чем он сам не видел решительно никакого смысла.

— Ну, а здесь-то вы зачем? Отработали — и отдыхали бы, как все люди.

К. задумался. Он и сам толком не знал, зачем совершает свои одинокие прогулки в неосвещенный город.

— Знаешь, — сказал второй, принимая какое-то решение. Он тронул своего товарища за плечо, как бы желая настроить его на мирный лад. — Пусть он войдет, а то ведь...

Он не договорил, но К. стало ясно, что его подзревают в назойливом любопытстве и упрямстве. А так, впустив и потом распрошавшись с ним, будет легче всего от него избавиться.

С легким щелчком открылся замок, и К. впустили.

К. оглядел двор — небольшую темную площадку, дно каменного колодца.

Двор оказался пуст, лишь с одной из стен примыкала лестница из битого булыжника, которая никуда не вела, заканчиваясь сломанной ступенькой.

Около лестницы валялся железный лом и, отколотый, темнел кусок булыжника.

— Вот и все, — сказал человек в плаще, тот, что впустил К. — Ничего особенного, как видите. Довольно с вас?

— Это вы ломаете лестницу? — спросил К.

Люди в плащах ничего не ответили, лишь неприятно покосились на него.

— Вам бы лучше замолчать, — наконец произнес глухо один из них.

— Вот именно, заткнуться, — поддержал второй. И добавил: — Видишь, задумался... соображает, что бы наскрипеть...

— Как наскрипеть? — спросил К.

— Наскрипеть — значит написать донос, — объяснил другой. В его голосе К. снова послышалась усталость.

К. огорченно покачал головой. Что он мог объяснить, какие подозрения отместит от себя? Да и кто поверил бы ему, полуночнику с карманным фонариком!.. Кроме того, он сам ничего толком не понимал.

Однако его огорченный и растерянный вид каким-то образом успокоил людей в плащах, они взглянули на К. иначе — не сердито, а скорее весело, с любопытством.

Между ними и К. завязался разговор, один из первых в жизни К., — странный такой разговор, когда говорят как будто все сразу, иногда даже жестикуют, при этом позволяют себе расхохотаться или обронить слишком вежливое замечание в чей угодно адрес. Два раза К. даже хлопали по плечу и предлагали сказать вслух свое мнение!

К. был потрясен! Он, чьим собеседником, сколько помнилось, бывал только он сам, должен был о чем-то говорить с посторонними людьми. Вообще с кем бы то ни было! Не с собой, а с другими!

К., очень обыкновенный человек, дитя своего туманного города, чувствовал вначале сильное смущение, просто не знал, куда глаза девать. Ему было страшно неловко, как будто разом отлетели все пуговицы от одежды и он придерживает руками одновременно куртку и штаны, а встречные укоризненно качают головами. Но — даже странно! — К. довольно скоро освоился. И вставлял в разговор сначала коротенькие и робкие, а затем все более уверенные замечания. Оказывается, ему было что сказать — хотя бы и первым встречным. И все его прогулки по старому городу не были случайны или напрасны — это, как казалось К. теперь, были непрерывные поиски другого человека или людей, или вообще чего-нибудь живого: хоть травы... хоть ручья!

В К. обнаружилась известная красноречивость. Его голос, скрещиваясь с голосами собеседников, явился для К. такой новостью, что минутами он слушал себя, как кого-то постороннего.

Люди в плащах были не столь разговорчивы, но слова их поразили К.

И тот и другой — оба строители — добывали под покровом тьмы камень для строительства Башни.

К. замолчал и, открыв рот, уставился на своих собеседников. Да, камень для Башни, подтвердили они.

А что К. так удивляется? Ведь Башню строят не из пластилина.

— Да ведь строительство Башни объявлено делом первостепенной важности, — снова от волнения лишаясь способности говорить внятно, пробормотал К. — Ведь уже около пятидесяти лет строится Башня. Для нее жертвуют всем... Используют последние ресурсы...

Строители рассмеялись.

— Считаю, что уже использовали, — сказал один из них. — И последние, и самые последние.

— Да и бред вся эта затея, — спокойно добавил другой. — За пятьдесят лет даже первого этажа не выстроили.

— Так зачем же вы?... — спросил К. шепотом.

— В тумане подышать осточертело, — объяснили К. — И потом, хоть и не стоит вся эта затея выеденного яйца — другой-то нет!

К. узнал, что каждый вечер строители осуществляют свои вылазки за камнем. У одного из них под плащом имелся даже орден.

— Это ничего не значит, — объяснил орденосец. — Если поймут за этими делами — все равно ухлопают.

— Так ведь для Башни нужен камень, — сказал К., сбитый с толку. — Иначе как пробиться к воздуху и солнцу?

— Для Башни нужен камень, но ведь камня-то нет. И чтобы его добыть, приходится разбирать свои и чужие жилища. А это карается законом.

— А если не поймут? — спросил К., заинтересовавшись.

— Не поймут — дадут орден.

— А поймут? — не унимался К.

— Да ведь объяснили же тебе. Поймут — дадут по шею. А может, просто пристрелят.

— Это бы еще полбеды, — сказал второй строитель. — Охрана редко сует нос в старый город. Боятся.

— Боятся? — спросил К.

Строитель сказал неохотно:

— Про Минотавра слышал?

— Это о котором легенда? Про лабиринт?

— Насчет легенды не знаю, но поговаривают, что он где-то здесь, в старом городе. И что люди исчезают не без его помощи.

Вспоминая позже разговор со строителями, К. пытался навести порядок в своих мыслях. Башня. Единственная цель. И надежда. Мечта нескольких поколений. Странное строительство. Словно человек садится в сани, кричит лошади «нно!» и при этом не дает ей сдвинуться с места. Так и мы, думал прозревший К., топчемся героически на одной строительной площадке пятьдесят лет. Где оно, то великое прежнее строительство, которому город обязан своим туманом?! Давно канули в небытие заводы, что, как сказочные драконы, источали на город свои дымы, — остался лишь туман... Да вот теперь — фундамент Башни... Вечное начало!

Да тут еще эта чепуха про Минотавра...

Дома, глянув в зеркало, К. не узнал своего лица.

ПОСТУПОК СТАСИКА КУЛИКОВА

Что происходит с человеком после возвращения издалека? Ничего. Просто, чуточку попривыкнув, он продолжает жить, как прежде.

Стасик Куликов, ученик Казимира Ивановича, не изменился. О странных уроках в дупле он никому ничего не рассказывал, а временами в его не очень-то развитой памяти они просто-напросто стирались. Ясно помнил он лишь вывернутые комья земли на том месте, где прежде стоял старый клен. Да дождь. Да

беспощадный ветер, что срызал листья с исчезнувшего уже клена.

Шли уроки, происходили разные мелкие события, все так же раз или два в неделю приходил в класс Казимир Иванович, давал быстрые, как росчерк пера, наставления, повинуюсь которым, ребята разбегались кто куда: кто в школьный сад, а кто и вовсе в городской сквер.

В самом конце осени — уже дождь походил на снег, и тучи летели над городом, предвещая скорую зиму, — Стасик Куликов шел из школы со своим одноклассником Сергеем Зубаревым, которого все звали просто Зуб. Было часа четыре, но уже довольно темно.

Молчали почти всю дорогу. Зуб не любил Стасика и с удовольствием ходил бы с кем-нибудь другим, да было не по дороге. Снисходительно поглядывая на Стасика Куликова, Зуб решал, сказать все же или не сказать. И так как ему хотелось немного повеселиться, а кроме Стаски не было никого, Зуб сказал, что их Казимир немного с приветом. «Я сделал недавно открытие», — таинственно произнес он, и Стасик глянул на него недоверчиво.

— Наш Казимир, — громко, с торжеством объявил Зуб, — ни в чем ни фига не смыслит. Понимаешь, ни в чем! Ни в русском там, ни в математике, ни в физике. Вот он и пустил утку, что может обучать новому предмету. А наши все и развесили уши. Бараны... А он под шумок и начал... Разговорная речь растений! Чепуха какая!

— Да ведь многие научились, — возразил Стасик. Он стоял, нахмурившись, и напряженно соображал.

— Да не научился никто, а только сделали вид, что научились, понимаешь? Ведь проверить-то некому. Во всем мире не сыскать такого специалиста. Лопочем всякие «тирли-мирли», чтобы вместо урока по парку шляться.

Вопреки смутным ожиданиям Зуба, Стасик как-то вяло прореагировал на все. Даже никак не прореагировал. Просто пошел прочь, не оборачиваясь, и Зуб лишь успел крикнуть вслед, что Казимир неплохо устроился и что все вокруг бараны.

Но Стасик этого уже, похоже, не слышал.

Ему было неприятно, что завтра воскресная экскурсия и что даже в воскресенье придется видаться с Зубом.

А в воскресенье неожиданно повалил снег, и в школе, где была назначена встреча, почти никто не пришел. Кроме Стасика, были Казимир Иванович да Оксана Кирковец.

Экскурсию решено было не отменять. И двинуться таким вот составом. Решил все это Казимир Иванович, Стаска и Оксана молчали, не глядя ни друг на друга, ни на Казимира Ивановича.

— К нам еще присоединятся ребята. По пути! — сказал Казимир Иванович, поглядывая в небеса. Снег валил громадными хлопьями, в полуметре ничего нельзя было разглядеть.

Двинулись в молчании к автобусной остановке, откуда предстояло уехать к месту назначения. Ехали минут тридцать, до конечной. «Лесопарк» — объявила кондукторша, подозрительно покосившись: кроме них не было желающих посетить лесопарк в такую погоду.

Однако у самого входа в лесопарк их поджидал еще один человек.

— Молодец, Зубарев! Вот нас уже и четверо! — возвестил Казимир Иванович.

— Интересно, почему остальные не пришли? — спросил коварный Зубарев, притворяясь дурачком. — Неужели из-за погоды?

И так как Казимир Иванович лишь развел руками, Зуб явил миру еще одну мысль:

— Знания и личные интересы не должны иметь ничего общего!

Вот каким простаком считал Зубарев Казимира Ивановича. Однако тот оставлял за человеком право высказывать вслух любые мысли, а уж потом сам выбирал из них пригодные. Поэтому он посмотрел сквозь летящие серые хлопья на Зубарева и спросил понимающе:

— Очень замерз, Сережа?

— Всегда готов! — проорал в ответ Зуб и выпятил грудь.

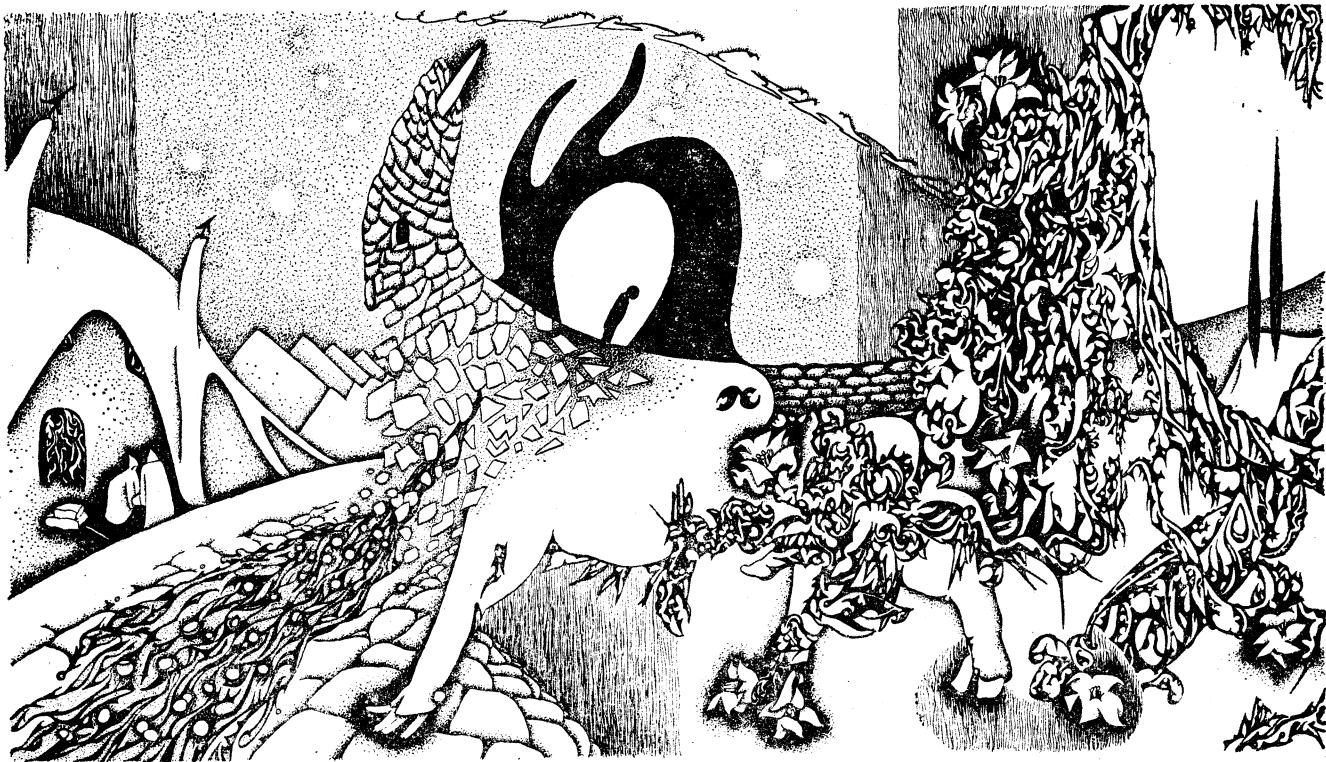
Получилось смешно, но никто не засмеялся. Оксана Кирковец — потому что никогда не смеялась в присутствии старших, Казимир Иванович — из вежливости и сострадания, а Стасик Куликов — тот вообще не имел чувства юмора. То есть, наверное, оно все же

укоризненно Стасику и Оксане. — Извольте следовать за Казимиром Ивановичем! — Он произвел рукой неопределенный указующий жест.

Двигались, увязая в снегу. Зуб, который замыкал шествие, шипел в спину Оксане Кирковец: «А ты-то, дура, чего прищлепала?» Оксана не отвечала, только изредка поворачивалась, неистово хмуря брови.

— Вон! — сказал вдруг Стасик Куликов, хотя все и так увидели чернеющую среди деревьев и снега воду. Снежные хлопья неслышно касались ее и исчезали.

— Продолжим! — объявил Казимир Иванович по своему обыкновению. Так он вечно продолжал, будто подхватывая нить несуществующего разговора или невысказанные мысли. К этому все привыкли, и даже Зуб не закашлялся в удивлении.

было у Стасика, но только где-то в глубинах души, и поэтому веселые шутки и розыгрыши его абсолютно не трогали, хотя некоторые серьезные предметы иногда смешили до слез. Что, конечно же, осложняло жизнь мальчика.

Пошли по главной аллее лесопарка вслед за Казимиром Ивановичем, который, шагая чуть вперед, близоруко выглядывал под снегом тропу, уводящую в глубь парка. Наконец тропа нашлась — слой снега в несколько сантиметров делал ее почти неразличимой.

— Казимир Иванович, — спросил Зуб, — можно, я буду замыкающим?

— Несущественно! — отрывисто бросил Казимир Иванович. — До озера — рукой подать. И извольте оставить шуточки!

Общее изумление охватило ребят. Никогда еще им не приходилось видеть своего учителя таким. Лицо его, как и голос, стало суровым. Зуб немедленно оценил ситуацию.

— Цель близка, а мы еще здесь, — сказал он

— Продолжим... Мой первый вопрос. Камень на дне этого водоема — предмет или существо?

— Он не дышит, — робко предположила Кирковец. — И не размножается... Значит — предмет.

— Что? — неодушевленное. Кто? — одушевленное. Что? — камень. Значит — предмет, — уверенно отпартовал Зуб.

— А давайте достанем камень и посмотрим. Иначе трудно сказать, — проговорил Стасик Куликов.

— Что ж, — подвел черту Казимир Иванович. Он потер руки, то ли согреваясь, то ли выражая удовольствие. И повторил: — Что ж...

Подумав, Казимир Иванович задал второй вопрос:

— Рыба в озере — предмет или существо?

— Поймаем, — сказал Зуб обиженно, — и посмотрим. Вон и Куликов так же думает...

— Да я и так знаю, без всякой рыбки, — сказал Стасик хмуро. Оксана Кирковец и учитель посмотрели на него с интересом. А Зуб — тот вовсе не посмотрел.

— Нету тут никакой рыбы,— неохотно объяснил Стасик.— Лет пять как передохла.

— Так,— сказал Казимир Иванович и задал вопрос № 3:— Озеро? Как же быть с ним? Как его квалифицировать? Как мертвый предмет или оживленное существо, живое?

— Лучше чтобы его совсем здесь не было,— сказал Стасик так же хмуро и ни на кого не глядя.

— Скоро не будет,— уверенно сказал Зуб.

— А правда, помните, мы еще в классе втором учились, в озеро впадала речушка... А теперь и ручей пересох,— поддержала Оксана.

— Да,— сказал Казимир Иванович,— озеро жило от этого ручья.

Черное озеро, неизвестно— живое или нет, слушало ученый спор людей. Некоторые снежинки на его поверхности уже не таяли так мгновенно.

— Его надо увести отсюда,— сказал Стасик, пожимая плечами.— Больше ничего не остается...

— Не понял,— сказал Зуб.

Казимир Иванович засмеялся. Оксана Кирковец лихорадочно переводила взгляд со Стасика на учителя и снова на Стасика. Так она пыталась найти ответ, определить истину. По-другому у нее пока не получалось.

— 850! — выставил Казимир Иванович высокую оценку своему ученику.— Это успех! — добавил он, подмигнув неизвестно кому и стяхивая с берета снег.

Такова вкратце история возникновения на карте края единственного, уникального для этих мест колючего озера.

МИНОТАВР

Пещера Минотавра стояла на перекрестке. Лабиринт, который якобы ее окружал,— досужая выдумка, ничего более. Открытая всем взорам, пещера, как уже сказано, находилась на перекрестке дорог, путники являлись туда добровольно, добровольно же и покидали ее, всякая роковая случайность была исключена, и Минотавр — о, господи! — конечно же, об этом знал.

Вот почему он удивлял многих своей предупредительностью и дружелюбием — он хорошо понимал и умел ценить добровольцев.

К. предполагал действовать без обиняков. Не представляя и не вступая в специальные переговоры, он должен был (таковы были его планы) прыжком приблизиться к хозяину и всадить ему в сердце старый кухонный нож из потемневшей стали.

Но планы его нарушились уже в самом начале. Минотавр не вышел к нему навстречу, потому и приблизиться к нему прыжком К. не сумел. Из прихожей К. разглядел довольно опрятную комнату с разноцветными половиками, лежавшими крест-накрест. Комната была пуста, и сердце К. налилось непонятной тоской. Он покашлял и даже легонько потопал ногами в мокрых башмаках. Безуспешно! Тишина и тоненький привычный запах квартирной сырости. Ни на что особенно не надеясь, К. сделал шаг в направлении комнаты и тут же почувствовал, что в прихожей кто-то есть. Совсем рядом, около. Кто-то с тяжелым и смрадным дыханием. С сердцем, которое неистово колотится, готовое разорвать грудь и горло, отчего кровь, должно быть, хлынет с самого дна души, заливая рубашку и галстук... К. поморщился и даже для чего-то потрогал рукой грудь.

К. медлил. Глупое, неуместное любопытство овладело им. Вместо того, чтобы действовать, как задумано, К. неудержимо захотелось разглядеть в упор это легендарное чудовище, этого виновника всех бед и несчастий, что обрушивались на город год за годом — и было тех лет не счесть!

Он желал увидеть того, по чьей милости люди, которым, казалось, оставалось сделать последнее усилие, достроить проклятую Башню и вырваться наконец-то из туманного небытия,— люди эти, гонимые ужасом, наведенным на них злым созданием, прятались в свои жилища, отказывались от плодотворных замыслов... Он, он один виновник их неисчислимых бедствий, ему и отвечать!

«Так!» — вскричал К. и нанес удар. «Так...» — повторил он глуше и вновь погрузил нож в самое сердце этого коричневого, смрадного, подлого, трусливого ничтожества.

После чего рухнул на пол, не желая глядеть на содеянное.

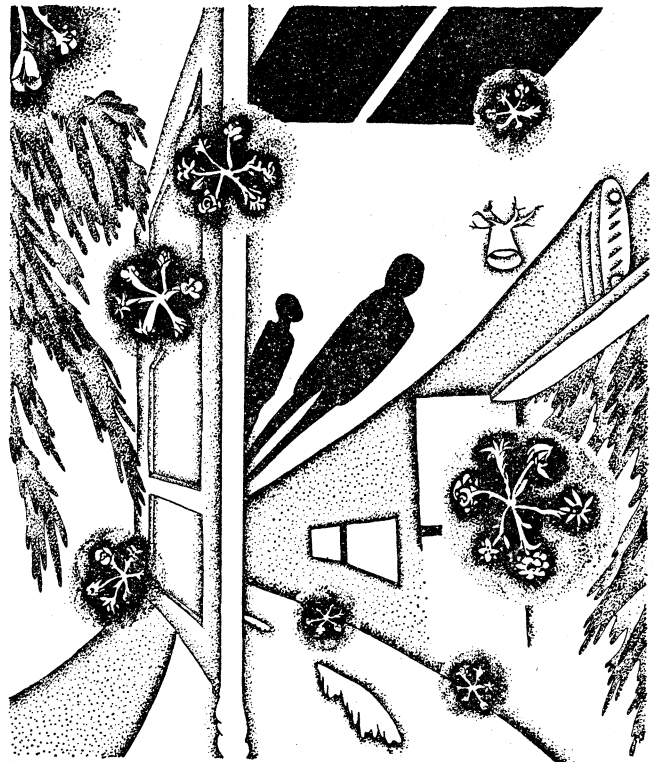
Осколки темного зеркала — того, что стояло в прихожей — валялись, поблескивая, на полу. Сознание возвращалось к К., и он увидел себя среди этих осколков.

— Так значит Минотавр был он сам? — спросил Стасик Казимира Ивановича.

— Он виновен не больше, чем любой из его соотечественников,— сухо отвечал Учитель. И добавил: — Я имею в виду несчастных жителей того города, что стал жертвой тумана. К стати, именно тогда К. попробовал договориться с чахлым кактусом, который каким-то чудом сохранился в пещере. А что ему оставалось делать? Он чувствовал себя последним человеком на всей Земле!

— Мне было бы проще,— заметил Стасик Куликов.— Договориться с каким-нибудь кактусом мне бы ничего не стоило.

Так шли, беседуя, по аллее, среди кленов и тополей, учитель и ученик. Они шли, не торопясь, по дорожке, которому ничто не грозило.

Выполняя свое обещание, публикуем несколько рефератов из числа тех, что были присланы на прошлогоднюю викторину.

Не скроем: крайне велик был соблазн «сбить» работы, посвященные одной теме, в единое целое — которое, безусловно, стало бы насыщеннее, компактнее, полнее.

Ведь, скажем, даже и теоретически почти неподъемна для любителя-одиночки чрезвычайно многообразная тема выборов в НФ... Перебрав немало вариантов, в частности, со вздохом отложив интересный, но чересчур обширный трактат В. Окулова (Иваново), мы остановились в конце концов на двух рефератах. По-разному задуманных и написанных, взаимно дополняющих, на наш взгляд, хотя одновременно и неизбежно в чем-то повторяющих друг друга.

Кое-чем, разумеется же, можно было бы дополнить и работу А. Сауткина. Не слишком ли, скажем, категорично утверждение о единодушии фантастов по вопросу о жизни на Меркурии? Ведь и помимо «Детей звезд» Гамильтона, на самом Меркурии или в его окрестностях не раз совершаются в НФ встречи с разумными существами (напр.: Г. Джайлс. На Меркурии; С. Павлов. Корона Солнца; К. Саймак. Однажды на Меркурии...), и вовсе не всегда эти братья по разуму — лишь гости на этой планете.

А в реферате В. Молчанова очень уместным, к примеру, было бы упоминание еще об одном глобальном вакуумно-электрическом туннеле — том, что в романе Н. Трублиани «Глубинный путь» соединил Москву с Дальним Востоком...

Но мы сознательно воздержались от привнесения дополнительного чужого знания в эти тексты — лишь подсократили да подредактировали их. Всезнаек нет и, вероятно, не может быть; все собственное наше преимущество лишь в том, что за нами — результаты коллективных поисков, коллективная эрудиция. Откровенно говорим об этом — чтобы приободрить новичков наших викторин: поверьте, и впрямь не боги горшки обжигают! Потому об этом говорим, что у викторин наших, помимо самоочевидной развлекательной, есть (когда-то мы уже писали об этом) и двойная глубинная цель — не только собирать рассеянную в массивах книг информацию, но и побуждать участников этого процесса к творческому осмыслению самостоятельно собранного материала...

ФАНТАСТИКА ПОД МИКРОСКОПОМ

ВЫБОРЫ В ОПИСЫВАЕМОМ БУДУЩЕМ

Для исследования механизма проведения избирательных кампаний в Описываемом Будущем необходимо прежде всего выяснить, кто обладает активным избирательным правом. Конечно, с коммунистическими и социалистическими странами все ясно — выборы всенародные, очень демократичные (хотя бы формально — даже при «ангсоце» Д. Оруэлла или в Едином Государстве у Е. Замятина). Имущественного ценза нет практически нигде — вероятно, пионерами в деле его отмены были граждане Низкопрыгии (Ф. Купер. Моникины), хотя и руководствовались они при этом весьма оригинальными соображениями о вреде имущественного благополучия для процветания общества, которые, кажется, скоро будут применяться на практике в Реальном Настоящем.

Несколько уже круг избирателей в Республике Южного Креста В. Брюсова — только 60% населения. Но зато здесь настоящая диктатура пролетариата — полноправными гражданами являются лишь рабочие металлургических заводов.

Ну, а капитализм и в Будущем (Описываемом, конечно) показывает свое «недемократичное устройство»: хотя номинально избирателем считается каждый мужчина в возрасте от 20 до 60 лет (опять дискриминация

женщин, даже в XXI веке!), но лишь один из них реально сможет стать таковым (А. Азимов. Выборы). Справедливости ради следует отметить, что в данном же регионе (Америка) в данное же время продолжает существовать и всеобщее избирательное право (Р. Шекли. Похмелье; У. Тенн. Нулевой потенциал).

Чаше всего избиратели голосами очень дорожат (исключением является разве что курортный город из «Хищных вещей века»). И на какие только уловки не пускаются кандидаты в народные представители! Поливают друг друга грязью, разжигая нешуточные страсти, переходящие в кровопролитные бои (А. Шаров. Остров Пирроу). Выдвигают броские лозунги, например: «Назад, к норме, с нормальным человеком!» (У. Тенн. Нулевой потенциал). Играют на чувствах людей, объясняя, к примеру, нехватку жизненных благ чрезмерно большими расходами на космические цели — без научного обоснования, разумеется, а вернее, с псевдонаучных позиций (А. Азимов. Путь марсиан) — как тут не вспомнить и наши недавние выборы? Чтобы победить в борьбе за власть, используют любые средства, вплоть до убийства сенатора — с целью создать эмоциональную атмосферу, благоприятную для кандидата (П. Уайл. Информатия), вплоть до применения малоизученного препарата — дабы стимулировать интерес населения к поли-

тике (П. Вале. Стальной прыжок). Пожалуй, наиболее приемлемые средства предвыборной борьбы — обилие плакатов (Ф. Купер. Моникины) и удовлетворение телесных и духовных потребностей избирателей, кстати, за счет общественных фондов (Р. Шекли. Похмелье).

Но вот борьба достигла критической точки. Все кандидаты зарегистрированы в соответствии с законом — в Америке У. Тенна продолжают действовать конституции штатов; 70 земных государств требуют от претендентов обязательного удаления «камня из-за пазухи» (А. Шаров. Остров Пирроу); а в одной из звездных колоний землян президентом может быть только робот — Супермыслетрон (А. Чеховский. Правда об электре)...

А как проходят сами выборы? Архаическая процедура опускания бюллетеней в урну мне не встретилась нигде. У Р. Шекли используются современные избирательные кабины с рычагами. А. Азимов («Выборы») воспроизводит стадии дальнейшего развития: сначала появились машины, подводящие итог выборов по нескольким бюллетеням, путем сравнения их со старыми, а затем достаточно одному человеку ответить на множество вопросов — и Мультивак назовет нового президента. В коммунистических странах общее мнение суммируется с помощью машин (И. Ефремов. Час

быка; С. Снегов, Люди как боги). А в Кибертонии новые правители избираются всенародно лишь после экзаменов на наличие ясного ума и доброго сердца (Л. Сапожников, У нас в Кибертонии). На Силае же Оксигену Ашу достаточно было сесть в кресло правителя (В. Назаров, Силайское яблоко).

Выбор сделан, и теперь на него может повлиять лишь раздавленная в прошлом бабочка (Р. Брэдбери, И грянул гром)...

Н. ШАХОВА,
г. Благовещенск Амурской обл.

..Они бросили жеребья
во сине море:
Все жеребья гоголем плывут,
А который жеребей
Садки купца богатого,
Тот пошел камнем ко дну.
Говорит Садко купец,
богатый гость:
— Это есть дерево неправое,
Неправое дерево — сосново!
А возьмите вы дерево еловое...

В утопическом мире Города Солнца Т. Кампанеллы «...никто не выступает в качестве соискателя, как это обычно принято, а предлагается на Совете должностными лицами, где каждый на основании своих сведений высказывается за или против избрания определенного лица».

Иное в Нью-Йорке из рассказа Р. Шекли «Похмелье». Здесь «мало кто работает. К чему это, если можно голосовать?» Полномочные избиратели здесь тщательнейшим образом взвешивают, щедро ли кормит и развлекает их кандидат «в качестве памятного подарка». Они высоко ценят свои голоса, и круглый год кто-нибудь на них рассчитывает.

По А. Азимову, в 1970-х годах в помощь суверенным избирателям создан мощный электронный мозг Мультивак. «Он положит конец борьбе партий, говорили тогда. Предвыборные кампании больше не будут пожирать деньги избирателей. Ни одно ухмыляющееся ничтожество не пролезет больше ни в Конгресс, ни в Белый дом, так как с политическим давлением и рекламной шумихой будет покончено. А что получилось?» А вот что... «Мультивак уже получил почти всю информацию, которая ему требуется для определения кандидатов,— в органы власти всей страны, отдельных штатов и местные. Ему нужно только свериться с неподдающимся выведению умонастроением» среднего представителя американского общества. И вот уже супермашина выбирает... не президента, нет, а избирателя.

Ну, а если одиночку-избирателя затем клянут: «Выбор сволочи Маккомбера!» — то, быть может, избирать-то все-таки следует всем?

У Герберта Уэллса в «Освобожденном мире» так описаны проводящиеся раз в 5 лет довыборы Всемирного Совета в Бриссаго: «Все взрослое население обоих полов от Южного полюса до Северного получило право голоса; весь земной шар был разделен на десять избирательных округов, которые голосовали в один и тот же день с помощью весьма простого усовершенствования почтовой связи». В результате «...все политики захлебнулись в потоке избирательных голосов».

Дальше Уэллс, хорошо знавший современную парламентскую жизнь, приводит красочные картины работы этого сверхпредставительного органа. «Начали обсуждать конституцию. Однако некоторые вопросы настоятельно требовали немедленного разрешения, и они занялись ими. Конституция могла и подождать. По-немногу выяснилось..., что ей придется ждать неопределенное время, а пока, приобретая все большую уверенность в себе, собрание продолжало управлять миром...» Леблан, выступая «как бы в роли секретаря, сидящего по левую руку председателя, сам, по-видимому, даже не замечал, как дает указания всем собравшимся, что именно им надлежит делать». Ну, а в итоге — «...собирались в сущности только для того, чтобы благословлять деятельность своих комитетов»...

Нужно заметить, что избирательная кампания — это не просто ознакомление с кандидатами. Французское «самрагпе» — военный поход. Это специфическая борьба за власть, где многие незаконные приемы и сами стали традиционными. Эта атмосфера ощутима, например, в «Уликах» А. Азимова: «...охотиться за голосами, произносить речи, подделывать избирательные бюллетени, изучать прошлое соперника, умело распускать слухи, «даже если эти действия будут не вполне укладываться в рамки дозволенного»; самые же веские улики терпеливо приберегать до решающего момента, ибо: «— Скандал, сэр,— палка о двух концах...»

Тому, как беспощадны на выборах реакционеры и явные преступники, посвящено немало романов — среди них и относимые к фантастике «У нас это невозможно» С. Льюиса, «Мертвая зона» С. Кинга, «Белое снадобье» З. Юрьева... Избранный президент целиком подчинен лоббистам монополий (Ф. Поол, С. Корнблатт, Торговцы космосом); он обречен на смерть ради традиции — и его убийство вызывает лишь легкую досаду на перевыборы (У. Малагути, Л. Коцци. Стрельба по живой мишени)...

Отметим, что выборы, как пра-

вило, описывают авторы «критических направлений». Сторонники же «конструктивных направлений» в своих утопиях описывают Всемирные правительства, их структуру и институты. Но описывают, чаще всего, уже как выбранные — разумеется, наиболее праведнейшим образом, — и нет на их страницах той атмосферы выборов, которая столь впечатляет в романе «Мы» Е. Замятина: «Я вижу, как голосуют за Благодетеля все; все видят, как голосуют за Благодетеля я, и может ли быть иначе, раз «все» и «я» — это единое «Мы!»...» Это здесь, у Замятина, герой, готовясь к очередным — ежегодным! — выборам Благодетеля, не без насмешки над нами констатирует: «Разумеется, это непохоже на беспорядочные, неорганизованные выборы у древних, когда — смешно сказать — даже неизвестен был заранее самый результат выборов»...

..Они бросили жеребья
во сине море:
Все жеребья гоголем плывут,
А который жеребей
Садки купца богатого,
Тот пошел камнем ко дну.
Говорит Садко купец,
богатый гость:
— Это дерево есть неправое,
Неправое дерево — еловое!
Возьмите-ко дерево ольховое...
А. ЛУШПА,
г. Томск

ТУННЕЛЬ ПОД МИРОМ

Откуда пошло наше неукротимое стремление к «проектм века» — вроде создания в Москве «порта пяти морей» или поворота северных рек? Похоже, все подобные проекты произрастают из научной фантастики! Действительно, в советской НФ есть проекты отопления Арктики (Ф. Кандыба. Горячая земля; Г. Адамов. Изгнание Владыки), плавающего туннеля СССР — США под Северным Ледовитым океаном (А. Казанцев. Арктический мост), сверхглубоких шахт (А. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина; Г. Адамов. Победители недр). Такое впечатление, будто фантастика в прежние времена считалась тем лучше, чем глобальнее были масштабы предлагаемых ею проектов.

Одним из самых впечатляющих проектов, выдвинутых фантастами и пока не осуществленных, является проект межконтинентального туннеля. Идея впервые выдвинута в романе А. Лори «От Нью-Йорка до Бреста за семь часов» и развита в рассказах Жюль Верна «Поезда будущего» и «В XXIX веке», из русской фантастики сюда можно отнести рассказ А. Родных «Самодатная подземная дорога между С.-Петербургом и Москвою». Однако наиболее известным произведением на эту тему

является роман Б. Келлермана «Туннель». Идея его действительно глобальная — туннель под Атлантическим океаном, туннель под миром!

От фантастики, даже самой научной, до практических дел — далеко: только в наши дни, к примеру, Англия и Франция занялись строительством туннеля Дувр — Кале. Что же касается других великих туннелей, то о них речь пока не идет, даже в фантастике эта тема сейчас сильно усохла. Последнее упоминание — метро между Москвой и Севастополем в повести К. Булычева «Остров ржавого лейтенанта».

Но неожиданно идея туннеля получила в фантастике мощный толчок со стороны... квантовой механики. Там было сделано открытие «туннельного эффекта» — перехода микрочастицы из одного состояния в другое без затраты энергии. И вот в НФ появляются одно за другим произведения, в которых не микрочастицы, а звездные корабли, космонавты, темпонавты и другие тела мгновенно и без затрат энергии перемещаются с планеты на планету (Д. Смит. В безвыходном положении), в другие миры. (П. Аматыни. Голубой нуль), в иные времена (И. Смирнов. Туннели времени)...

В. МОЛЧАНОВ,
г. Пермь

ТРИЖДЫ ГИБЕЛЬНЫЙ МЕРКУРИЙ

В силу мнимой тривиальности Меркурия или по какой-либо иной причине, но только авторы ранней НФ обходили своим вниманием эту планету, а потому трудно сказать, с каких пор закрепилась за нею столь дурная репутация. Вл. Гаков, исследуя в своем очерке «Рассвет космической эры» постепенное освоение фантастами просторов Солнечной системы, вообще игнорирует Меркурий; это, однако, не означает полного равнодушия писателей к данному небесному телу.

Рассмотрим проблему подробнее.

Широкомасштабное освоение практически любой планеты обязательно проходит следующие этапы: 1) беспилотная разведка автоматическими исследовательскими станциями; 2) редкие пилотируемые полеты с целью посадки и непосредственного изучения планеты; 3) создание долговременных и постепенно расширяющихся поселений с видами на дальнейшую, все более прочную колонизацию; 4) в перспективе — глубокое преобразование планетной среды, создание пригодных для жизни условий.

Поставив своей задачей проанализировать характер воздействия губительных факторов Меркурия на че-

ловека, перейдем сразу ко второму из этих этапов. Здесь основной угрозой для первопроходцев являются чудовищные условия, царящие на самой близкой к Солнцу планете: огромная разница температур на дневной и ночной сторонах, чрезвычайно разреженная атмосфера и т. п. Ситуация, в которую попали Донован и Пауэлл в рассказе А. Азимова «Хоровод» (им грозит гибель от смертоносного солнечного излучения), достаточно типична. Можно привести и рассказ «Дети Солнца» Э. Гамильтона: «На них обрушилась буря излучений, лавина зноя и света, и они невольно согнулись, словно под напором ливня». Тем не менее подобные воздействия можно с большей или меньшей степенью надежности нейтрализовать: усиленная теплозащита, светофильтры, противорадиационные устройства... Но порою даже эти средства не помогают — и экспедиция заканчивается трагически (гибель Морзе и Бинетти у Гамильтона).

Заканчивается же начальный этап исследований обычно созданием различных станций, служащих для сбора информации, а также для базирования будущих экспедиций: опять же «Хоровод» Азимова, рассказ С. Другалы «Обостренное восприятие» или «Пробный шар» В. Рыбакова. Подобные станции являются зародышами больших, надежно оборудованных, защищенных от внешних воздействий поселений, что хорошо описано у С. Павлова в «Лунной радуге»: готовый к любым неожиданностям меркурианский мегалополис Аркад.

Но на данном этапе уже вступают в силу новые факторы, гораздо более опасные и порой скрывающиеся друг в друге, словно матрешки. Взять, к примеру, безызвестное Плоскогорье Огненных Змей: определенные участки планеты способны накапливать энергию солнечного излучения, которая впоследствии находит выход в мощных электроразрядах, представляющих серьезную опасность для людей, занятых на близлежащих рудниках. Когда же это препятствие оказывается преодоленным, выясняется, что у большинства разведчиков плоскогорья рождаются мертвые дети — сказывается малоизученное влияние определенных комбинаций электрочастот. Кроме того, по данным статистики, в семьях работников Внеземелья (а значит, и тех, кто обживает Меркурий) близнецы рождаются в 20 раз чаще, чем у оседлых землян: в будущем это может поставить человечество перед угрозой антропогенетического тупика.

Как видим, чем глобальнее становится характер освоения планеты, тем больше проблем вырастает

перед людьми. Говоря словами одного из героев «Лунной радуги», мы обживаем вселенную, вселенная обживает нас.

Есть, однако, еще более страшная угроза — влияние неизвестных факторов на психику человека. Герои «Десанта на Меркурий» Д. Биленкина, например, испытывают воздействие галлюцинозного свойства, хотя дело тут, впрочем, в большой степени связано с их индивидуальными особенностями. Можно вспомнить и солнечные галлюцинации — «нейтринно-солнечные синдромы» — из той же «Лунной радуги». (Кстати сказать, Гэлбрайт — начальник оперотдела МУКБОП — замечает здесь: «Странно, что именно Меркурий оказался для нас самой тяжелой планетой»).

Между тем, психические воздействия могут иметь более тонкую подоплеку. В упоминавшемся уже рассказе Гамильтона уцелевший участник экспедиции хочет скрыть от людей факт встречи на Меркурии с некими разумными существами, почти бессмертными «огненными вихрями». По его мнению, сообщенное об этом создаст своеобразный комплекс неполноценности у человечества, знающего, что оно всегда обречено быть вторым, и непременно скажется на темпах экспансии в другие миры.

Тут надо добавить, что в вопросе о наличии жизни на Меркурии фантасты на редкость единодушны. Даже у Гамильтона «дети звезд» — всего лишь пришельцы из глубины космоса. Отсутствие же каких бы то ни было аборигенов так или иначе упрощает и без того нелегкую колонизацию планеты.

Поселения, однако, растут и растут, соответственно растет и потребность в жизненном пространстве, энергии, полезных ископаемых и прочем. И вот уже мы вплотную подошли к четвертому этапу — полной перекройке природных условий Меркурия.

«Меркурий превратится в райский уголок, ибо оборудуем на нем заводы, создающие вполне приличную атмосферу. Тогда и на солнечной, и на ночной стороне будут гулять в теннисках и с непокрытой головой...» Действие в рассказе С. Снегова «Бритва в холодильнике» происходит в XXV веке, но, по всей вероятности, люди, склонные к громким словам и недооценивающие трудностей реальных дел, были, есть и будут во веки веков: и через 30 лет после приведенного заявления мало что изменилось на Меркурии, он по-прежнему остается «планетой рабочей, не для приятного времяпрепровождения».

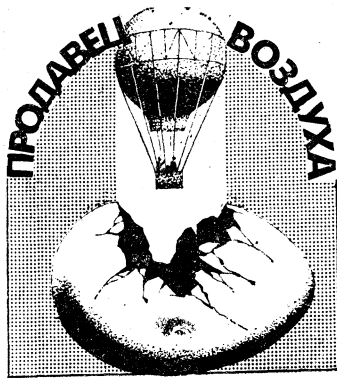
Справедливости ради отметим, что отнюдь не всех — писавших о

нем — фантастов Меркурий привлекал своими богатствами: например, в «Звездоплывателях» Г. Мартынова можно найти соображения о полной неперспективности освоения этой планеты.

Но перспективность перспективностью, однако не стоит забывать: излишний оптимизм во всем, что касается Внеземелья, чреват гибельными последствиями. И вот уже иммуногенетики из «Мягких зеркал» С. Павлова (вторая книга «Лунной радуги») выражают сомнения в том, что «человечество поступает осознанно, расширяя колонизацию Венеры и Меркурия. Особенно Меркурия». Темпы меркурианских мутаций на порядок выше земных, это безусловно скажется на поколениях потомков. И поскольку речь идет уже о сохранении природной сущности человека, неотъемлемое море проблем нравственного порядка вырастает перед людьми.

Таким образом, становится ясно, что освоение Меркурия осложняется целым рядом чрезвычайно опасных факторов, способы преодоления которых фантастам, вероятно, еще предстоит разработать.

**А. САУТКИН,
г. Мурманск**

СООБЩАЕМ, ЧТО...

Похоже, друзья, что мы несколько поспешили с информацией (в январском выпуске «Аэлиты») о скором появлении НФ журнала «Измерение Ф»: сейчас, когда готовится к сдаче в типографию этот наш выпуск, на носу — май, а о выходе обещанного первенца отечественной НФ журналистики нет покамест никаких достоверных вестей. Объясним это так: вслед за А. Согриным и мы, по-видимому, приняли желаемое — за реальное; а в жизни-то все — куда как сложнее. Что ж, извлечем из этого урок на будущее... А в качестве, так сказать,

информационной компенсации сообщаем следующее.

С нынешнего года к журналам, опекающим фантастику и фэн-движение, примкнул — что вполне закономерно в наши новые времена — журнал «Клуб»: на его страницах появился фэн-клуб «Продавец воздуха».

В задачу себе редакция журнала вменяет давать, прежде всего, информацию о клубном движении в стране и за ее пределами. Не исключаются и публикации НФ рассказов. Кроме того, на заседаниях фэн-клуба будут приглашаться интересные собеседники.

Насколько основательны намерения журнала — покажет будущее. Любители НФ — народ, как извест-

но, тертый, и одними лишь обещаниями их не купишь... Но уже в первых шести номерах «Клуба» можно прочитать: интервью с В. Михайловым и Б. Стругацким, статьи о НФ журналах в Америке, о «Хоббитских игрищах»-90, о Д. Д. Р. Толкуне и толкенистах за рубежом, информацию о Стругацких чтениях, Соцконах, Волга-коне, рассказы Филиппа Дика, Цуцуи Ясутаки, а также... материал о ежегодных «аэлитских» фестивалях в Свердловске.

Недоверчивым и основательным Иван Филимонов и Илья Калашник, ведущие на страницах «Клуба» рубрику фантастики, советуют заглянуть в ближайшую библиотеку и, записав там номера журнала за этот год, удостовериться лично.

АЭЛИТА-90 в оценке читателей

По сложившейся уже традиции предложив читателям в декабрьском номере журнала оценить по пятибалльной системе нашу прошлогоднюю фантастику, приводим результаты опроса.

Обработано 300 открыток и писем, полученных редакцией к концу апреля. Как и в прошлом году, среднего балла мы не выводили — ни для отдельных произведений, ни для «Аэлиты-90» в целом. Повторяем оглавление годового комплекта; в скобках после каждого названия дано общее количество оценок, а следом — разбивка по баллам: от «пятерки» до «единицы».

1. Д. Баюшев. Допущение (295: 77, 118, 73, 18, 9).
2. И. Тяглов. Круги Магистра (297: 81, 94, 75, 25, 22).
3. А. Стоянов. Вполне порядочный мир (297: 27, 86, 129, 34, 21).
4. Н. Орехов, С. Орехов. Присказка (297: 54, 109, 101, 21, 12).
5. С. Михалёв. Форс-мажор (297: 52, 87, 101, 39, 18).
6. А. Иванов. Охота на «Большую Медведицу» (297: 116, 103, 51, 18, 9).
7. А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Понедельник начинается в субботу. Сценарий (297: 95, 115, 66, 12, 9).
8. А. Романов. Чуда не будет... (297: 23, 63, 111, 59, 41).
9. В. Михайлов. Ночь Черного Хрусталя (299: 104, 116, 54, 11, 14).
10. В. Крапивин. Крик петуха (299: 192, 56, 30, 8, 13).
11. А. Конан Дойл. Владыка Темной Стороны (294: 38, 119, 99, 20, 18).
12. Г. Гуревич. Бхага (298: 60, 107, 90, 21, 20).
13. Н. Галкина. Надзиратель прошлого (298: 8, 58, 123, 68, 41).
14. А. Карапетян. Скоро будет весна (299: 32, 94, 101, 45, 27).
15. А. Щеголев. Главный враг (300: 83, 109, 80, 18, 10).
16. М. Алферова. Идолы (299: 44, 76, 107, 40, 32).
17. С. Казменко. Сила слова (299: 79, 120, 70, 22, 8).

Я снял сапоги и протянул их Василию Ивановичу. Он взял, бережно, прямо ладонью, протер:

— Не жали? Вы ведь сейчас акселераты, небось папина обувь маловата бывает!..

— Не, Василий Иванович, в самый раз! Очень удобные сапоги. И легкие, веса совсем не чувствуешь!

— Да,— сказал Василий Иванович,— очень, очень хорошие сапоги...

Он замолчал, смотря рассеянно в темное окно. Потом, грустно улыбнувшись, сказал:

— Они, брат, еще и памятные...

— Памятные?! — удивился я.— Память... о чем?

— Длинная эта история, Юра...

Он снова замолчал. Подошли прощаться ребята, другие наши «актеры». Когда за последним из них закрылась дверь, я настырно спросил:

— Так что же все-таки за история, Василий Иванович?

— Вообще-то ты прав,— усмехнулся Василий Иванович,— кот в сапогах должен о своем имуществе знать абсолютно все! Хотя история эта, собственно, не столько о сапогах, сколько... Скажем так: о глупой гордости. Правда, молодой я был тогда...

И Василий Иванович, усевшись поудобнее, достал свою трубку.

— Для начала, Юра, я бы хотел тебя спросить: как ты представляешь себе самое красивое место на земле? Ага: сад на бабушкиной даче. Осенью, когда сплошь — яблоки и груши! Ну, что же — отличное место, даже завидно! А у меня несколько иное представление... Уверен, что тот, кто это видел, со мной согласится: прекраснейшее место на земле — это мир коралловых рифов. Поверь, это неопишимо: плывешь себе в голубом пространстве, полная невесомость, а под тобой удивительная страна, миниатюрная, как японский садик! Маска, как какой-нибудь телескоп, приближает к тебе весь этот разноцветный мир, и даже собственная рука кажется пятилучевой звездой, место которой — рядом с алым кораллом или желтой лилией... Это называется — эйфория по-научному. Такое, знаешь, состояние полного и всеохватного блаженства!..

Первый раз я побывал на рифах лет тридцать назад. На Кубе. И с тех пор «заболел» коралловыми рифами на всю жизнь!

Заболеть-то заболел, но после Кубы пошли у меня экспедиции совсем в иные края — Охотское море, Баренцево... И только лет семь спустя мы снова двинулись на юг, к экватору. И тут началась для меня настоящая трагедия!

Работали мы у одного архипелага: чуть не тысяча островов, причем три четверти — необитаемые! Республика там только еще организовывалась, никаких официальных границ нет, но подойти к берегу мы все равно не имеем права! Нельзя! Ты только представь: в миле от тебя — мечта, а к ней и не приблизиться!

И, тем не менее, я решился нарушить закон. Сея в надувную лодку и самовольно отправился к берегу необитаемого островка. Единственное тому оправдание — наша молодость и, наверно, глупость...

Ранним утром я благополучно проскочил полосу прибой и вытащил свой надувной кораблик на берег. Вытащил и огляделся вокруг...

Тропический остров совсем не обязательно выглядит так, как на привычной нам картинке: белый песок, роскошные пальмы, зеркальная лагуна... О том островке, на который я контрабандно высадился, в лоции было написано: «вулканического происхождения, имеются выходы сернистых газов, никакой воды, а, значит, и жизни нет!» Очень веселеное место, правда? Маленькая бухточка, мрачные черные скалы тянутся вверх, и — никакой зелени. Хорошо еще, что упомянутые в лоции вредные газы выделялись, видно, где-то в другом месте — здесь воздух был чистым! Однако меня все это как-то мало волновало: меня ждали кораллы! И я надел маску, ласты и вошел в море...

Вылез я лишь тогда, когда проголодался. Ружья для подводной охоты у меня не было — не те еще были времена! — не имелась лыжная бамбуковая палка, а на ней — грозное оружие — дедовская еще острога! Я не посрамил предков и мигом добыл какого-то местного караса килограммов на пять, обед для целой семьи!

А вот отдохнуть в той бухточке оказалось делом трудным. Видишь ли, эти черные скалы... Раскалившись, они превратили бухту в настоящую духовку, пекло — невозможное! Помаившись, я волей-неволей основа полез в воду. Тут-то все и случилось...

Представь, Юра, что ты идешь... допустим, по летному дугу. Ромашки перед тобой, всякие там лютики, василечки... Пчелки гудят, кузнечики скачут, жаворонок заливается — красота! И вдруг из этого роскошного цветения природы прямо перед тобой встает внезапно... Кобра, допустим! Королевская! В два метра! Жуть, а?

Вот такое же чувство испытал и я, когда прямо передо мной выскользнуло из-под коралловой глыбы и встало этакое... огромное, черное! Абсолютно мне непонятное, честное слово! На длинной шее — голова треугольником!

У меня сработал инстинкт, в свое время закрепленный на ринге... Не раздумывая, я мгновенно выбросил вперед дедовскую острогу! Есть удар! А потом... наверняка перекрыл все рекорды по плаванию кролем!

Вернулся я на то же место не раньше, чем через час. И то по нужде: острога-то осталась там, не всплыла почему-то...

Нашел я ее быстро. Копье мое косо возносилось над перепаханной песчаной полянкой, воткнувшись в голову... неизвестно чью.

Убедившись, что это самое «оно» не подает признаков жизни, я с натугой выволок добычу на берег. Выволок и туло установил на нее, потому что создание мне, моряку, было совершенно незнакомо!

В общем, так... Возьми с пруда обыкновенного тритона. Укороти до отказа лапки, но самого раскорми до трехметрового размера. Потом еще на метр растяни ему шею. Для красоты обклей сверху кожаными лоскутками... Да еще искупай его в бочке с синими чернилами, но брюхо потом насухо протри. Если все это сделаешь, — получишь родного брата того чудища, что лежало тогда передо мною на куче сухих водорослей...

Остаток дня я, маясь от жары, проторчал возле моего трофея — в воду меня, знаешь, как-то не тянуло! Я смотрел на это чудо-юдо и вдруг вспомнил, где я такое уже видел.

В книге! В пухлом томе, оклеенном потрескавшейся коричневой кожей. На первой странице — бумага, помнится, была серая, шершавая, с отгиском ткани бумажного решета! — очень торжественно объявлялось, что речь в книге пойдет об удивлении и славы достойных похождениях на морях и на суше гишпанского кавалера и капитана королевского флота... э... допустим, Амнуэля де ла Порты де Тринидад — так, приблизительно!

В той книге и видел я рисунок, гравюру: трехмачтовый бриг, атакованный чудовищем, вылезавшим из пучины морской! Конечно, художник немножко нафантазировал, но все же не исказил главного: нарисованное им чудовище было самым близким родственником того, что лежало сейчас прямо передо мною. Там, в книге, оно было названо, и я хорошо помню, что все три слова начинались с заглавных букв: «Великий Морской Змей»!

Понимаешь мое состояние, Юра?.. Я не сомневался, что трижды признанный, тридцать три раза осмеянный легендарный Великий Морской Змей, которого два века ищут во всех морях и океанах, стал нечаянным моим трофеем. Я — именно я! — оказался его первооткрывателем!

С раннего утра я, как и было условлено, ждал свой корабль. Однако он почему-то не появился. Я забеспокоился, потому что анкерок — бочонок, — с пресной водой у меня был маленьким, а бухточка к полудню становилась настоящей печкой.

И еще. Мой удивительный трофей, будущая моя слава, начал пухнуть и, извини, пахнуть... И запах этот с каждым часом становился все гуще!..

Прошла еще ночь. Увы — корабль мой не прибыл и на следующий день! Спасаясь от жары и вони, я сидел по горло в воде и мечтал о той минуте, когда позволю себе налить из анкерка полкружки теплого, но потрясающего напитка — пресной воды...

На следующий день мне пришла в голову тягостная мысль: доставить в базу разложившийся труп — не мой, змея! — мне уже не удастся. Но пришла и другая: кожу-то хотя бы я смогу с него снять? И я это сделал... Кошмарная работа! Честное слово, более мужественного поступка я в своей жизни не совершал!

Землячки мои вернулись за мной лишь на пятые сутки...

гого плавания, я тебе рассказывать не буду. Это, знаешь ли, надо пережить... Так что свертком я всерьез занялся лишь дней через десять. Самому ехать за двести километров в Институт биологии океана не захотел. Даже намек на Великого Морского Змея будет достаточно, думал я, чтобы вся наука, толкаясь и ссорясь, заскреблась в мою дверь! Лишь узнал, что в том институте ведущим специалистом по крупным позвоночным был назначен кандидат наук... ну, скажем так — Иванов. Ему-то я и отправил заказной пакет. Там было сообщение об «открытии века» и мои личные соображения о посылке к месту обитания змея специальной экспедиции. Начальником экспедиции я, само собой, предлагал себя.

Чтобы сообщение мое не выглядело первоапрельской шуткой, я взял ножницы и, скрепя сердце, отрезал кусок

Помню, как рванул я в кают-компанию и выпил, по моему, все три хранившихся в холодильнике графина с водой!

А еще через пару недель мы двинулись домой. В шкафчике моей каюты лежал легкий тючок, размером со школьный ранец. От него, правда, еще пахло, но — терпимо!

Я понимал: сверток этот — сенсация. Заметь — мирового класса, научное открытие высшей категории, на уровне поимки снежного человека! Я уже планировал, как буду давать всякие там интервью, прикидывал тексты будущих своих статей и даже проверял на слух, как звучит простецкая моя фамилия в этаким... мм... латинском варианте: трофей-то мой был еще безмяннным, а я, как-никак, — первооткрыватель!

Что за момент в жизни моряка — возвращение из дол-

шкеры с ладонь. Сунул образец в пакет и начал ждать разворота событий. Заодно прикидывал — как и где разместу я научную делегацию, которая вот-вот примчится ко мне...

Делегация не примчалась. Вместо нее мне доставили тоже заказное письмо, в котором был кусок драгоценного хвоста и краткое послание.

Товарищ Иванов почему-то объяснил мне сначала значение слова «порядочность», потом сообщил, что кусок шкуры, который он получил, подозрительно похож на кожзаменитель, из которого шьют солдатские сапоги, он же, Иванов, не сапожник, а совсем наоборот. Наконец ведущий специалист по крупным позвоночным просил меня передать привет каким-то моим, как он выразился, «более чем энергичным друзьям».

Сначала я просто удивился. Затем изумился. А потом

вознегодвал. «И это — наука?!» — орая я и пинал стул в каюте.

Потом поостыл. Но осадок от моей злости остался. Ага, сказал я себе, значит, вы не хотите принять открытия? Хорошо, так и запишем — «не надо!» Используем результат открытий в иных целях! И я пошел к базовскому сапожнику и положил перед ним кожу: «Михалыч, сошьешь из этого сапоги?» Он потыкал пальцем, понюхал и сказал: «Можно. К октябрьским». И сшил. К октябрьским!..

Можно было бы на этом поставить точку, если бы не всплыли чуть позднее два удивительных обстоятельства...

Через пару месяцев мы снова ушли в море. И оказался в нашей экспедиции молодой веселый аспирант — как раз из того самого Института биологии океана, который доставил мне столько огорчений. Однажды, сидя на юте, этот аспирант рассказал мне весьма любопытную историю.

Оказывается, в их отделе крупных позвоночных долго шла научная война. Во главе одного лагеря стоял тот самый Иванов, а вождем второго был молодой, но бурно растущий ученый... пусть — Петров! Причиной научной баталии стал вопрос о Великом Морском Змее. Иванов его напрочь отрицал, а Петров стоял на своем: «Змей был, есть и будет!»

Великая битва, сказал аспирант, закончилась победой Иванова, и потому приказом по отделу Великий Морской Змей был переведен в разряд мифов, легенд и сказок.

Но самое любопытное, что одержать победу помог Иванову, как рассказал аспирант, его же научный противник — кандидат наук Петров. Говорили в институте, что Петров с помощью какого-то проходимца попытался подсунуть Иванову кусок то ли брезента, то ли резины, выдавая его за шкуру Змея. Тип, наверняка подосланный Петровым, нахально утверждал, что того Змея поймал сам — то ли в Крыму, то ли на Камчатке, — и даже обещал за большие деньги показать залив, где этих змеев — туча! Ты представляешь, Юра?!

Вот так и получилось, что «открытие века» стало научной байкой, не более того. И я бы, наверное, окончательно успокоился, если бы... Если бы не одно обстоятельство. Мои сапоги оказались живыми. По каким камням ни ходил, как ни царапал, как ни рвал, а на них — ни следочка! Специально, знаешь ли, ножом резал — за неделю пореза как не бывало! Зарастал!

Вот такая, Юра, была со мной история. Что ты говоришь? Сейчас снова к науке обратиться? С чем? С сапогами мужскими, несносными, сорок второго размера? Сохранилась бы вся шкура целиком — можно было бы попробовать, а теперь, Юра, поздно. Поздно!

Василий Иванович замолчал. Я не отрываясь глядел на сапоги, лежавшие у него на коленях, и мне казалось, что кожа их, даже покрытая гуталином, сама по себе чуть мерцает...

О пользе «Правил буравчика»

Новая встреча с Василием Ивановичем, которого я про себя уже назвал Синдбадом-Мореходом, случилась потому, что у меня в велике забарахлила передача. Чуть не грохнулся! Пришлось подтащить велосипед к скамейке и лезть в сумку за инструментом. Ремонт у меня никак не получался. Одни гайки не отдавались, другие, наоборот, не вворачивались, ключ то и дело срывался и лупил по пальцам.

И вдруг я услышал:

— Юра?

Я поднял голову: передо мной стоял Василий Иванович...

— Василий Иванович!!! — завопил я. — Здравствуйте!

— Здравствуй, здравствуй, — заулыбался Василий Иванович. — А я, понимаешь, иду и вижу — человек пропадает. Нокаутирован в борьбе с техникой — я правильно понимаю ситуацию?

— Правильно, — выдохнул я. — Поломалось чего-то, а я и понять не могу... Даже гайка вон не крутится! И вообще...

— Понял, — сказал Василий Иванович и шагнул к моей скамейке. — Можно, я гляну?

Он присел и начал разглядывать передачу. Потом взял в руку мой инструмент:

— Да-а... Ты уж меня извини — в небрежении содержится! А этот ключ и вообще не отсюда! Плохо, плохо мы вас учим руками работать. В теории, так сказать. Все — генетические гении, а вот на практике... Буравчиком бы вас в одно место!

— Чем-чем? — изумился я.

— Этим самым, — Василий Иванович даже, кажется, смутился. — Ну... Мне, понимаешь, сразу история одна вспомнилась, насчет этого самого буравчика... И про гения...

— Василий Иванович, расскажите! — взмолился я.

— А велосипед? Ну-ка, бери отвертку!

— А история? — напомнил я.

— История? — засмеялся Василий Иванович. — Да, брат, от тебя не отобьешься! Ну, что же — раз слово вылетело, отступить некуда, придется обо всем доложить... Но ты давай работай, работай! Шлиц почистил? Ну, канавку, куда отвертку вставляют? Вот так...

Я принялся за работу, следуя указаниям Василия Ивановича. Он же, закулив и изредка поясняя, что мне надо делать, приступил к своей истории...

— Так вот, случилось это лет... восемь назад. В то лето военная судьба занесла меня на Черное море, в небольшую экспедицию, которая неторопливо ходила от Батуми до Дагомыса. Бельский такой кораблик, помню, чистый, уютный, вроде плавучего санатория, но с сугубо научным названием: «Литораль». На этой «Литорали» я и нес тогда тяжкий крест заместителя начальника экспедиции. Там-то и познакомился с молодым товарищем, которого окружающие звали просто Генкой.

Генка был лаборантом. У гидрохимиков. Делал какие-то анализы, мыл химическую посуду, таскал, что потяжелее — лаборант! Очкастый, тощий, волосики выгоревшие на лоб падают, словом, неприметный такой парнишка, каких — тысячи!

Примерно через неделю с начала похода в дверь моей каюты вечером осторожно постучали. Открываю: лаборант Генка. Мнетя, смущается, потом говорит: а нельзя ли, мол, ему одинолично поселиться в пустующей нашей кладовке для ЗИПа — в смысле для запчастей. Кладовка эта была размером в два шкафа, без иллюминатора и с одной косою стенкой, потому как она же — борт!

Я, конечно, его спросил: зачем? Ведь место-то у него в кубрике было, прекрасное место, а он, видишь ли, хочет забраться в холодный ящик! Для чего?

Генка мне отвечает: да, место в кубрике у него прекрасное, но вот заниматься там — он, оказывается, целит в институт! — совершенно невозможно! Только лишь по этому случаю он и просит «добро» на заселение нашей зиповской.

Я подумал, что институт — дело благородное, и тут же снял с доски ключ от кладовки. Генка прямо-таки рассыпался в благодарностях!

Ладно, плывем дальше. Все идет как положено — станции, буи, замеры, погода прекрасная, народ ходит по палубе как по пляжу, вечерами на юте, на свежем воздухе, — кино... Благодать! Генка, вижу, работает шустро, и здесь, и там, а при встрече со мною почтительнейше так здоровается и улыбается — на все тридцать два.

И вот тут, понимаешь, началась цепочка не вполне понятных событий.

Однажды, прохода по палубе, я обратил внимание на грязный шлюпочный чехол. Пришлось сказать два слова старпому, а тот немедля вызвал боцмана: почему кабак?! Ну, боцман попытел, помялся, а потом доложил, что у него кончился стиральный порошок. Так как стиральная машина на корабле — этакий сундук метровой длины —

то порошок к ней доставлялся не в коробках, а в таких полистиленовых белых бочонках, литров по сто каждый. Старпом, само собой, вопрос: «Как кончился?! Недавно же получали целых три бочонка — куда дели?!»

Боцман олять попыхтел, а потом сказал, что кладовщик в Потю, где порошок получали, его боцмана, старый друг и приятель. У приятеля был день рождения, и он, боцман, сейчас не вполне уверен, что доставил все бочки на борт...

Старпом, естественно, побушевал и выдал боцману такой приказ: покупать на свои кровные мыла, строгать в машину и столько, сколько надо, чтобы и корабль, и его, старпома, совесть были без малейшего пятнышка! Очень, помню, ярко сказал...

Старпом и боцман отбыли, а у меня вдруг мелькнуло смутное воспоминание: дня три назад, ночью, я случайно увидел, как Генка тащил вниз по трапу что-то круглое, белое... Еще подумалось тогда — вот, мол, заездили парня ученые мужи!.. Вспомнил я это, но промолчал: а вдруг ошибаюсь?

Хорошо. Проходит еще один день, и вдруг на завтрак дают нам сухари и галеты. И это — вместо свежего хлеба, который на корабле пекли просто-таки замечательно!

Вызываем кока. Тот объясняет: до захода в порт хлеба не будет, потому что из его кладовки пропали дрожжи. Ну, тут уж сам начальник экспедиции взволновался!

Юра, дело такое... Деликатное! Дрожжи ведь нужны и для того, чтобы делать брагу. Всякие люди встречаются на кораблях, хотя и существуют в море «сухой закон» — хмельного ни капли! Потому пропажа дрожжей — настоящее ЧП, чрезвычайное происшествие!

Ну, срочно все проверили, прошлись по укромным уголкам — как говорят, «по шхерам», — с народом потолковали — ничего! Дрожжи эти окаянные — как в воду!

А тут и со мною происходит некое кошмарное событие!..

У меня тогда приближался день рождения. Предполагалась небольшая сбор гостей. Я намеревался попотчевать их «фирменным» своим шашлыком. Электрощашлычницу я вожу с собою, а вот баранину для шашлыка купил загодя в том же Потю и сунул до поры на дальнюю полку в корабельной холодильной камере. За день до торжественного мероприятия спускаюсь я в нижний носовой коридор и топаю за своим продуктом, чтобы его, как положено, положить в укус.

Открываю дверь холодильной камеры. Свет почему-то не зажегся. Думаю, ну и ладно, авось не заблужусь на пяти квадратных метрах! Лезу между повешенными мерзлыми тушами, нащупываю полку, ищущую свой сверток... Нету! Двигаю рукой дальше — ага, вот она, моя баранина, холодная, скользкая, хотя почему-то и без бумаги... И тут она, баранина, ка-ак дернется! Нет, ты представляешь? Как я тогда не заорал благим матом — и сам не пойму!

Отскочил я, даже ударился затылком о дверь. Думаю — померещилось... И тут «оно» на полке как заворачивается!..

Помню, выскочил я из камеры в полной, так сказать, прострации. Да и то: оживший кусок баранины хоть кого из меридиана выведет! Думаю: если, мол, людей позвать — так ведь смешно, неловко...

Короче говоря, собрался я с духом, вынул свой фонарик, о котором, по правде говоря, совсем забыл, и на трясущихся ногах снова шагнул в камеру. Лучом — по полке. Увидел — и опять, знаешь ли, открыл рот!

На полке вместо моего свертка... акула. Вообще-то, особо удивительного в этом не было: небольшая акула, называется катран, живет в Черном море и даже попадает на удочку, особенно вдали от берегов. Кстати, во время наших стоянок тот же Генка не раз с азартом вытаскивал катранов на палубу. Но ведь на палубу! А тут крупная, чуть меньше метра, акула каким-то чудом забралась в холодильный и мало того, сожрала килограмм отборной баранины!

Пребывая в прострации, я закрыл дверь и полпелся по коридору. В нежилом этом месте корабля было очень тихо, и потому раздавшийся стеклянный звон прозвучал для меня как удар колокола. Я оглянулся: звон шел из-за двери той самой кладовки, ключ от которой я недавно передал Генке...

И тут меня прямо как током ударило: это же рюмками звенели! Все как-то разом сошлось, один к одному: и его просьба, и пропажи эти, и даже баранина моя! Так, думаю, сначала получаем в свое распоряжение «отдельный кабинет», затем крадем емкость, дрожжи, заводим бражку и жарим шашлыки... Из моей баранины! Рюмками чокаемся и рассказываем приятелям о своем остроумии — подсунуть акулу вместо мяса! Ну, Генка, погоди!

Представляешь, в каком я был состоянии, когда рванул дверь этого... логова! Генка, который стоял ко мне спиной, дернулся, повернулся и вытаращил глаза! Уронил что-то, зазвенели осколки...

Но я изумился еще больше: передо мной открылась — что бы ты думал? — лаборатория! Да-да, Юра, настоящая лаборатория — какие-то пробирки, сосуды, трубки... Пузырьков целая куча, спиртовка! В углу, на столике, стояли весы, а рядом — я глазам не поверил! — микроскоп! Правда, пропавший барабан из-под стирального порошка все-таки был здесь — висел на переборке, весь опутанный какими-то проводами и шлангами. Замечу, кстати, что спиртным даже и не пахло.

Я перевел дух и сказал: «Ну что — докладывать!»

Скажу тебе коротко: я тогда просидел у Генки больше часа. И понял: он, лаборант Генка, был тем, кого я назвал «генетическим гением». Ну, более правильно будет так, наверное: гением генетики. А уж если совсем точно — геной инженерии.

Вообще-то, мне он объяснял все долго и малопонятно. Уже потом, кое-что подчитав, самостоятельно поразмыслив, я, кажется, сумел разобраться в том, что говорил мне Генка в холодной кладовке. И то лишь в принципе, в главном. Что и как Генка делал конкретно — это для меня, к сожалению, полная загадка! Высший биохимический пилотаж, моим простым мозгам, увы, недоступный!

Так вот, о сути.

Начну с того факта, что рост любого организма можно сравнить... допустим, с постройкой дома по железно утвержденному плану. Есть, к примеру, в таком плане окна — будут окна, нет их — получай глухую стену. Есть там балкон — будет балкон, и именно балкон, а не лоджия или какая-нибудь веранда, понимаешь?

При работе людей подобные планы пишутся на бумаге, которую можно потом и переписать десять раз! А вот «план» постройки организма — он «написан» не на бумаге.

Есть, оказывается, в каждой живой клетке такая штука, сверхсложная такая молекула, которая называется дезо-окси-рыбо... нет — рибо! — нуклеиновая кислота. Совершенно — ДНК. Длинная такая молекула, свернутая спиралькой, и вот на ней, как яблоки на ветке, сидят совсем уж крохотульки — молекулы, которые называются генами. Сотни тысяч! Они-то и есть, образно говоря, «пункты» того общего плана, по которому строится весь организм. У комара, допустим, воробья или какого-нибудь бегемота эти «пункты»-гены, само собой, разные: одному нужно жало себе отращивать, другому — крылья, третьему — пасть как чехол. Но, хоть они и разные, гены, но по природе-то своей — едины: из тех же атомов, с теми же связями, химическими и другими. А это значит, что ежели звать ген из одной ДНК и воткнуть его в другую, то она, чужая эта ДНК, даже и не почешется, примет подкидыша как своего! А когда все пойдет в рост, из этого приемыша и выйдет то, что в нем было раньше записано. То есть вдруг может вырасти пятая нога или крылья — у лошади! Кстати, в мировой науке это уже потихонечку делают, я читал об этом... Но Генка!.. Гениальность его и заключалась в том, что он с генами и ДНК научился обращаться совершенно свободно, как хороший механик — с мотором!

Ну, а практически поставил для себя Генка удивительную задачу: одомашнить... акулу! В государственных целях. Зачем — это он мне объяснил хорошо.

Что такое, сказал он, акула катран? Во-первых, крупная рыба, не салака какая-нибудь! Съедобна: балык из нее — высший класс! Очень живучая, ничем не болеет, из-за чего даже для важных лекарств используется. Очень важно: живородящая, значит, удобна для выведения новых пород!

Но! Хищница. Больше съедает рыбы, чем отдает сама. Отсюда и характер волчий: рванулась — схватила, рванулась — схватила! Потому и промысел на нее не ведется — дело это случайное, невыгодное...

Так что же собирался сотворить с ней, с акулой, генный Генка?

А вот что: взяв акулю ДНК, «пообщипать» ее там, где ему надо, а потом на освободившиеся места посадить гены из ДНК... догадываешься, Юра? — правильно: из ДНК клеток барана! Той самой моей баранины! То есть добиться, чтобы из акулего зародыша начала бы развиваться тоже, конечно, акула, но — совсем другая. Усовершенствованная!

Во-первых — травоядная. Ты, наверное,

голова закружилась: такие открылись перспективы! Никаких проблем с продовольствием! И если я в таком деле смогу Генке хоть чем-то помочь, то и сам я... ну, ты меня понимаешь!

Но Генка мне сказал: моя ему помощь — полное молчание. До получения результата — полная тайна!

Одно лишь он попросил у меня — батарейки от моего фонарика. Оказывается, самый тонкий процесс всей перестройки ДНК может идти только в магнитном поле. Очень слабом поле, для которого хватит мощности батарейки. Я, конечно же, батарейки вынул и ему отдал.

Сказал он мне, кстати, и о дрожжах: да, это он стацил, как и барабан для стирального порошка. Тут такое дело: после генкиных операций зародыш должен расти как в маме. «Мамой» стал барабан, а дрожжи — чтоб зародыша кормить. Между прочим, и акулу эту он, Генка, в хо-

уже слышал, читал, что на земле, в смысле — на суше, трудно с кормами, с пастбищами? И это в то время, когда миллионы квадратных километров водорослевых «лугов» пропадают впустую! Для новой генкиной акулы те луга — самое то!

Дальше. От этой своей травоядности у акулы появится чувство стадности — ведь гоняться-то ни за кем уже не надо! Только представь: на подводном лугу пасутся стада мирных акул, а рядом — пастушок в акваланге... Очень приятная картина, правда?

Но и это еще не все. Генка рассуждал так: если есть млекопитающие, которые, вроде китов, абсолютно голые, то почему бы не появиться, наоборот, рыбе, покрытой шерстью? И это для Генки несложно: введет он в акулю ДНК ген бараньей шерстистости, и — пожалуйста: новая акула обрастает густой и теплой шерстью!..

Когда я все это услышал и осмыслил, у меня даже

лодильную камеру сунул, сказал: «Резервный материал!» А за баранину очень извинялся, думал, что корабельная...

Дав клятву о молчании, я ушел. Позднее забрела ко мне нечаянная мысль, что ведь дело-то пахнет Нобелевской премией... Вот так!

И снова продолжалось наше плавание. Все шло по-прежнему: я руководил, Генка трудился у своих биохимиков. По его просьбе я его больше ничем не беспокоил, хотя все-таки кое в чем помогал: купил, помню, в Новороссийске компрессор для аквариума, химикаты кой-какие... Когда никого не было рядом, Генка коротко сообщал: «Объект — в емкости». Или: «Судя по шлакам, развивается активно!» И вот, наконец, Генка взволнованно сообщил мне: «Завтра!» Как я понял, завтра Генка разрежет полиэтиленовую «мamu»...

То, что произошло следующим утром, я, Юра, не забуду до самой смерти!

Прекрасное, помню, было утро — тихое, солнечное... Благостное такое! Зыбь, правда, шла. Очень сильная зыбь, от Босфора, нас так и валило с борта на борт!

С самого утра я торчал на верхней палубе, поближе к люку нижнего носового коридора. Что-то там организовывал, даже кого-то распекал, но на душе было одно: я — ждал!

Все дальнейшее произошло в течение одной-двух минут. Не больше.

Я, помнится, закурился, когда услышал приглушенный, но отчаянный вопль. Шел он из нижнего коридора. Вопль повторился, уже совсем близко, и вдруг из люка коридора выскочил, я бы даже сказал — вылетел, Генка. Волосы дыбом, глаза вытаращены, одна штанина — в лохмотьях, и из-под нее — кровь!.. Генка затравленно глянул вниз, в люк, снова завопил и ошалело кинулся прямо к борту. К счастью, под ноги ему попала оставленная кем-то швабра, Генка запнулся о нее, сканнул в сторону и с размаху врезался лбом в аварийную доску!

Я оцепенел от неожиданности. И тут же услышал странный звук — доносящееся снизу бешеное цоканье и храп. А затем из того же люка на палубу выскочило... Я вот сейчас вспоминаю и опять, знаешь ли, то же впечатление: баскервильская собака! Как там написал Конан Дойл — «исчадие ада»? Именно!

На палубу выскочил зверь с пуделя ростом. Абсолютно голый, с черной блестящей кожей. На кривых ногах, сбоку — перепонки, на спине — треугольный вырост... Но самое страшное — морда. Длинная, плоская, ни ушей, ни носа! Круглые белые глаза, но главное — пасть: два ряда зубов, похожих на клыки, и каждый зуб — с авторучку!

Я замер. Химера эта повела на меня безумным взглядом и еще шире раззявила жуткую пасть. Потом всхрипнула и кинулась — прямо ко мне!!!

И вот тут... Поверь, Юра, я не люблю хвастаться, но тут скажу с гордостью: я оказался на высоте! В последний момент я изо всех сил лягул зверя правой ногой прямо под брюхо! Как положено в каратэ, даже с воодушевляющим воплем! Он так и закувыркался... Палуба в этот момент здорово накренилась, и черный кошмар без задержки пролетел прямо под леер, за борт. И, предства себе, уже в падении успел подать голос: верь не верь — жалобно так заблеял...

Я кинулся к Генке. Он был жив, но без сознания. Доктор сказал: сотрясение мозга, была еще у него и рваная рана на ноге. Серьезная, между прочим, рана!..

Первую помощь мы ему оказали сразу. А на другой день пришлось Генку сдать в госпиталь: сотрясение — дело нешуточное! Вот так для него и кончился этот эксперимент...

Никакого официального расследования не было: я, как единственный свидетель, сказал, что товарищ лаборант при качке поскользнулся на мокрой палубе и упал, разрезав ногу осколками химической посуды, которую нес. Зачем, спрашивается, парню лишние волнения!

А что касается причины случившегося... Когда я самостоятельно ликвидировал его лабораторию — разгром там был ужасный! — я и понял — что и почему.

Я вспомнил, как Генка объяснял мне: «Самый главный процесс идет в магнитном поле!» Он еще и батарейки у меня взял! В лаборатории я катушечку его нашел, модельную. А когда нашел, то представил себе картинку: вот — магнитное поле, по его силовым линиям движутся бараньи эти гены, плывут к акульей ДНК, швартуются, так сказать, к свободным пирсам... Представил такое и подумал: а что будет, ежели направление силовых линий изменить на обратное? Ну, переключить батарейку? Тогда же...

Вот тут-то меня, Юра, и осенило: Генка не сумел создать нужное ему магнитное поле. Этот гений генетики оказался полнейшим невеждой в школьной физике! Ведь все так просто: хочешь узнать направленность магнитного поля — вспомни «правило буравчика»! Ах, ты еще не

изучал? Ну, это значит, что если ток... Впрочем, не буду тебе морочить голову: придет время — узнаешь! От вопиющего генкиного невежества получилось, что не баран внедрил в акулюю «программу», а наоборот — в организм мирного млекопитающего вошла акуляя природа! Потому и выросло в полиэтиленовой «маме» это чудище — голый баран с акульей психологией! На воле, он думаю, расправился бы с целой волчьей стаей, закусив потом пастухом!..

Потом мы с Василием Ивановичем распрощались, и я поехал домой. Уже дома я полез в папины книжки, чтобы точно узнать: что же это за «правило буравчика», которое может, оказывается, так навредить самому замечательному научному открытию?

Теленок легендарной коровы

В августе Василий Иванович пригласил меня в гости.

Жил он за городом, в небольшом поселке на берегу моря. Покрутившись по улицам города, автобус долго ехал по лесной дороге, то карабкаясь в сопки, то переводя дух в распадках и долинах. Потом он остановился, я вылез и потопал по тропинке, ведущей вниз, к морю. Узкая веселая долинка шла между двумя длинными холмами. Холмы поросли лесом — густым, веселым и чистым. Кое-где над ним возвышались огромные кедры, и были они как темно-зеленые парусники над зелеными же волнами...

Оба холма доходят до самого моря и становятся там скалистыми мысами, чуть-чуть сходящимися друг к другу. Между ними, словно в ладошках, лежит море. Сами скалы темно-сиреневые, вода под ними нежно-зеленая, и белая-белая пена на ней, как будто кружево...

Тропинка кончалась у домиков, накрытых листвою могучих ильмов. Оттуда навстречу мне вышел Василий Иванович.

В доме Василий Иванович познакомил меня со своей женой Аделаидой Павловной. Очень приветливая, добрая, правда, немножко старая... На бабушку мою походил Аделаида Павловна сразу стала называть меня Юрочкой, сунула мне за чем-то конфетку в руку, а потом вдруг заторопилась — похоже, на кухню. Василий Иванович непонятно сказал ей: «Ида, успокойся, пожалуйста!», взял меня за плечо и повел в комнату.

В комнате же... У меня глаза разбежались! Модели кораблей, рыбки, кораллы, маски какие-то страшные... Одних раковин целый стеклянный шкаф, каких только нету!

У одной стены — книги на полках. Во всю стену, от пола до потолка! В самом углу был небольшой письменный стол, а над ним висела фотография — молодой морской офицер. Веселый такой, смеется...

— Это сын Аделаиды. Павловны, — сказал Василий Иванович, заметив, что я смотрю на фотографию. — Ну, и мой потом, конечно... Погиб при исполнении служебных обязанностей...

Василий Иванович вздохнул, потрепал меня по голове: — Между прочим, звали его тоже Юрой, и был он в твои годы очень похож на тебя. Вот так-то...

Потом мы сели в кресла, и Василий Иванович начал мне объяснять, что за диковинки висят у него по стенам.

— Вот это? — говорил Василий Иванович, попыхая трубой. — Это, брат, меч. Нет, не рыцарский — от меч-рыбы! Поймал когда-то у Английских островов. Рыбу, само собой, съели, а меч ее — вот он! Посмотри — ничуть не мягче стального! Этим мечом рыба лодки пробивает, доски потолще ладони, во как! А это, друг мой, акуляя челюсть. Зубы ее. Обрати внимание: целехонькие! Ни дупла, ни пломбы! Шучу, конечно... Это я «Айболита» вспомнил: «у них, у акуляток, зубки болят!» Ошибся, к сожалению, Корней Иванович Чуковский, не болят у них зубы, у злодеек этих. Удивительно живучее создание — акула!

Тут Василий Иванович сунул мне в руки два каменных шара, с теннисный мячик размером:

— Ну-ка, взгляни, Юра — похожи они друга на друга?

Я посмотрел — оба шара тяжелые, темные, шершавые. На одном, правда, заметны были маленькие как бы колечки...

— Одинаковые вроде!

Василий Иванович заулыбался, довольный.

— Вот тебе пример того, как важно, как говорится, смотреть в корень. Да, очень похожие, верно. А на самом деле — очень, очень разные!

— Вот этот, — продолжил Василий Иванович, указывая на левый шар, — называется очень красиво: «конкреция». Произошел он приблизительно так. Много миллионов лет назад атомы железа и марганца из морской воды стали... скажем так — налипать на какую-нибудь крупинку. Налипали-налипали — стала песчинка. Из нее — горошина. Ну, а к сегодняшнему дню — вот, целая картошка! За миллионы лет! Сейчас эти шары-конкреции лежат на дне океанов целыми слоями, миллиардами штук! Отличная руда для металлургов. Но — глубоко! Эту вот вырастущую картошину подгляди мы с шести тысяч метров. Достать руду с такой глубины, надумаешься! И все-таки, знаешь ли, пробуют...

Я посмотрел на древний шар с большим уважением.

— А вот этот удалец, — Василий Иванович ткнул пальцем вправо, — он, можно сказать, новорожденный! При мне и родился. На Камчатке было: пробудился вдруг вулкан. Молчал много лет, а тут вдруг взял и заработал! И камень этот вовсе не камень, а капля. Капля застывшей жидкости — лавы! Выбросило из вулкана эту каплю вверх, метров на полтысячи, и пока она летела вниз — застыла. Лишь от пузырьков — кипела ведь! — следы остались, колечки эти, видишь? Упала она. Да так удачно, что прямо в ручей! — Василий Иванович засмеялся. — А я, между прочим, в это время в том ручье платочки стирал... В двух метрах от меня и шлепнуло! Плеск, пар, шум, брызги! Недаром камни эти называются вулканическими бомбами... Выхватил я эту бомбочку из ручья — на память! — и давай бог ноги! Да... Так что, вроде бы и похожие камешки, как братья, а ничего общего.

Тут я ему показал еще на одну штуку, висевшую на стене:

— А это что, Василий Иванович?

Василий Иванович снял со стены словно бы широкий ошейник с крупной собаки, разрезанный почему-то вдоль.

— Это, Юра, память. А заодно — укор. Мне! А вообще-то, в конечном итоге, — радость и надежда!

Я его не понимал, но чувствовал: что-то очень интересное связано с этим непонятным ошейником. И прямо-таки взмолился:

— Василий Иванович, расскажите!

Василий Иванович задумался...

— Нет, — сказал он. — Рассказывать я не буду, но вот ежели он еще цел...

Он замолчал и шагнул к столу. Открыл нижний ящик и начал в нем рыться, бормоча про себя:

— И это не то, и это... Где же? Вот засунешь что-то небрежно, а потом и не найти... Ага — оно самое!

Василий Иванович вытащил какую-то затертую папку и, развязав тесемки, начал перекладывать в ней бумаги.

— Вот! — торжественно сказал Василий Иванович и шлепнул по столу общей тетрадкой в рыжем переплете. Столбом взвилась пыль. — Возьми с собой, почитай и подумай о том, как глупо получается, если человек вдруг решит, что он — умнее всех!

Я сразу было раскрыл тетрадку, но Василий Иванович замахал рукой:

— Нет-нет, Юра, не сейчас! Дома! Тем более, что Аделаида Павловна нас уже, наверное, совсем заждалась!

Ох и вкусным же было все, что ждало нас на накрытом Аделаидой Павловной просторном столе! Я ел так, что даже вспотел...

Потом мы еще попили кофе из удивительных чашечек — голубых, прозрачных, вместо ручек — черные блестящие драконы. Потом я сказал, что мне уже пора домой.

Однако Василий Иванович и Аделаида Павловна позвонили моей маме, и она разрешила остаться. Потому что завтра Василий Иванович поедет со мной вместе. Я, честное слово, здорово обрадовался, так как мне здесь все очень и очень понравилось!

— А теперь, — сказал Василий Иванович, — по флотскому закону «адмиральский час». Отдыхаем!

Во исполнение «флотского закона» меня отвели в мансарду — маленькую комнатку на втором этаже, и приказали лечь на диванчик. Подушка, которую мне подсунула Аделаида Павловна, была великанских размеров и мягкости необыкновенной! Потом дверь закрылась, я остался один и открыл тетрадь, что дал мне Василий Иванович. Судя по знакомому мне почерку — еще по «Зулусам и эскимосам!» — записи в тетрадке вел сам Василий Иванович.

Начала записи в тетрадке не оказалось. На самом верху первой странички был конец какой-то предыдущей фразы: «...ненадолго, на два-три месяца. Завтра уходим». Следующая строка начиналась с даты. Был обозначен день и месяц, но вот какого года — совершенно неизвестно...

«08.08. Ошвартовались у пирса, если можно назвать пирсом эти хлипкие мосточки на четырех сваях. По случаю нашего прибытия на берегу собралось все население острова, все его семь граждан, включая и буyno радующегося юного товарища в пионерском галстуке. Их, конечно, можно понять: наше суденышко — первое за последние три месяца, к тому же и неожиданное! Был праздник.

Бухта, где мы стоим, небольшая и спокойная, скалы надежно закрывают ее от самого опасного здесь северо-восточного ветра. Пейзаж обычный для Курил: черный камень, рыжий конус вулкана, пребывающего в спячке, зеленые травы и щетинистый бамбук в распадке.

Завтра выходим в заданный район, к соседним островам гряды, и начинаем работы по плану.

11.08. Работаем. Итоги не радуют: к большинству точек на островах, где мы должны поставить аппаратуру, на нашем геройском «Зюйде» не подоить. Приняли такое решение: монтажники идут к месту работы на яле под подвижным движком.

Ходим — то под мотором, а то и под веслами: очень много камней! Места здесь невеселые — черные скалы, холодное море, вечная морось. Постоянно — зыбь.

16.08. Работаем как заведенные! Даже руки от духа пор дрожат. Завтра переходим в новый район.

18.08. Возвратились к месту временного базирования. Приняли воду, помылись. Посидели вечерок с островитянами, угостившими нас свежесольной чавычей — вкусотища необыкновенная! Услышал очень много вопросов от пионера Пети — весьма толковый и серьезный гражданин!

Кроме нас был и еще один гость — биолог с дальнего острова. Как и положено для современного научного работника, одет он в толстый свитер, носит бородину и имеет второй разряд по штанге. Зовут его Герман — было такое время распространения имен Юрий и Герман! Сидит Герман в одиночестве на своем острове и наблюдает лежбище сивучей, пишет диссертацию. Хороший, в общем, парень! Умолял нас, если представится такая возможность, заглянуть к нему в гости.

26.08. Работаем в новом районе. Сломано трое весел и один винт, шпенок полетело без счета! В двух местах даже пробил борт шестерки. И все же дело идет!

28.08. Кажется, я сделал большую глупость. Однако — все по порядку.

С утра мы перешли в новую точку, самую дальнюю. Отошли от «Зюйды» на своем яле, высадились, сделали, что надо. Пообедали всухомятку и уже собрались идти обратно, но тут черт меня дернул вспомнить о приглашении Германа — до его «царства» было всего мили три, не больше, да и погода была вполне приличная. Ребята мои, конечно же, со мной согласились: когда еще такое удастся

увидеть? Короче, запросили на «Зюйде» «добро» и потопали.

На подходе к сивучьему острову нам крепко досталось. Прибой, волна, а уж сам берег!.. Такое впечатление: взял господь-бог самосвал с камешками, каждый по паре тонн, да и высыпал не глядя! Крутились между скалами, рифами и отмелями по настоящему лабиринту проливчиков и заливчиков до полного обалдения! Кстати, потом уже выяснилось, что с другой стороны острова, где само лежище, — почти что пляж. Но нам-то откуда было тогда знать?!

И все-таки добрались. Вылезли на берег, завернули в газетку «зюйдовского» хлеба, того-сего — не в городе ведь в гости идем! — и подались. Куда двигаться — не сомневались: шумно было в той стороне, словно на стадионе!

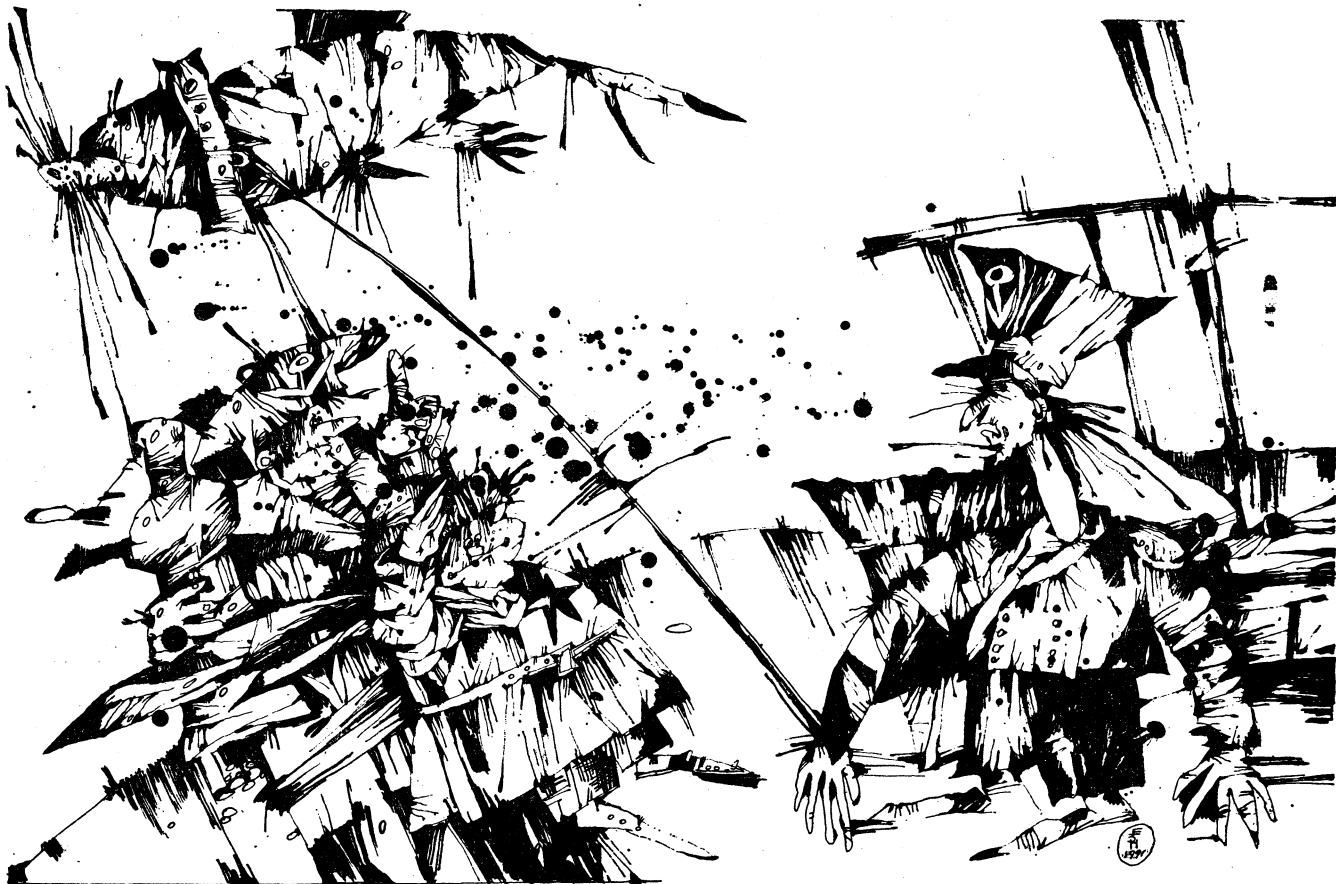
Никогда не забуду того, что увидели мы из-за дере-

том — второй, прямо под кормой. Я сразу же застопорил движок и тут же услышал плач — прямо-таки ребячий! Вижу: рядом с кормой бьется сивучонок, а вокруг него темное облачко — кровь. Понять не могу, что меня толкнуло: перегнулся, подхватил беднягу и перевалил через борт. Смотрю: поперек спины — рана, явно от нашего винта. Нашли запасную портянку, перетянули ею рану. С «пассажиром» на борту пошли дальше.

И вот сейчас пишу я все это в каюте, а за переборкой, в душе, в лагуне с водой сидит и жалобно скулит жертва дорожно-транспортного происшествия. И мне тоже хочется — не в лагун, конечно, а заскулить, потому что я понятия не имею, что же мне с этим младенцем делать?

31.08. Возвращение на временную базу приказано пока отставить. Еще, значит, пару недель работы в этом районе.

С Сивкой-Буркой (так ребята прозвали: Сивка — по-

вянного заборчика — построен, чтобы зверей зря не беспокоить. Сразу сотня новгородских веш! В центре каждого ревет быком рыжий, в тонну, самец. Вокруг него ползают, синбаются и разногласо вопят самки. Рев, бляение, кайры кричат, сивучата верещат — Сорочинская ярмарка! И все это движется, перемещается, кипит — жизнь, жизнь!

Пробыли мы там часа два, попили чайку с Германом. Даже попробовали сивучатины: вчера был подземный толчок — дело здесь обычное! — и валуном убило самку. Герман не растерялся, освежал... Есть, конечно, можно, но... Очень уж рыбой шашлык пахнет, хоть не дыши, когда ешь!

Распрощались, пошли обратно. Тут-то все и случилось. Когда мы двинулись на своем яле сквозь сумасшедшее нагромождение камней, уже стемнело. Шла навстречу волна, и все мое внимание было занято только управлением. И вдруг — толчок, на чистом, вроде бы, месте! По-

тому что сивуч, а Бурка — для складности) дела обстоят так.

Оказана корабельным доктором первая помощь: присыпал чем-то рану, скрепил края скобочками, поверх — эластичный бинт. Заживает все на глазах!

Проблему кормления решили так: бутылку залили разбавленной сгущенкой. Доктор пожертвовал резиновую перчатку: отрезали палец, надели на горлышко, прорезали дырку. Сунули малышу в пасть. Сивка-Бурка, до тех пор оравший благим матом, быстро все сообразил и начал лихо тянуть из бутылки.

05.09. Работаем на новом месте в поте лица. Дело идет хорошо. С Сивкой наладилось. Держим его прямо на палубе: ведь там, на острове, сивучата находятся в основном на берегу, не в воде. Чтобы он не упал за борт, сделал для него «упряжь»: взял широкий ремень и разрезал

вдоль. В прорезь продеваются ласты, ремень застегивается, а уж от него идет крепкий штерт к скобе на переборке.

Сгущенку Сивка употребляет с угрожающим аппетитом. Когда он обедает, народ — кольцом! Словом, к Сивке привыкли и полюбили.

10.09. Сивка начинает осложнять жизнь. Не собственной своей симпатичной персоной, а проблемой: чем дальше питать младенца? Помощник капитана сказал, что сгущенки остался всего один ящик. Пришлось обратиться к командованию и общественности. Поддержали, отказавшись от продукта в пользу «меньшего брата». Но ящика хватит ненадолго. А что дальше? Выпустить его сейчас — в открытом море, далеко от матери, — значит сознательно убить малого нашего грудничка.

Вспомнился нечаянно Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Такая вот ситуация!

15.09. Еще пару дней и — все. Дело сделано, как положено на флоте, капитально!

Задача номер два — Сивка-Бурка. Банки из-под сгущенки летят за борт одна за одной! Не зря, правда: он у нас и выздоровел, и подрос. Очень живой, любопытный, всем и всеми интересуется. Плохо только то, что наш Сивка, похоже, калека с рождения: задние лапы очень маленькие и совсем неразвитые. Может, потом начнут расти? Младенец ведь еще!

Провели такой опыт. Ребята наловили рыбешки и напустили в лагун. Посадили в лагун и Сивку: может, проснется у него охотничий инстинкт и он займется рыбалкой? Не вышло: на рыбу — ноль внимания.

18.09. Работа на острове пошла как по маслу — конец близок. Хорошее мы дело, оказывается, сделали!

Продолжается эксперимент с кормежкой нашего сивбурого пассажира. Надо, потому что сгущенки осталось всего пять банок! Конечно, по возвращении на нашу временную базу я с помощью того же Германа найду способ вернуть Сивку безутешной его мамаше, но ведь когда это еще случится! А есть он, между прочим, просит каждый день!

Двое ребят сходили в легководолазном снаряжении на грунт, приволокли на борт кучу всякой придонной живности. Вывалили все в лагун, под самый нос младенца. Никакой реакции!

Странная все-таки это штука, наша психология. Герман, помню, рассказывал, что сивучата гибнут десятками — падают со скал, их давят собственные тяжеленные родители, разбивает в воде о камни. Ну, чего бы, кажется, переживать: одним больше, одним меньше — какая разница? Но вот привязалась душа к глазам-пуговицам, к любопытствующему носишку, к сонному посапыванию на твоей коленке — и уже никак не согласен с тем, чтобы «одним меньше!» Никак это невозможно! Эх ты, Сивка-Бурка, вопящая каурка!..

22.09. Эврика!!! Я вспомнил о консервах «Морское ассорти», которых у нас в провизии целая гора: по снабжению выдают, а народ их почему-то не жалуется. Находится в банке морская капуста, перемешанная с кусочками не то мидий, не то устриц. В общем, взял я баночку, вскрыл да и вывалил все в лагун с водой. Посадил туда Сивку — может, думаю, устрицы эти ему понравятся?

Тут меня вызвали на мостик. Поднялся. Через полчаса спускаюсь и вижу: сидит мой Сивка в лагуне и что-то жуёт — энергично так, с аппетитом! Я от радости чуть даже не прослезился. Подхожу и вижу: эти устрицы-мидии даже и не тронуты. А ест Сивка, оказывается, морскую капусту. Да еще как ест! А уж этого-то добра здесь хоть косяк коси!

Я даже услышал, как стукнул о палубу свалившийся с моей души камень...

Через час снимаемся с якоря и идем на нашу базу. Дело закончено!

28.09. Стоим во временной нашей базе. Обработываем полученные данные, общаемся с островитянами.

Сивка-Бурка — в центре всеобщего внимания! Особен-

но — у пионера Пети. Он, себя не жалея, таскает на корабль целые охапки корма для нашего «сына полка». Капусты этой — называется ламинария, — в бухточках целые заросли!

Позднее пришла мысль: «хлеб за брюхом не ходит!» Теперь самого Сивку несут на руках к ближайшему заливику, «запрягают» в ошейник и на длинном поводке пускают в воду — «пасться». «Пастух», само собой — Петя.

Однако к заливику приходят и остальные жители — как в зоопарк, так сказать, в «национальный заповедник»!

05.10. Командир принял решение: окончательно перевести нашего пассажира на естественное, как он выразился, содержание. Я его понимаю: перестав кормиться молоком, Сивка стал, мягко выражаясь, неопрятен. А он — на палубе. Запах. И вообще.

Сделали так: взяли у островитян кусок старого невода и обнесли им большой заливики. Выпустили в него младенца, который, кстати, весит уже ни сколько не меньше, чем сам Петя.

К сожалению, задние лапы у него — я говорю про Сивку, — так и не развились, похожи на рыбий хвост. Однако пользуется он ими очень ловко, этой своей инвалидностью даже не замечает! Петя говорит, что Сивку пора переводить в другой залив, побольше, потому что этот он уже почти что опустошил — аппетит у Сивки завидный!

Катер островитян ушел сегодня за бороздатым Германом с сивучьего острова. Как только он прибывает, немедленно передам Сивку под его научное опеку!

08.10. Не могу успокоиться: потрясен и ошеломлен! Невероятно!!! И в то же время — факт!

Все по порядку.

Сегодня после обеда я зашел к начальнику островного поста. Трелюя о том о сем, я обратил внимание на личную Петину библиотеку — богатую, между прочим, библиотеку!

Машинально взял лежавшую сверху очень красивую книгу — «Млекопитающие» писателя Каррингтона. Перелистнул — олеп-таки машинально, — и вдруг увидел рисунок — портрет нашего Сивки. Заинтересовался. Читаю внизу: «Китобой заготавливал мясо совершенно беззащитных стеллеровых коров в таком количестве, что...»

Меня как ударило: кого?! Говорю: «Можно?» — и ташу с полки еще одну из Петиних книг — шестой том «Жизни животных»...

Так вот.

Первое. Прочитав все, что было написано там об отряде ластоногих, в который входит семейство ушастых тюленей, один из коих — сивуч, категорически утверждаю, что наш Сивка-Бурка не имеет к этим уважаемым созданиям никакого отношения!

Второе. Приведенное далее в книге описание морской или стеллеровой коровы (она же — «капустница») есть абсолютно точное описание нашего подопечного пассажира.

И, наконец, третье: этого не может быть!!! Ибо, как я написал из этой же книги, «она, корова, была открыта в 1741 году экспедицией Беринга и истреблена в течение 27 лет. Георг Стеллер — врач экспедиции — был единственным из биологов, кто сам видел и изучал морскую корову...»

Нет, не могу писать: какой ералаш в голове!!!

09.10. С утра помчался к Сивке — теленку легендарной коровы. Петя, конечно же, был уже там. Волнуется: проголодавшийся малыш мечется по им же опустошенному заливику. Петя требует перевести Сивку на новое просторное пастбище. Я обошел всю бухту, нашел еще один закрытый залив с зарослями ламинарии, но у нас слишком мало сети, чтобы и здесь перекрыть выход из залива. Я прихожу в ужас от одной мысли, что бесценный для науки детеныш может уйти от нас: в этих лабиринтах островков и скал он исчезнет, словно иголка в скирде соломы!

Об открытии своем не говорю никому. Никому! Завтра, в крайнем случае — послезавтра, должен вернуться Герман. Только ему, специалисту, я предьявлю свою уникальную находку! И если я прав... Знаю, что это станет

величайшей научной, да и не только научной сенсацией, ничуть не меньше, чем поимка доисторической кистеперой рыбы латимерии. Случай этот тогда взволновал весь мир: ведь считали, что рыба вымерла миллионы лет назад!

Перечитал в Петинной библиотеке все, что смог найти там о трагедии «капустницы». Была морская корова животным крупным, весом не в одну тонну. Так как питалась исключительно водорослями, то мясо ее не пахло рыбой и было удивительно вкусным. К тому же, паслась корова на мелководье, человека не боялась, и потому убить ее не составляло труда. Вот и убивали! Да так беспощадно, что стадо в две тысячи голов, жившее у Командорских островов, к 1768 году было выбито начисто. Навсегда!

Было, правда, с тех времен несколько сообщений о случайных встречах с морской короной на Курильских островах и в некоторых других местах Тихого океана. Но только сообщения: никаких тому доказательств не приводилось. Были и специальные экспедиции, но и они ничего, к сожалению, не обнаружили. Это, впрочем и понятно: есть тысячи укромных мест на сотнях островов в океане!

И именно потому я не могу допустить никакого, даже малейшего риска! Натянув комбинезон, я самолочил целых полдня добывая окаянную эту капусту и носил ее к заливику — авось, хватит ее Сивке до приезда Германа! Подумал даже: а не привязать ли мне моего драгоценного малыша?! Однако, не решился: в воде мне с ним не справиться, да и в ошейник свой он уже не влезет! А если еще кинется на сетку?..

Господи, когда же он, наконец, придет, этот специалист по ластоно...»

На этом записи кончались. Я закрыл тетрадку и задумался.

Ну, что написанное в тетрадке — правда, я не сомневался. Даже смешно было подумать, что для меня, своего нечаянно знакомого мальчишки, Василий Иванович стал бы сочинять целую историю!

И потом. Я ведь тоже читал книжку «Старина-четвероног», где рассказывалось, как поймали рыбу, считавшуюся навеки вымершей. Была еще, помню, и такая передача в «Мире животных»: рассказывали, мол, всякие сказки о драконах, а они, оказывается, и живые есть! На острове... как его?... ага — Комодо! И про ту же морскую короку было недавно в «Мире животных»!

Тут скрипнула дверь, и в проем осторожно заглянул Василий Иванович. Увидев, что я не сплю, шагнул в комнату:

— Как отдохнулось, Юра?

— Очень хорошо! — сказал я и вскочил с дивана. — А что дальше было? С вашим Сивкой?

Василий Иванович помолчал, посмотрел на меня с грустной улыбкой:

— Кончилось очень просто. Пока я, расприраемый дурацким тщеславием, в одиночестве хранил тайну Сивкиного происхождения, он взял да и принял собственные меры — прорвал ночью сеть и был таков! Исчез, растворился в Великом океане... Причем, Юра, заметь: при полном изобилии в заливишке любимых своих харчей, этой самой капустки — не зря же я ее таскал! Удрал Сивка не от голода — от несвободы... На волю ушел!

— А этот... Герман?

— Ну, что Герман... На следующий день он прибыл. Выслушал меня и сказал, что я несу чушь. Потому, мол, что он, Герман, без пяти минут кандидат биологических наук, и мысли не допускает, что, наблюдая сивучей, не сумел среди них увидеть чужаков! На том разговор наш и закончился, а на другой день мы сами ушли в главную базу. Все же, справедливости ради, скажу, что позднее я слышал, будто бы какой-то кандидат наук упорно пробирает идею о новой экспедиции за морской короной. Значит, и в нем, в Германе, что-то прорезалось, поздняя какая-то мысль...

— А вы? Вы сами, Василий Иванович, как теперь обо всем думаете?

— Я? — голос у Василия Ивановича прозвучал как-то... звонко. — Я, Юра, скажу тебе прямо, счастлив! Честное слово! Понимаешь, это ведь все пустяки — несостоявшаяся сенсация, первооткрывательская моя слава, обида на Германа... Суета все это! Я, Юра, знаю главное: где-то там, среди черных камней, в тумане, в вечном шуме волны живут — пусть даже две-три семьи! — но живут-таки редчайшие существа, звери, ближайшие родственники некоего гражданина по имени Сивка-Бурка, тыкавшегося своим носишком в эту вот ладонь... Живут, вопреки всем несимистам!

Василий Иванович замолчал, с мечтательной улыбкой глядя в окно, за которым синело и серебрилось море...

— Вот так, Юра. Ну, а сейчас поднимайся, и мы пойдем с тобой ловить камбалу. На ужин! Слава богу, камбала еще очень далека от вымирания, правда? Пошли!

И мы пошли ловить камбалу. На ужин!

Притча о «Первом министре»

Вот уж где не ожидал я встретить Василия Ивановича, так это на выставке «Юных талантов» в Доме культуры. Лично я в «талантах» не числился. Оказался же на выставке потому, что просто помог Толян дотащить в ДК его модель — радиоуправляемый катер.

Донесли, поставили. Толян тут же завелся со своими моделистами, а я пошел бродить по выставке. Увидел очень много интересного — есть же головастые ребята! — и тут вдруг нос к носу столкнулся с Василием Ивановичем.

— О, Юра! — сказал Василий Иванович. — Здравствуй. Ты что — тоже участник?

— Здравствуйте, Василий Иванович! Нет, я тут так... Помог одному дотащить... А вы-то здесь почему?

— Я? — даже как-то смутился Василий Иванович. — Видишь ли, Юра, это же просто интересно — молодая, так сказать, свежая мысль! Если хочешь, в посещениях таких вот экспозиций есть даже некий... мм... философский смысл!

Вот скажи: кто сейчас не знает этих людей — Курчатова, Королева, или, допустим, Смоктуновского или художника Глазунова? Все знают! Но ведь было время, когда эти необыкновенные люди были очень молодыми, и тот же Королев строил свой первый планер, а Смоктуновский говорил, возможно, единственную реплику в спектакле. Понимаешь, Юра, они — начинали. И вот если у тебя была счастливая возможность хоть как-то присутствовать в самом начале их пути, если ты помнишь свое знакомство с первыми их свершениями, то сегодня это обстоятельство обязательно наполнит тебя радостью и гордостью. Понимаешь, Юра, ты сам, лично, сможешь почувствовать эволюцию человечества, движение его вперед и вверх!

Явно взволнованный, Василий Иванович замолчал. Потом продолжил:

— Именно потому я стараюсь быть на всех... мм... мероприятиях, в которых участвует молодежь. Кстати: ты видел работу... минуточку! — Никишкина Вэ Пэ из ПТУ номер три? Его «электронный» нос? Я узнал, что у мальчишки врожденная анаемия — то есть вообще нет обоняния! А он — потрясающе! — берет и строит прибор, который способен... нюхать! Улавливать и распознавать запахи! Правда, пока лишь три — газа, закипающего молока и... э... алкоголя, но даже и такой прибор — великое дело... Да-да, не улыбайся: вырастешь, женишься — поймешь! Но главное в том, что мальчик-то лишь в начале пути. Большой, но лишь первый шаг! Поверь, Юра, мы все еще будем изумляться чудесам, рожденным умом и талантом... э... академика Никишкина Вэ Пэ! Ей-богу!

Что я мог ему возразить? К тому же мысль о том, что и сам я только начинаю... хотя бы рисовать, допустим! — грела меня прямо-таки необыкновенно! Однако враг мой — язык мой вылез и здесь:

— Так ведь, Василий Иванович, он же, Никишкин этот, может воткнуться своим носом... то есть в электронный свой нос, и на этом — все! И никаких уже других чудес!

— Ну, что же — в каком-то смысле ты прав, — сказал Василий Иванович. — Еще Козьма Прутков изрек: «Специалиста уподобило флюсу: полнота его односторонняя». Может случиться и так. Однако ведь человек всегда развивается и шире: есть книги, искусство, философия, общение с другими людьми — это может дать такой толчок новой мысли, какой мы и представить не можем. Хотя твои опасения вполне обоснованы. Напомнил ты мне один случай...

Меня уже заколотило от нетерпения: раз Василий Иванович проговорился о «случае», значит, я узнаю от него еще одну необыкновенную историю...

— Василий Иванович, расскажите, а?

— Уж и не знаю, — засмеялся Василий Иванович. — Ребята работали толковые, а вот промашку дали... Ну, ладно — будь по-твоему. Но — помалкивай: товарищи эти живы, здоровы и сейчас их называть не стоит! Договорились?

Я лишь затряс головой — энергично, как только мог! — Хорошо... Выйдем-ка на свежий воздух.

Мы вышли из ДК и не торопясь пошли по тротуару, засыпанному сухой осенней листвой. Внезапно Василий Иванович остановился, поморщился. Нагнувшись, потер рукой колено...

— Вот же... Юра, ты не торопишься? Нет? Пойдем-ка посидим. Что-то старый мой друг-приятель зарезвился — ревматизм. К смене погоды, наверное...

Мы свернули с тротуара и вошли в сквер, что тянулся над полосой причалов. Внизу лежало море, у пирсов дремали черные, серые и белые громады кораблей.

— Вот и хорошо, — со вздохом облегчения сказал Василий Иванович, когда мы сели на скамейку, стоящую у самой ограды. — Молчит он, молчит, а вдруг так прихватит!.. Ну, ничего скоро утихонмирится... А насчет того случая...

Он достал свою трубку, закурил и неторопливо начал:

— Года два-три назад меня пригласили к начальству. Пригласили, усадили в кресло и сказали: «Василий Иванович, на вас уповаем!» Потом была речь, похожая, между прочим, на некролог, — «ваш бесценный опыт, отвага — мужество», так что я было уже подумал — не окончательно ли в отставку? Оказывается — нет. Меня просили принять участие в командировке, причем важность ее была подчеркнута даже дважды.

В чем же заключалась суть моей будущей миссии?

Оказывается, наша передовая наука, вступив в союз с не менее передовой техникой, породила на свет невиданного ребенка: электронного вундеркинда! По мысли, так сказать, родителей, новорожденный этот должен был выполнять обязанности капитана судна! Представляешь? А если разобратся, то даже больше, потому что живой капитан, как известно, лишь принимает решения, выполняют же их подчиненные — экипаж. Здесь же, как мне объяснили, никаких подчиненных вообще не будет: построен плавающий автомат, действующий совершенно самостоятельно. Словом, такой робот-корабль водоизмещением пятьсот тонн: отличный вес для новорожденного, верно?

Правда, два-три человека на борту... э... суперкорабля все-таки будут находиться — для контроля и, так сказать, на всякий пожарный. Ты, возможно, слышал, что, например, в поездах метро, управляемых вообще-то центральным компьютером, все-таки сидят машинисты — так, на всякий случай...

Да. Изложив все это, мне сообщили, что выдающееся дитя прогресса через два дня выйдет в море: контрольный выход! Только после него комиссия подпишет окончательный акт приемки, и электронный капитан получит право заниматься делом.

Плавание будет несложным: как говорится, из пункта «А» в пункт «Б» или, по флотской поговорке, «за угол

налево». Всего — миль сорок. К моменту своего выхода капитан-робот должен сделать предварительную прокладку, самостоятельно разместить контрольный груз, а также принять запасы вплоть до проводов. После чего, благословясь, двинуть в моря...

Я загорелся! Столько слышать об успехах электроники, об искусственном интеллекте, и тут вдруг — личное со всем этим знакомство! Я был на седьмом небе, честное слово!

Ладно. Сажусь я в поезд и через день прибываю в... пункт «А». Докладываю о прибытии. Меня берут под локотки и почтительнейше ведут к дальнему спецпирсу. Говорят: «Вот наш «Арго»!»

Судно было, в общем-то, небольшое — пятьсот тонн, — но было оно... Я бы сказал так: высочайшей, знаешь ли, гармоничности! Все в нем было соразмерно, разумно и... изящно! Словом, я сразу же влюбился в этот шедевр корабельной архитектуры, а когда вспомнил, что «Арго» наделен еще и собственными, так сказать, мозгами, то... Поднимаюсь, помню, по трапу и чувствую: иду в будущее. Да-да, именно так — в будущее!

Сначала меня повели в ходовую рубку. Рубка как рубка, однако, впереди, чуть слева, возвышается некое белое сооружение, похожее на зилловский холодильник, увенчанный сверху полуметровым белым шаром. Из шара, на уровне его, скажем так, «экватора», вылезает и уходит в «холодильник» множество проводовочков, и потому, если смотреть на все сооружение сзади, то взору явственно представляется огромных размеров плешь. Этакая, знаешь, великанская лысина с остатками шевелюры, ей-богу! Даже казалось: зайдешь спереди и увидишь нос сливой, очки в темной оправе и рот, начальственный, брюзгливый... Однако — нет: на месте возможной физиономии — дисплей, а ниже его два ряда кнопок. Думаю, ты уже понял, что эта штука и была электронным «кэпом» по имени Федя...

Почему именно Федя? Тут такое дело... В ходе работы у компьютера было иное, аббревиатурное название. От общего — «вычислительный навигационно-управляющий комплекс». Сокращение же совершенно неожиданно дало: «ВНУК»! А тут как раз у главного разработчика родился настоящий внук, названный в честь деда Федором. Сам понимаешь — информация о таком событии самая широкая, ассоциации у товарищей ученые всемя живые, и потому пошло: раз «ВНУК», значит — Федя. Прижилось, и когда говорили, например, что «у Феде внизу утечка», то все понимали ситуацию правильно — технически!

После знакомства с Федей меня повели по кораблю. И здесь, как говорится, «последнее слово» — современные материалы, автоматика, телемеханика! На каждой системе, на каждой машине сидят датчики, микропроцессоры и сервоприводы — Федины «глаза, уши и руки». Из рубки Федя мог управлять абсолютно всем!

А какие на «Арго» оказались каюты, какая кают-компания! Камбуз — мечта кока: УВЧ, инфракрасная печь, автомат-шашлычница, даже мороженица! И везде опять-таки автоматика, коку даже в провизинку бегать не надо, ибо есть поисковый конвейер прямо к его рабочему столу. Правда, здесь в мед моих восторгов упала капля дегтя: кок доложил, что конвейер пока не срабатывает, а потому обеда не будет...

Затем я познакомился со своими коллегами из комиссии. Был тут представитель флота-заказчика, инженеры из фирмы-изготовителя, наш штурман, механик и уже известный тебе кок. Верховная власть, как председателя комиссии, была возложена на меня.

Наконец, подошло назначенное время. По дисплею Федя доложил о своей готовности к походу и выдал нам для проверки карту с предварительной прокладкой. Помню, что нас со штурманом она весьма насторожила: очень, знаешь ли, рискованно было проложено, прямо-таки виртирку к разным навигационным опасностям... Однако наше дело — контроль, и поправок в прокладку мы вносить не стали.

Наступил торжественный момент: председатель заказчика сам, лично, нажал кнопку «выход». Замигали лампочки, задвигались стрелки, зажужжали указатели и вдруг — я даже вздрогнул! — сами собой сдвинулись ручки машинного телеграфа. Фантастика!

Я, конечно же, заторопился на мостик. И тут только обратил внимание, что и традиционных швартовых концов у «Арго», оказывается, нет! Вместо них от судна отходили к пирсу этикие суставчатые штанги с захватами на концах вроде щупалец. Похожие на птичьи лапы, вцепившиеся в кнехты на пирсе! Что-то зашипело, носовая «лапа» разжалась, а само щупальце втянулось в борт. Следом — кормовое. Я стоял, смотрел и чувствовал себя, ей-ей, как-им-то... папусом!

Дан ход, идем на выход из базы. Скажу тебе, Юра, откровенно: действия Феде в сложной портовой обстановке были достойны хрестоматии! С учетом ветра, волны, течений, интенсивности движения — эталон маневра! И я его, Федю, здорово зауважал...

А дальше происходит следующее. Выходим мы за мол, ложимся на заданный курс. Проходим с полкабельтова, и тут вдруг Федя кладет руль право на борт. «Арго», естественно, описывает кругую циркуляцию и бодро направляется обратно.

Мы, комиссия, пребываем в недоумении, инженер из фединой фирмы сидит на глазах, а Федя между тем аккуратно расходится с буксиром, совершает все положенные маневры и хватательными своими приспособлениями швартуется у того же пирса, от которого отошел полчаса назад. То есть концерт окончен, благодарю за внимание!

Однако при всем том электронный кормчий не выключился, нет! Огоньки мельтешат, стрелки двигаются, теплом от Феде тянет, как от печки — мыслит устройство! Когда же представитель фирмы полез было к Феде с осциллографом, тот сразу же выдал на дисплее такую снисходительную фразу: «В чем дело? Нарушений нет. Прошу не мешать». Бедный наш инженер полез за валидом...

Хорошо. Стоим. Время идет. Пообедали, правда, еще домашними пирожками. «Арго» стоит. И совсем было собрались мы приступить, так сказать, к судебно-медицинской экспертизе, как вдруг снова загремело, замигало, застучало и «Арго» опять расцепил свои крючки — «снялся со швартовов»!

Снова Федя отлично проманеврировал, вышел из бухты. Мы ждем: что же дальше? Норма: «Арго» лег на заданный курс и двинулся в море. Никаких заскоков!

Идем. Я расхаживаю по рубке, поглядываю, помечаю для себя... Все идет безупречно! Курс — по ниточке. Режимы техники по приборам — хоть в учебник. Данные печатаются в журналах — просто пособие для училищ! Ну, думаю, и молодец же ты, Федя, электронная головушка!

Идем. Прошли первую точку поворота, прошли безукоризненно. На новый курс Федя лег — все отлично! И все же ощущаю: что-то не то, не так... Дошло, наконец: солнце-то село, а ходовые у нас не горят!

Ты, конечно, слышал все эти названия — топовый огонь, гакабортный, ходовые... Эти — особенно: слева — красный, справа — зеленый. Знаешь, да? Так вот, у нас никакие не горят!

И только я это осознал, как вдруг вижу по сигнализации, что включился левый ходовой. Правый, правда, не горит. И именно в этот момент из-за мыска выскакивает рейдовый катер! Слава богу, что слева, где горит — разошлись с ним, как положено...

А тут вдруг и правый ходовой зажегся. Душа у меня встала на место: идем как порядочные! И опять, знаешь ли, вовремя: здоровенный сухогруз вылез из-за горизонтала! И опять Федя оказался на высоте и маневр расхождения произвел — хоть в «Морской сборник»!

Однако, только мы успели разойтись с сухогрузом, как ходовые снова забарахлили. Причем оба! Тут я вмешался: выключил окаянную эту автоматику и перевел навигацион-

ные огни на ручное включение. Для надежности. Поход-то, он, конечно, учебный, проверочный, но море-то вокруг — настоящей! Легкомыслия не любит!

Идем дальше. Помню, механик в рубку поднялся в расстройстве чувств: конвейер на камбузе включился, но принес не что странное — две морковины и пять сухарей. Ужина, выходит, не будет.

Внезапно сдвинулась ручка машинного телеграфа, заверещал звуковой сигнал. Замолчал — в машине «ответили». Вижу: Федя почему-то остановил правый двигатель. Пошли, как говорят на флоте, на «одной ноге». Почему? Впрочем, думаю, Феде виднее!

Инженер из фирмы тут же ввел Феде вопрос: «Какова неисправность?» На дисплее — ответ: «В чем дело? Нарушений нет. Прошу не мешать». Инженер глянул на меня, и глаза у него были... у лошадей с огромным возом такие бывают...

Идем на одной машине. Ход, конечно, сразу упал, но курс выдерживается железно. Все крутится, аварийных сигналов нет — может, думаю, Федя-то и прав.

Я оставил за себя штурмана и спустился вниз. Выяснилось, что ни в умывальнике, ни в душе воды нет. Странно! Единственно, что работало, так это горячий душ в машине — забортная вода из системы охлаждения двигателей. Умылся я соленым кипятком, утерся, погрыз, как заяц, морковку и прилег в каюте — все же не двадцать лет по паспорту!

Проснулся я буквально через пару минут. Проснулся потому, что упал со своего диванчика: «Арго» валило с борта на борт просто немилосердно! Я вскочил, набросил китель и кинулся в рубку. Вбегаю, вижу в полумраке невозмутимую федину «лысину», а возле него инженера из фирмы, пребывающего прямо-таки в шоковом состоянии.

Доложил мне штурман: минуту назад Федя вдруг развил бурную деятельность. Во-первых, ускоренно, чуть ли не аварийно запустил второй двигатель. Во-вторых, резко изменил курс, и «Арго» сейчас описывает циркуляцию. В-третьих, Федя для чего-то включил на палубе все прожектора. Но самое странное, что электронный кормчий ввел в рабочее состояние — что бы ты думал? — свои швартовые устройства! Эти самые свои щупальца с захватами! Но мы-то ведь — в открытом море!

На последовавший запрос инженера Федя, оказывается, ответил сначала привычно: мол, все в порядке, прошу не мешать. Специалиста этот ответ, само собой, не устраивал, и он вопрос свой повторил. И вот тут... Юра, хочешь верь, хочешь — нет, но я сам видел эту надпись на дисплее: «Да иди ты!». Во как! Помню, еще подумал про себя — электроника, а как ведь быстро прогрессирует!

Пока мы приходили в себя, у Феде, похоже, наступил самый пик активности. Начали меняться хода, курсы, прожектора так и шарили по морю, и даже хватательные эти приспособления сжимались и разжимались — алчно так, хищно... Жуткое дело!

И вот наступил решительный момент. Двигатели встали. Качало — страшно, но прожектора цепко держали в поле зрения что-то, находившееся у самого борта. Зашипело. Носовой захват, изогнувшись, сунулся за борт. Опять зашипело, и кошмарное это суставчатое устройство с натугой выволокло из воды... что бы ты думал? Топляк! Осклизло бревно, унесенное рекой в море и намочшее почти до полной потери плавучести! Федя вытащил трофей из ночного моря и аккуратненько уложил на палубу. Я потом, помнится, тщательно его осмотрел — топляк как топляк! Тогда я остался в полном недоумении...

Завершив операцию, Федя убрал свои «руки», выключил прожектора и, как ни в чем не бывало, лег на прежний курс.

Но прошли мы так недолго. Ибо наш чудо-мореход опять вдруг застопорил двигатели. Оба! И лег в дрейф!

А момент, между прочим, к благодушию никак не располагал: хода — нет, ветер — шесть баллов, а в двух милях — камни. Это я знал точно, потому что в юные свои

годы имел с этими камешками весьма близкое знакомство...

Инженер в темпе спросил Федю — теперь-то в чем дело? Вот здесь Федин ответ впервые задержался, как будто он над чем-то размышлял. Но потом все же зажглось: «Рациональность. Уровень опасности низок».

Дело, скажу прямо, начинало пахнуть керосином, и инженер ввел в Федю мою рекомендацию встать на якорь. Федя помыслил и ответил: «Нерационально. Коррозия».

Короче говоря, я, замшелый моряк, взял да и сыграл тревогу. Собрав всех, растолковал ситуацию и потребовал права на принятие решения. Так как товарищи мои были нормальными людьми, с хорошо развитым чувством самосохранения, «добро» на решение я получил немедленно!

Словом, мы отключили Федю от управления кораблем. Дело это взяло на себя несовершенное творение природы, то есть — я, на руль встал Эдуард, в машину спустился Николай Иванович. И, как ты догадываешься, наши, увы, не электронные мозги и руки благополучно привели «Арго» в пункт «Б». Добавлю, что и ошвартовались мы с помощью знакомых еще командору Берингу отличных сизальских концов!

Вот так.

Выяснилось, между прочим, что даже в пункте «Б» мы, к сожалению, еще не вышли из-под власти машинного разума. Когда наш кок, собираясь готовить завтрак, саморазно вскрыл провизионку, он обнаружил более чем странный набор продуктов. Из всего солидного перечня снабжения Федя, оказывается, выбрал для нас немного: сырую морковку, селедку, сухари и сгущенку. Правда, помню! Чем при этом руководствовался электронный капитан — просто непостижимо!

К вечеру того же дня в пункт «Б» примчалась целая комиссия — дело-то нешуточное! Федю демонтировали, утащили в лабораторию, и работа закипела. Не меньше недели товарищи ученые морщили свои высокие лбы, пока не докопались-таки до того, где, а главное — какая, была зарыта собака...

Чтобы ты, Юра, понял суть, поясню тебе, как работал электронный капитан.

Само собой, что компьютер по имени Федя — система высшей сложности. Сначала сотни разнообразных датчиков сообщают Феде все об окружающей его обстановке. Собираясь с полученной информацией и руководствуясь заложенными в нем программами, Федя вырабатывает решения. Заметь: сначала — несколько! Почему? Потому что одно-единственное может оказаться... скажем так — несбалансированным. Например, Федя может постоянно давать команду идти полным ходом — быстрее же дело пойдет, правда? Однако тогда на полпути может кончиться топливо — на полных ходах расход топлива самый большой! Можно, конечно, заранее принять соляр дополнительно — допустим, в цистерны пресной воды. Но ведь тогда будет плохо людям! Ну, и так далее... Поэтому все свои решения Федя сначала пропускает через блоки контроля. Их много всяких — блок навигационной безопасности, механических перегрузок, соответствия ППСС — правилам предупреждения столкновения судов, — и прочие, и прочие!.. Если такой блок контроля пропускает федино решение, то оно, значит, годится, если же нет — исследуется новое. Только тогда, когда решение устраивает всех «контролеров», оно становится действительным.

Так вот, до поры до времени все у Феде шло по высшему классу. На испытательных стендах он выдавал решения, которых не постыдился бы и просоленный капитан с сорокалетним стажем! Продолжалось это до тех пор, пока не появился в конструкторском бюро новый начальник...

Начальники, сам понимаешь, разные бывают. Один — спокойный, другой — нетерпеливый, третий любит в кабине думать, четвертого туда и не затащить — всякие люди есть! И вот у этого, нового, тоже был свой пунктик — экономия. Вообще-то пунктик хороший, полезный, но... Как

это ты сказал — «уткнувшись носом и ничего другого не замечая»? Вот здесь так и вышло.

В числе фединых «контролеров» был эконоблок — блок экономичности. Это и понятно — «Арго» же строили для работы, для дела! И вот, борясь за экономию, товарищ начальник поставил задачу перед разработчиками: изменить систему так, чтобы при выборе Федей окончательного решения учитывалась бы прежде всего его экономичность. Остальное, мол, как уж получится! То есть, образно говоря, повелел начальник вывести эконоблок из рядовых и назначить при Феде первым министром! Приказ получен, специалисты его с блеском исполнили, после чего и отправился Федя в столь памятный нам поход...

Теперь все нашло свое объяснение.

Помнишь, я говорил, что «Арго», выйдя из базы, почему-то быстро вернулся обратно? Оказалось: это эконоблок «убедил» Федю вернуться, потому что дул встречный ветер. Значит, будет пережог топлива! «Посоветовал»: надо ждать у моря погоды. Он и ждал!

В море мы долго шли «на одной ноге». Почему? Опять же согласно указанию «первого министра»: ветер — попутный, а потому сэкономим моторесурс. Нарушатся сроки? Ну, это, дескать, дело второстепенное!

Кордебалет этот с ходовыми огнями... Как выяснилось, единственная тому причина — экономия электроэнергии: зачем, мол, огни зазря жечь, коли море пустое?

А уж этот случай с топляком!.. Понимаешь, Юра, эконоблок превратил Федю прямо-таки в литературный персонаж! В Плюшкина! Федя засек в море бревно и под нажимом эконоблока аж затрясся: экое ведь добро пропадает! Догнать, поднять, припрятать — авось потом сгодится!.. Плюшкин!

Пришлось специалистам поломать голову и над докладом Феде о «коррозии» — ну, это когда я посоветовал встать на якорь... Разобрались — хоть стой, хоть падай! Не встал, знаешь, почему? Чтобы уберечь якорь от ржавчины! В воду ведь опустишь, начнет там ржаветь — убыток!

Идея «Любой ценой — экономия!» довела бедного Федю просто до абсурда.

Откуда на корабле пресная вода? Из опреснителя. На его работу требуется энергия. Затраты! Решение: отключить пресную воду, а экипаж и забортной обойдется! Я же вот обошелся...

А с продуктами... Это ж и вообще анекдот!

Федя по своим программам рассчитал: человеку в сутки нужно столько-то калорий. Для нормального питания ему требуются белки, жиры, углеводы, витамины и клетчатка. Ну, а «первый министр», помывшись, дал уже и конкретные указания по загрузке: белки есть в селедке, жиры и углеводы — в сгущенке, в морковке — витамины, а сухари — сплошная клетчатка. Как говорится, дешево и сердито. А главное — варить же ничего не надо! Энергия же не тратится! Остальное же, вроде несварения желудков у экипажа, значения не имеет...

Вот так они раскрылись, тайны «электронного двора». Полезно, но избыточное рвение в одном вопросе чуть не погубило важнейшее дело.

Ну, а дальше специалисты вновь взялись за дело. Эконоблок «понижали в должности», и Федя снова обрел присущую ему при сотворении широту взгляда на мир. Добавлю еще, что тот самый товарищ начальник перестал быть таковым...

Сейчас «Арго» плавает. Отзывы о Феде, насколько мне известно, самые наилучшие! Правда, по тем же слухам, Федя крайне скуп на пресную воду, да и деликатесами экипаж особо-то не балует. Рассказывали, что коку на своем дисплее он как-то написал: «Кашу маслом не портишь!» Видно, осталось в нем что-то от того похода... Впрочем, флот есть флот, и за словом в карман никогда не лезет!..

Василий Иванович умолк. Посмотрел на давно погасшую свою трубку и, неловко изогнувшись, полез за спичками. Тихонечко охнул...

— Что с вами, Василий Иванович? Не прошло еще?

— Ничего, переживем... Я же тебе говорил — к перемене погоды: вон, смотри, как небо очистилось: А перемены всегда хороши. В погоде ли, в работе, в жизни... А то ведь без них можно стать этим... литературным персонажем!

— Каким же?

— А вот: «Барон фон Гринвальдус, сей доблестный рыцарь, все в той же позиции на камне сидит!» Опять же — Козьма Прутков. Поверь, Юра, очень это вредно для здоровья — «все в той же позиции!» Так сказать, «уткнувшись носом!».

* * *

Я еще много раз встречался с Василием Ивановичем, и каждый раз Синдбад-Мореход рассказывал мне новую удивительную историю.

Но здесь мне придется с ним расстаться, потому что на свете очень много других прекрасных людей, которые, честное слово, достойны того, чтобы о них знали!

Я так и не воспользовался еще «правилом буравчика» и не побывал на борту «Арго». Я не слышал о новой встрече ученых с Пятном и не знаю, отыскали ли в морях стеллерову корову. Нет, в общем, всему этому прямым подтверждений!

Но я точно знаю, что чудо — вполне вероятная штука

Вчера я принес найденного в подъезде ничейного котенка. Во-первых, мне его стало жалко — тощего, мокрого, и, как выяснилось, страшно блохастого! Во-вторых, как сказал мне Василий Иванович, три атома в левом ухе котенка когда-то вышли из недр Солнца, потом побывали в шкуре бронтозавра, в стреле Робин Гуда, а потом в снаряде, проткнувшем «Королевского тигра» — интересно же! Ну и, в-третьих, мне самому весьма любопытно, что у совсем еще крохотного создания очень заметны белые колючки клычков... Этот котенок... а не прямой ли он потомок саблезубого тигра?!

Пока что он усердно пьет молоко. Я сижу рядом, смотрю на него и чего-то жду...

Лев СОРОКИН

ЛЕТО

Распушилась полоска рассвета
Возле тучи крутой, грозовой.
Углубляюсь я в красное лето
Землянично-черничной тропой.
Ах, какие промытые краски,—
В небесах расписная дуга.
Не забрел ли случайно я в сказку,
Где грибы собирает Яга?
Только нет
Неприветного взгляда,
И в улыбке — старушечий рот:
— Добрый молодец,
Что тебе надо?
Ты скажи,
Вдруг тебе повезет!
Повезет!
Ведь земля расцветает,
И летит за пчелою пчела.
Дважды лето в году не бывает,
Наберу-ка я в сердце тепла!

* * *

Безлиственный трепещет березняк,
И солнце приоткрыло в тучах створку.
Охотничья, осень
Двух собак
Ведет по золотистому пригорку.
Под ветром расшумелся край лесной,
Еще немного —
И не будет хмури.
...Осенний день
Я бережно домой
Принес на златоустовской гравюре.
Вон утки поднимаются с озер,
Не встретившись с двустольною бедою.
Спасибо,
Златоустовский гравер,
Что ты не дал
Ударить
Зверобою.

ХОЛОДНЫЕ РОСЫ

Ржавеют деревья
На горных откосах,
В полях появилась стерня.
Холодные росы,
Холодные росы
Все чаще встречают меня.
Вернуться бы в лето,
Упасть бы в прокосы,
Где пахнет июнем трава,
Где теплыми росы,
Где теплыми росы,
Бывали не раз и не два.
Где осы,
Как будто в тельняшках матросы,
Где взлеты
Тяжелых шмелей.
Но теплые росы,
Но теплые росы
Всегда высыхают быстрее.
Трудней,
Чем по росным
Лесистым откосам,
Взбираюсь откосам дней.
Холодные росы,
Холодные росы
Не диво в России моей.

Публикация Р. Сорокиной

Должно место на Земле...

БЫТЬ

«Т Ауровилль

де-нибудь на Земле должно быть место, которое ни одна страна не могла бы считать своей исключительной собственностью, где все благонамеренные люди, искренние в своих стремлениях, могли бы жить свободно, как граждане мира, повинаясь только одному авторитету — высшей Истине. Там должно царить спокойствие, гармония и мир, и все боевые инстинкты человека должны быть применены только исключительно для победы над причинами страданий и несчастий, для преодоления человеческих слабостей и невежества и победы над его ограниченностью, несостоятельностью, там нужды мира, стремление к прогрессу получили бы предпочтение над удовлетворением желаний и страстей и поисков материальных удовольствий и наслаждений. В таком месте дети могли бы вырасти и интегрально развиваться, не теряя контактов со своей душой...»

Я закрыл книгу, собрал дорожную сумку и развернул карту. Она была датирована не XVIII и не XXI, а XX веком, поскольку впереди меня ожидало путешествие отнюдь не на машине времени.

...Два с лишним часа ночного рейса на Мадрас тянутся нестерпимо долго. Зато есть время, чтобы еще раз собрать в памяти все, что я знаю об Ауровилле, все, что удалось прочитать и услышать. Я закрываю глаза и откидываюсь на спинку кресла. Итак...

В 1872 году в семье адвоката из Калькутты родился мальчик. Его назвали Ауробиндо. Через четыре десятка лет мир навсегда свяжет с этим именем представление о выдающемся философе современности. А покаду мальчику Ауробиндо Гхошу предстоит вместе с двумя младшими братьями отправиться в Кембридж и получить блестящее образование, которое разовьет его незаурядную природную одаренность. В Лондоне он встречается с махараджей штата Барода, поступает к нему на службу и, вернувшись на родину, работает в Бародском колледже. В это время он поразительно много читает, плодотворно размышляет... Но когда в 1905 году происходит разделение Бенгала, совершенное по прямому указанию из Лондона, когда вслед за этим вспыхивает движение протеста, Ауробиндо бросает Бароду, уединение. Он — на стороне восставших. И уже через три года — узник Алипурской тюрьмы в Калькутте. А через семь лет, когда восстание было подавлено, он вынужден покинуть Калькутту, бежать от ареста и слежки из британской тюрьмы в Пондичерри — маленькую колонию Франции на юге Индостана. Здесь, в тихом уголке, он продолжает размышлять о судьбе родины, о судьбе человека во Вселенной.

Он пишет: «Заблуждающееся человечество всегда мечтало об улучшении своего окружения посредством изменения государственного устройства. Но внешнее окружение может быть усовершенствовано только посредством внутреннего совершенства. Наша внешняя жизнь отражает только то, что внутри нас; способ, который мог бы спасти нас от законов собственного существа... Совершенное общество не может быть создано людьми или состоять из людей, которые сами несовершенны».

А коль так, решает он, то надо и начинать не с общества, а с человека. Но возможно ли сделать то, чего не удавалось никому на протяжении веков — изменить, усовершенствовать человека, углубить, преобразовать его духовно, сделать его добрым, отзывчивым, сердечным, мудрым? Да, отвечает Ауробиндо, это возможно.

Он пишет несколько подробных работ о том, как достичь человеку следующей ступени своей эволюции. «...В такой эволюции не будет ничего сверхъестественного и чудесного, исключая то, что это будет сверхприрода или природа выше нашей в той же степени, как наша человеческая природа превышает природу животных, растений и минеральных веществ». Он создал в Пондичерри лабораторию, чтобы проверить на практике свои мысли и философские наблюдения. Это Ашрам, в котором и по сей день живут и работают его ученики и последователи.

Ему суждено было дожить до счастливого дня. За три года до его смерти родина получила независимость. Об этом было объявлено в день его рождения — 15 августа.

Он умер в 1950 году глубоким и мудрым старцем. Это был год, когда наша страна еще залечивала раны войны, унесшей миллионы на фронтах, когда человеческие жизни продолжала прокручивать и перемальвать лагерная мясорубка. Когда потрясенные японцы считали и считали жизни, унесенные всего двумя атомными бомбами, когда в Ливерморе и Лос-Аламосе уже создавали новое поколение этого оружия.

Человек оставался все тем же, он не менялся.

Менялся ли он в Ашраме? Думаю, что да. Иначе трудно объяснить то, что произойдет в Пондичерри пять лет спустя, в 1955 году. 11 февраля Ашрам, не признававший никаких религиозных верований, кроме веры в возможности человека, был разгромлен религиозными католиками и наемниками местных финансовых воротил. Мотивы погрома, судя по многочисленным свидетельствам, могли быть разными. Но я наперед знаю один, главный — люди в Ашраме были уже другими, нежели за его стенами. Горький опыт людского сообщества в который раз убеждал: нетерпимость появляется тогда, когда рядом возникает нечто не похожее на тебя, не понятное тебе.

Ашрам залечил раны, но и усвоил урок. А вывод из этого урока мы с вами уже знаем, он начинается словами: «Где-нибудь на Земле должно быть место...» Так возникла и окрепла идея интернационального города, который построен, как на фундаменте, на учении Ауробиндо. Матерью города стала ближайшая соратница философа французенка Мира Ришар, с которой он встретился в Пондичерри в 1914 году и с которой прожил до самой смерти.

«Женщина невероятных способностей: талантливый композитор, художница, незаурядный публицист, человек редкой доброты и интуиции — она сделала все, чтобы объединить выдающихся людей для реализации этого проекта.

Архитектурный план города разработал Роже Анже — ученик Ле Корбюзье. Философский концепт написала она сама — Мира Ришар, Мать, как назовут ее ауровилльцы.

На рассвете 28 февраля 1968 года пять тысяч людей практически со всего Земного шара собрались на широком плато из красного песчаника вдоль морского побережья Южной Индии. Удар гонга в полной тишине возвестил начало церемонии рождения города. Из динамиков, укрепленных на столбах, раздался голос Матери:

— Ауровилль никому в отдельности не принадлежит, он принадлежит всему человечеству. Но жить в нем смогут только те, в ком есть хотя бы частица божественного сознания. Ауровилль будет местом непрерывного образования, неизменного прогресса и вечной молодости. Ауровилль станет мостом между прошлым и будущим. Он распахнет двери всем жаждущим открытий. Ауровилль — это смелый прыжок к будущему сознанию.

Это был устав нового города, его хартия. В огромной ступенчатой чаше, выложенной теплым камнем, на возвышении стояла мраморная урна. После того, как стих голос Матери, туда опустили первую горсть земли — земли Ашрама, потом еще 123 горсти, привезенные из 123 стран мира. В мраморной урне Ауровилля есть горсть земли и из Советского Союза.

Так родился город. Тысячи гостей, присутствовавших при его рождении, уехали, осталось пятьсот первых ауровилльцев. Через месяц они получили послание Индиры Ганди: «Это отрадно, что люди из разных стран, стремящиеся к просвещению, будут основывать здесь новый город, носящий имя Шри Ауробиндо. Это волнующий проект для гармоничного объединения разных культур, понимания нужд окружающей среды, для духовного роста человека. Пусть Ауровилль действительно станет городом света и мира».

..Вот все, что я узнал об Ауровилле. Теперь предстояло главное — увидеть «это место» своими глазами.

Когда мы миновали несколько тамильских деревень, облитых, как медом, сладким густым солнечным маревом индийского юга, когда проехали аркаду из огромных баньянов, когда, наконец, наша машина вышла на проселок и сквозь редкий кустарник подъехала к указателю «Ауровилль», я невольно спросил сидящих рядом попутчиков: «А где же город?»

Города не было! Километрах в полутора высилось, выступая из густой зелени, странное ажурное сооружение в форме шара. Над ним замерла стрела башенного крана. Ни людей, ни голосов, ни домов, ни автомобилей, ни автострад, ни площадей. Что ж, значит, все-таки утопия, значит, ничего не получилось и тут, на благодатном юге Индии?..

Я все-таки решил вйти к виднеющемуся вдалеке ажурному шару. Повернул направо, еще повернул и через несколько шагов заметил прямо перед собой кирпичную тропинку, уводящую вглубь кустарника, а за ним уютно устроившийся в тени пальм дом, в архитектуре которого причудливо переплетались дерево, камень, металл, стекло и традиционная для тамиллов тростниковая крыша.

Не знаю, сколько бы я любовался этим сооружением, если б меня не окликнули. По аллее шла девушка и улыбалась.

— Это вы корреспондент из России? Очень хорошо. Как вас зовут? А меня — Солей. Нет, просто Солей. В Ауровилле нет фамилий — только имена. Как где город? Это и есть Ауровилль! Ну, не все сразу. Пойдем, я покажу вам, где вы будете жить.

Дверь оказалась незапертой. Солей постучала и потянула за ручку. Из глубины комнаты навстречу поднялся стройный индиец. Высокий лоб мыслителя, круглые, чуть навыкате глаза, короткие усики, сухая тонкая ладонь. «Санджив», — представился он.

Так на десять дней я стал ауровилльцем и поселился в доме Санджива.

Ауровилльцы

Так что же стало с теми людьми, которые двадцать лет назад приехали сюда, чтобы вместе проделать уникальный эксперимент: построить город будущего и изменить себя, стать другими? Где город? Где эти люди?

Они по-прежнему здесь. Но теперь ауровилльцев больше. Их семьсот из 24 стран. Более 150 маленьких ауровилльцев появились на свет за эти двадцать лет. А в Ауровилле нет роддома, и не потому, что его забыли построить. Женщины Ауровилля рожают в своих домах — в привычной, спокойной обстановке, разумеется, под призором врачей.

А что же город? Есть и город. Да только не такой, каким я себе его представлял, к какому привыкли мы

все. Здесь, к примеру, запрещены автомобили, а разрешены легкие мотоциклы, велосипеды и электророллеры. Здесь нет привычных нам улиц, а есть система «хуторов» — поселений-коммун, объединенных общими интересами, а часто и общей работой. «Хутора» — их сейчас больше сорока — разбросаны по всей площади города на 20 квадратных километрах.

Центр Ауровилля — огромная каменная чаша. Это место общего сбора горожан, место, где проходят их генеральные ассамблеи — высший законодательный орган Ауровилля.

В каких домах они живут? В отдельных, хотя в генеральном плане города есть и дома, спроектированные по нашему принципу: многоэтажные, с подъездами. Дома у них разные, потому что разные они сами. Ни в одном из этих жилищ, где удалось побывать, я не видел роскоши или специально демонстрируемого мещанского достатка, но каждый дом был устроен максимально удобно для того, кто в нем жил. Дом Санджива, к примеру, построен в традиционном индийском стиле: простота, граничащая с аскетизмом, минимум мебели, максимум сквозящего воздуха.

— А сейчас я покажу тебе другой дом, — сказал Санджив. И мы свернули с тропинки на лужайку, где среди деревьев свободно паслись две лошади с соломенными гривами. Мы миновали каменный колодец и подошли к огромной, раскидистой альбесии.

— Вот, — сказал Санджив, — полюбуись.

Я поднял голову и увидел дом. Дом на дереве, умело сплетенный из лиан, бамбука и чего-то еще в распадке ветвей. Легкая лестница, прикрепленная к стволу, вела наверх.

Хозяйку звали Джоан. В Ауровилле она уже давно, здесь выросли ее дети и внуки. Она приехала из Калифорнии, потому что почувствовала в мыслях Ауробиндо правду, которую так или иначе искала всю жизнь.

— А почему ваш дом на дереве? — спросил я у Джоан.

— Послушайте, — ответила она. Я замер. Дерево раскачивалось, дом поскрипывал, легкий ветерок заглядывал в двери и улетал в окно. И близкая листва шумела, как прибой.

— Просто я люблю море, — сказала Джоан. — Здесь я чувствую себя на корабле и мне хорошо.

Нечто в этом роде мог бы сказать о своем жилище, вероятно, каждый ауровиллец. Главное же в том, что не человек здесь приспосабливается к стандартам архитектуры, а дома максимально приспособлены к привычкам, желаниям и даже мечтам хозяина.

Как строятся эти дома, на чьи деньги?

Из того, что рассказала Джоан, следовало, что ауровилльцем может стать каждый, кто пожелает. Для этого человек должен приехать сюда, внести в фонд города определенную сумму — весьма незначительный процент от своих денежных доходов — и поселиться в одном из домиков для гостей. Человеку дается девять месяцев, чтобы он приспособился к ауровилльской жизни, а ауровилльцы приспособились к гостю. И если по истечении девяти месяцев он решает остаться, то приобретает новый статус — «нюкаммера» (первоприходца). Если и за год желанье жить и работать в Ауровилле не пропало — человек становится ауровилльцем. Но еще год ему полагается жить в гостевом доме. И только потом строит жилье для себя. Почему так? Потому что строить дом «под человека», который не станет в нем жить, накладно. Это как сшитый в ателье костюм, который впору только одному, но не подойдет остальным.

Мы простились с гостеприимной и сердечной Джоан и, спустившись с дерева, вновь встали на тропу открытий. На сей раз она привела нас к дому Тэнси и Хильды. Это был добротный и уютный дом, причем с фермой, где содержались несколько коров.

— Тэнси — инженер, Хильда — акушерка. У Тэнси ла-

боратория в двух милях от дома, впрочем, дома тоже есть лаборатория.

Мне тут же продемонстрировали земляной бассейн, с одной стороны которого закачивается канализационная вода, с другой она вытекает уже очищенной (в маленьком аквариуме плавают рыбки). А в самом земляном чистилище отлично растет бамбук и еще какие-то неведомые мне растения. И ни намека на неприятный запах. Тэнси был очень горд произведенным на меня впечатлением. И тут же подвел к гигантскому металлическому резервуару, который на поверку оказался отнюдь не металлическим, а ферроцементным. Ферроцемент — любовь Тэнси, пожалуй, главная после Хильды и двоих детишек. Технологию изготовления этого сверхпрочного и поразительно дешевого материала Тэнси разработал в лаборатории со своими помощниками. Двоих я увидел на следующий день. Навасингам пришел к нему юношей из близлежащей тамильской деревни. Он не умел читать, писать, считать. Сейчас это грамотный, отличный инженер, специалист по технологии производства ферроцемента, которую покупают охотно не только индийские, но и европейские фирмы. Девушка-тамилка Камда помогает Тэнси вести дела. Она свободно владеет компьютером, знает программирование. А деревня, в которой она выросла, только недавно получила электричество.

Тэнси взял финальный аккорд: он привел меня на кухню, зажег лампу и включил газовую плиту. «Ну и что?» — спросил я. Тэнси просиял. «А то, — ответил он, — что и плита, и лампа работают на биогазе». Оказывается, в огромном резервуаре из ферроцемента — закваска из отходов биомассы с ферм. Биомасса выделяет газ, он горит. Результат — никаких отходов на ферме, а дома никаких проблем со светом и газом. Лаборатория Тэнси, где работают еще десять ауровилльцев и тамиллов, разрабатывает экологически чистые технологии не только для Ауровилля. Я посмотрел специальную литературу: то, чем занимаются Тэнси и его друзья, — авангард современных инженерных поисков в мире. Он приехал в Ауровилль не только потому, что ему близки мысли Ауробиндо. Он приехал реализовать свои мысли, свои мечты, свой талант.

Как и Эрве Милле — немного смешной и нескладный, но добрый и трогательный в своих круглых очках — приехал из Франции и теперь поглощен экспериментами с запахом. На маленькой фабрике, работой которой он руководит, четырнадцать тамильских девушек необыкновенно аккуратно изготавливают сувениры из живых цветов, свечи, открытки, множество всякой миниатюрной красоты. Страсть Эрве — свечи и духи. Я знаю один магазин в Дели, где продукция фирмы «Марома» пользуется огромным спросом.

Разумеется, покупатель не знает, что четырнадцать тамильских девушек, приготавливающих эти духи, после работы учатся в ауровилльской школе, что они умеют писать и читать на нескольких языках.

А если бы покупатели персональных компьютеров с эмблемой «Аурэлек» знали, что эти великолепные машины, по некоторым параметрам превосходящие знаменитые «Ай-Би-Эм», собирают жители тамильских деревень, то сочли бы это вымыслом. Свидетельствую: не вымысел. Лично знаком с тамилом Минни Такобом, который руководит сборкой машин нового поколения. Видал, как собирает и проверяет персональные компьютеры Н. Кумар, который получил в ауровилльской школе прекрасное образование, а теперь еще и одну из самых престижных в мире специальностей.

Тео, один из руководителей этого удивительного завода, на котором работают всего 190 человек, показал мне и компьютерную лабораторию, где просчитывается модель Ауровилля, выбираются наилучшие варианты строительных решений. Тео приехал сюда из Западной Германии. Судьба, весьма типичная для многих ауровилльцев. У него были деньги, было много вещей, но не было цели. Однажды ему попала в руки книга Ауробин-

до. Через несколько лет он приехал в Ауровилль. Повторю: это путь многих живущих ныне в Ауровилле. Но, конечно, не всех.

К концу дня, когда сумерки сгустились в воздухе, мы с Сандживом вышли к маленькой харчевне, где под огромным баньяном стоял огромный круглый стол, над которым прямо из листьев свисала большая лампа, освещавшая этот «круг общения», несколько людей ужинали и тихо беседовали за столом. Мы подошли, представились и как путники были приняты в компанию, усажены, накормлены и обласканы.

А потом был просто вечерний разговор. Санджив беседовал со своими друзьями, я с Глорией — архитектором города, одной из тринадцати архитекторов, живущих в Ауровилле. Она родилась в Турине, рабочем центре Италии. Была увлечена политической борьбой, симпатизировала коммунистам, сама стала членом Компартии Италии.

— Со временем, — говорит Глория, — я поняла, что мои товарищи занимались очень важным делом. Они боролись за переустройство общества. Но, к сожалению, в их планах не было переустройства человека. Так закономерно я пришла к трудам Ауробиндо, к работам Матери. У них я нашла разработанную концепцию эволюции человека. Потому я здесь. И если мне хоть чуть-чуть удастся помочь моим нынешним друзьям стать совершеннее, шагнуть на следующую ступень духовного развития — буду счастлива. Но это очень трудно. Это колоссальная работа души, поверьте мне.

Я слушал Глорию, взирал на сидящих под баньяном в желтом кругу света людей и потихоньку представлял себе, что вот я, землянин, прилетел на другую планету — Ауровилль и целый день общаюсь с инопланетянами. Слишком уж все, что я увидел и услышал, не укладывалось в мои земные представления и понятия. Я чувствовал, видел, что это другие люди, для которых мудрость, сердечность, доброта, прощение, потребность помочь и пожертвовать собой — не дежурные качества гостеприимных хозяев, а вошедшие в состав крови. Другой вопрос — воспитано это здесь, в Ауровилле, с помощью йоги Шри Ауробиндо или привезено? Я не знаю. Счастливым случай сводил меня с такими людьми, которых мы называем редкими, не только на тропинках Ауровилля. Не только в Индии или у нас в стране. Но там, в разных местах, им было очень неуютно жить. Вечно их доброта и потребность помочь, бескорыстие и милосердие были наказуемы. А здесь, в Ауровилле, они дома. И им, судя по всему, хорошо вместе.

В магнитном поле идеи

Да возможно ли, реально ли для человека не на другой планете — на нашей, не на необитаемом острове, а среди людей, сплошь и рядом погрязших в грехах, войнах, злодействах, истреблении себе подобных, постепенном уничтожении самой планеты, — реально ли возжелавшему стать лучше человеку шагнуть на следующую ступень собственной эволюции, если он каждый день окружен массой собратьев, и не помышляющих об этом? И не огордиться ли им забором, а лучше каким-нибудь колаком на долгие десятилетия, чтобы, как в колбе, вырастить Человека Завтрашнего?

Я долго искал ответ на этот вопрос, пока не задал его Полетт — маленькой женщине, ученому, исследователю ауровилльской лаборатории эволюции.

— Верно, — ответила она, — забором Ауровилль не огорожен, каждый может прийти сюда, да и сотни туристов бывают здесь ежедневно. Это не монастырь; Ауровилль связан с остальным миром тысячами нитей, одна из которых, кстати, телефонная. Так что о какой-то келейности или лабораторной замкнутости речи нет. И все же... Есть, существует некое магнитное поле очень высокого напряжения, огромной сферой укрывающее город, организирующее строй его жизни и жизнь каждого из нас. Оно

невидимо, поскольку это магнитное поле Идеи, высокой цели, которая привела сюда, собрала нас всех здесь.

Идея, о которой говорит Полетт, состоит не только в совершенствовании духовного мира человека с помощью философии и практической методики йоги. Идея еще и в новом городе, где будет жить новый человек. Самое интересное для меня в рассказе Полетт — как менялась, трансформировалась идея города под влиянием обычной жизни.

Полетт показывает мне первый план Ауровилля: геометрически правильный круг, четко разбитый на четыре сектора.

— Типичная утопия, — улыбается она. — Не знаю почему, но людские представления о счастье и справедливости в большинстве случаев приобретали очертания строгих математических фигур и формул. На них приятно смотреть, но жить в их рамках, по их законам — невозможно.

Последний план Ауровилля серьезно отличается от первого. Это более сложная и продуманная система. Но в ее основе по-прежнему четыре элемента: индустриальная зона, где размещаются и будут еще размещаться абсолютно чистые экологически, безотходные предприятия Ауровилля; зона для жилья, где будет представлен весь спектр вариантов современного человеческого жилища — от сверхэкспериментального до традиционного; культурная зона, в которой будут размещены исследовательские институты (их в Ауровилле уже несколько), а также кинотеатры, театры, библиотеки, видеотеки, фонотеки, парки с аттракционами и играми, стадионы и спортивные площадки; и наконец — интернациональная зона, где разместятся, по замыслу архитектора Роже Анже, павильоны всех стран, представленных в Ауровилле, где каждая страна в постоянных экспозициях расскажет о своем искусстве, культуре, языке, образе жизни своего народа. Если взглянуть сверху на план этого города, то увидишь модель вращающейся Галактики.

Почему большая часть того, что есть в плане города, еще не построена? Ответ прост: потому что все ауровилльцы строят своими силами, которых не так уж много. Это во-первых. А во-вторых, потому что мало денег.

Впрочем, не так все тут просто. Начать хотя бы с того, что по замыслу, по первоначальной идее, деньгам, финансам, коммерции вообще не было места в городе духовного совершенствования. Предполагался натуральный товарообмен и коммунальная складчина. Считалось, что презренный металл, погубивший многие благие начинания, и чистота духовных помыслов — несовместимы.

Очень скоро жизнь поправила их, и они хоть и с сожалением, но согласились, что заблуждаются. Нельзя быть пресноводной каплей океана, где вода, как известно, солоня. В Ауровилле возникли и стали развиваться коммерческие предприятия, доход от продукции которых шел на оплату расходов, на питание, образование, одежду, строительство домов, на зарплату людям наконец. К примеру, деньги от продажи компьютеров «Аурэлека» (за стоит каждый компьютер 40—50 тысяч рупий) идут на нужды образования, на бесплатные школьные завтраки.

До недавнего времени финансовые дела города вело общество имени Шри Ауробиндо, объединявшее крупных финансистов и промышленников, которым, вероятно, льстила причастность к интеллектуальному эксперименту века. Постепенно члены общества с удивлением обнаружили, что несколько сотен чудачков, поселившихся здесь, и то, чем они занимаются, вызывают колоссальный интерес в мире: от туристов нет отбоя, ученые считают своим долгом побывать в Ауровилле. Он становится меккой мировой интеллигенции. В возбужденном золотым звоном воображении отцов общества имени Ауробиндо возник некий «диснейленд» для интеллектуальной элиты, и отцы принялись за дело. Решено было воздвигнуть в Ауровилле несколько суперсовременных домов для туристов, кемпин-

ги, оборудовать соответствующим образом пляж, словом, сделать город из убыточного прибыльным.

Но не тут-то было! Ауровилльцы восстали. Потому что на сей раз угроза гибели эксперимента, угроза извращения идеи стала абсолютно реальной. Разразился скандал. Тогда общество отказалось финансировать нужды и программы Ауровилля. В городе закрылись школы, свернулись многие исследования.

К счастью, очень быстро в конфликт вмешались правительство Индии и ЮНЕСКО. Ауровилль, его главная идея были решительно взяты под защиту. Однако и ауровилльцам пришлось брать в свои руки собственные финансовые дела. Так в городе появился банк, а в нем счет, которым распоряжаются коллективно, собираясь на свои генеральные ассамблеи. Но теперь для ведения городских рутинных дел ауровилльцы избирают исполнительный комитет. Сейчас в нем семь человек — самые опытные жители города. С двумя из них — Фредериком и Кришной — я говорил. Первый — тренер, второй — учитель. Работать в исполкоме для них — общественный долг, не дающий никаких привилегий. В любое время каждый может отказаться от членства в исполкоме и быть переизбранным. Тогда же в Ауровилле возникли службы административные, водо- и электроснабжения, информации, планирования...

И все же я не мог не задать вслух один вопрос (хоть я симпатичен мне ауровилльцы, но истина дороже): а нравственно ли это — жить в энергетическом поле пусть даже самой светлой, благородной идеи, растить в себе человека будущего, когда за границами этого поля духовности голод, нищета, детская смертность? Но скоро я понял, что ответ уже есть, его дала жизнь.

С самого начала ауровилльцы были поставлены в сложнейшие условия: земля, на которой им предстояло построить город, была изъедена эрозией, иссечена сплошь и рядом глубокими оврагами, ее плодородный слой смыт дождями. И они начали настоящую битву за эту землю. Разработали и построили системы водозадержания, дамбы, распределители грунтовых вод. Они посадили несколько миллионов деревьев, корни которых стали держать почву, не давая ей возможности уплыть вместе с тропическими дождями. Это колоссальный труд, который, кстати, продолжается в Ауровилле и по сей день. Важно и другое. Они научили, как сохранить землю, жителей тамилских деревень, окружающих Ауровилль, которые вначале не верили в их затею. Ауровилльцы были терпеливы и деликатны, объясняя преимущества нового земледелия, обучая крестьян современным его методам и приемам.

У меня на столе лежит синяя тетрадь. В ней — несколько десятков поразительных исповедей тамилских детей, которым Ауровилль дал блестящее образование в своих четырех школах. Дал интересную работу, открыл мир, о котором их родители не могли и думать. Они росли, воспитывались, учились здесь свободно вместе с детьми Ауровилля. Никто никогда не разделял их и не разделяет по сей день. Они тоже ауровилльцы.

Я был в ауровилльской больнице, хорошо оснащенной, замечательно выстроенной. Врачи-ауровилльцы высочайшей квалификации ведут здесь прием деревенских жителей. Почти каждый местный крестьянин на учете в этой больнице.

Меня поразило, с каким рвением ауровилльцы изучали труднейший язык планеты — тамилский. Зачем, если в ауровилльских школах всех тамилских детей обучают, в зависимости от их желания, английскому или французскому? А затем, объяснили мне, что мы на этой земле — гости, а в гостях положено говорить на языке хозяев. Глубокое, непоказное уважение, искренний интерес к коренному населению, понимание своего высокого долга, а точнее, миссии — вот это в Ауровилле закон, о котором не говорят, для которого следуют неукоснительно и взрослые, и дети.

Город на заре

Последний день моей командировки. Кончились школьные каникулы у маленьких ауровилльцев. Рано поутру Санджив повел меня в школу, где он учительствовал. Конечно, это было интересно: увидеть школу необычной архитектуры, очень уютную, без намека на казенщину, всю в зелени, фонтанах и фонтанчиках, с маленькими классными комнатками, в каждой из которых не больше шести учеников, и с просторными библиотеками, где занимаются и учителя, и дети (в расписании есть и такой урок: библиотека — просто чтение в свое удовольствие).

Но, пожалуй, самое интересное заключалось в том, что Санджив в этот день пришел в школу не для того, чтобы учить детей английскому языку. Он попросил коллег подменить его на месяц-другой. Почему? «Понимаешь, — объяснил он, — меня заинтересовала одна проблема в труде Ауробиндо. Я ощутил потребность исследовать ее глубже, может быть, написать по этому поводу статью. Я полагаю, мне потребуется для этого месяца два».

Я уже знал, что основополагающий принцип жизни в городе — каждый делает то, что он хочет. Захотел учитель заняться исследовательской работой — пожалуйста. Захотел ученик изучить, предположим, историю индийской культуры — ему найдут преподавателя и подберут в библиотеке книги. При этом никому не придет в голову проверять, действительно ли Санджив пишет свою работу, действительно ли ученик занимается. Все-таки я спросил Санджива: «Ты напечатаешь свою статью?» «Не знаю, — ответил он, — не это главное. Главное, что я сам выясню для себя то, что меня интересует».

Чувствую, однако, что у строгого читателя припасен вопрос: что же это получится, уважаемые товарищи, если каждый будет заниматься тем, чем ему вздумается? Если мне завтра не захочется на работу, а захочется, к примеру, с удочкой на бережок? А если вообще никуда не захочется? Откуда, спрашивается, возьмутся материальные блага, да и кто мне заплатит за безделье с удочкой? Резонный вопрос. И я его ауровилльцам задавал. И мне объяснили, что, во-первых, как показал двадцатилетний опыт, больше двух месяцев безделья человек в Ауровилле не выдерживает; во-вторых, если ты, как Санджив, решил посвятить себя на время научной работе или, к примеру, почувствовал прилив вдохновения и тебе захотелось сочинить симфонию, — тебе гарантированы в месяц от 450 до 600 рупий. Деньги, конечно, небольшие, однако позволяют жить.

А таких, которые ничем не заняты, в Ауровилле нет, потому что каждый делает то, что ему интересно. А интерес хоть к чему-то у человека есть всегда. А ну как все кинутся в композиторы да в архитекторы — кто землю пахать будет? — слышу я вопрос оппонента. И беру в руки ауровилльскую статистику за прошлый год.

Значит так. Наибольшее количество ауровилльского люда почему-то не в музыканты подались и не в архитекторы, а в учителя и как раз в сельскохозяйственные рабочие. Еще, правда, в сферу обслуживания. Дальше по численности идут строители, рабочие и только потом администраторы, ученые и архитекторы.

А композитор в Ауровилле один, с русским именем Игорь. Однажды в местной газете «Ауровилльские новости» мы с Сандживом прочитали приглашение Игоря, в котором он созывал к себе домой всех желающих послушать «Бориса Годунова». Гарантировалась хорошая запись, отличные голоса солистов Большого театра. Я приехал к Игорю, когда музыка уже звучала. В просторном удобном доме человек двадцать. Шофер Бернар, повар Рома, учитель Бага, учитель Дипти, тренер Фредерик, ученый Полетт, архитектор Глория... Все разместились на полу, лежат, сидят, стоят — слушают. Сам Игорь за компьютерным пультом в наушниках.

Нет, почему-то не тянет всех ауровилльцев поголовно в композиторы. Наверно, потому, что тут, кроме тяги,

еще и талант неплохо бы иметь, и специальные знания. А вот менять профессии, пробовать свои силы в неизвестном деле в Ауровилле любят. Здесь это принято и поощряется. Каждый третий ауровиллец становится поочередно строителем, рабочим на ферме, поваром, садовником, продавцом, учителем, журналистом...

Но главный их труд не виден и не угнетен статистикой. В чем смысл его? Шри Ауробиндо написал о нем так: «Личность не должна подчиняться массе или сливаться с ней. Но должна найти истину бытия в самом себе и выразить ее и таким образом помочь человечеству в поисках истины и полноты бытия. Все это и должно быть целью человеческого существования».

Что значит найти истину в самом себе? Как ищут эту истину в Ауровилле? Боюсь, что ответить на эти вопросы будет сложнее всего, потому что, если результат тренировки атлета — мускулатура, развитое тело — в конечном счете виден, то мускулы души, нравственное совершенствование взглядом не различишь, оно в каждодневных поступках, в новых ощущениях, в новых потребностях, в новых ценностях, новых мыслях. На этом рабочем месте нет выходов, потому что каждый новый день должен быть маленьким шагом в познании себя, в понимании того, что в тебе плохо, что хорошо, что надо изменить.

Помните, наше путешествие по Ауровиллю началось с огромного ажурного шара с башенным краном наверху. Это Матримандир — храм Матери. По замыслу архитекторов, в центре шара будет просторная площадка, на которую люди будут подниматься по нескольким лестницам снизу. В центре площадки — большой кристалл. Сложная система зеркал через отверстие сверху направляет в кристалл солнечный луч. Преломляясь в кристалле, он рассыпается на тысячи солнечных осколков. Хватит каждому, кто придет на площадку для медитации. Матримандир построен специально для того, чтобы человек спокойно и сосредоточенно мог заглянуть в себя, понять, увидеть таким, каков он есть на самом деле. А увидев и поняв, попробовать изменить себя.

Медитация — слово, нам почти неизвестное. А увидев людей, находящихся в состоянии самососредоточения, в 99 случаях из 100 непременно решим: молятся. Что делать — десятилетиями мы отдавали все, что касается духовности человека, религии, церкви. В лучшем случае, искусству. Оттого, может быть, при слове «духовность» мерещатся нам непременно кадило да Ветхий завет. Оттого, думается мне, нет и по сей день советских людей в Ауровилле. Хотя и сами ауровилльцы по этому поводу недоумевают («Интернациональный город без советских людей — немислим»). Да и нам бы не грех удивиться наконец-то. Тем более, что в 1966 году на конференции ЮНЕСКО в Париже советский представитель А. А. Фомин горячо поддержал идею Ауровилля. Поддержать-то поддержал, но потом, как бывало это не раз, аппаратный шепот о «чужой нам философии», о «мистике и религиозности» оказался громче, чем усиленные микрофонами слова советского представителя в ЮНЕСКО.

...Я получил приглашение на ритуал, который происходит в Ауровилле раз в году. По темноте, за час до рассвета, все ауровилльцы, без исключения, собираются в центре города в огромной каменной чаше. В полной темноте на площадке зажигают костер. Отблески пламени освещают лица — сосредоточенные, спокойные...

Костер погас, когда первые лучи рассвета появились из-за горизонта, высветили решетчатое тело Матримандира, огромный баньян, обнесенный каменной скамьей, чашу, в которой все собралось. В первых лучах солнца я увидел из всех — человечество Ауровилля — и поразился: все они были вместе, объединенные одним каменным амфитеатром, но каждый из них сидел отдельно на его ступенях, сохраняя и в этом коллективе единомышленников суверенитет и неприкосновенность своего внутреннего мира. Так они и запомнились мне: все вместе и каждый отдельно в городе рассвета, в городе на заре — так переводится «Ауровилль» с французского.

Первый раз мы были в гостях у Святослава Николаевича Гериха зимой 1985 года. Большая усадьба на окраине Бангалора, вокруг лес — или сад? — с пригорка над озером вид открывается совершенно среднерусский. Много собак. Совсем ручные обезьяны. К озеру на водопой приходят слоны. Зелень, солнце, краски, — игра света на лицах. Улыбки. Чай с лимоном, «порусски». Удивительно щедрый на тепло и свет человек. Петербургский выговор. Уверенная рука. Иногда почти мальчишеское озорство. Поразительные глаза под вроде бы сердито наслупленными бровями.

Картины: Христос. Возлюби ближнего своего, как самого себя. Глаза оленя. Лицо художника.

Горы. Как внезапно открытое окно, с хлынувшим потоком голубого ветра.

Портреты. Живые лица.
Божественная Точность.

И после каждой встречи — долгие — мысленные — диалоги, длинные — никогда не написанные — письма, живые — всегда живущие — воспоминания.

Луч света, который упал на тебя и осветил дорогу.

Не хочу пересказывать содержание бесед, не буду описывать все встречи. Потому что если попытаться это сделать, потеряется что-то важное. Замечено также, что порой нам говорят истину, и нам кажется, что эта истина — не такое уж откровение, что мы знали ее всегда, просто не могли или не считали нужным высказать. Это как раз и важно, что кто-то может высказать, и высказывает, и делает это с точностью предельной.

И я не устану слушать, когда мне говорят: «Будем стремиться к прекрасному. Будем завтра делать то, что мы делали сегодня, хотя бы немного лучше. Не будем бояться ничего, и все будет хорошо. Мы будем думать о вас».

Потому что это не пустые слова.

И каждый раз — огромный заряд теплой энергии, чувство очищения от зла, чувство благодарности за дар.

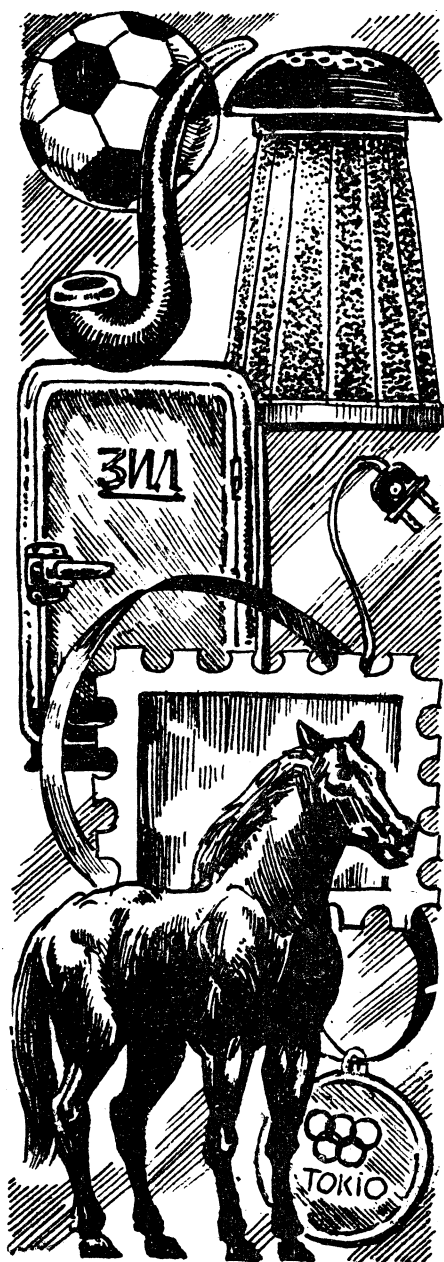
Не нарушение заповеди — не сотворение кумира. Просто — стремление к источнику света и добра.

Мистер Майкл Брин, австралийский друг семьи Рерихов, много лет отдавал составлению уникальной коллекции слайдов с картин обоих художников, отца и сына, фотографируя их в разных музеях мира, в частных собраниях. И это — не будучи профессиональным фотографом, хотя его слайды можно увидеть, например, в альбоме, выпущенном «Авророй». Мы познакомились с ним летом 1987, а в следующий раз встретились уже зимой 89-го, и он спросил меня: «Хотите, я пришлю вам слайды картин?» Я ответила, что мечтаю их хотя бы увидеть. Тогда мистер Брин сказал: «Я обязательно пришлю вам слайды, но обещайте, что вы покажете их как можно большему числу людей. Люди должны смотреть на эти картины, потому что они несут в себе очень важную идею», — он употребил слово message, что также означает — послание, сообщение, если хотите, — поручение.

Будем же смотреть на них, и пусть каждый увидит свое.

Вернисаж

Рисунок
Игоря Кожевникова

СОЛОНКИ НА ТРИСТА СТОЛОВ.

Первую солонку — фарфоровую собачку, которая положила начало всей коллекции, — москвичке Галине Борисовне Колтыпиной привезли друзья из Риги. Дарили знакомые, покупала сама Галина Борисовна, благо, солонка — излюбленный предмет сувенирной промышленности. Все мы знаем помидор с пробкой-стеблем, а таких забавных солонок, оказывается, много: гриб, пенек, поросенок с дырочками на пяточке, ослик с двумя бочонками — двойная солонка, желудь, бычок... Всего триста штук набралось в коллекции.

ГДЕ ДЕРЖИТЕ, ПРОФЕССОР?..

Ульрих Хельман из ФРГ собирает крупногабаритную коллекцию. Она насчитывает 130 бытовых холодильных аппаратов!.. При всем нашем почтительном отношении к профессорским квартирам, трудно себе представить — какое же нужно помещение, чтобы расставить такое количество холодильников!

СО ВСЕГО СВЕТА. В центре Лозанны открыт музей, экспозицией которого стали две тысячи курительных трубок, собранных со всего мира швейцарским антикваром Жаком Шмидом.

Свыше пяти тысяч экспонатов, собранных за сорок лет жизни, составляют еще одну необычную коллекцию, хозяином которой является американец Лу Ландрес из города Исака, — это шарик. Судя по тому, что есть пластмассовые, деревянные, костяные, владелец собирает не только стеклянные новогодние шарик: очевидно, есть и рыбацкие атрибуты, и мячики — ведь принцип один, чтоб были круглые...

ВСЁ О ЛОШАДЯХ. Книжки, открытки, марки, статуетки, статистические данные — всё, что касается лошадей — собирает английский археолог К. Метьюс. По его данным, в Европе число лошадей за тридцать лет возросло в 2 раза, в США — чуть не в два с половиной. Интересно, какие данные по России?.. Неужели перестройка на фермерскую политику не добавит нам лошадей?

У мавританского коммерсанта Салах Бен-Акиба — коллекция «с лошадиным уклоном» более конкретная. Правда, в ней копии, но замечательно сделанные — настоящими мастерами и по точным описаниям. Эта коллекция содержит 90 попон — коня

Александра Македонского Буцефа, лошадей Франциска I, «монголов» Сухэ-Батора... Но есть один подлинный экспонат: попона скакуна английского принца Чарльза.

МЕДАЛИ НЕСОСТОЯВШИХСЯ ОЛИМПИАД.

XII Игры должны были пройти в Японии в 1940 году, но ввязавшаяся в войну Япония вынуждена была от них отказаться. Игры были перенесены в Финляндию, но и там не состоялись... То же самое было с XVI Олимпиадой в 1956 году, перенесенной из Стокгольма в Австралию из-за эпидемии и карантина на лошадей. Тем не менее медали были отчеканены по намеченному пункту, — их имеет в своей коллекции пражский инженер Франтишек Халуш. Конечно, обладатель крупнейшей в мире коллекции олимпийских медалей и памятных знаков располагает и символами «не перенесенных» олимпиад.

МОРЯК ВСЕГДА МОРЯК... За долгую морскую службу Петер Мюриц из ФРГ собрал четыреста флагов, вымпелов и стягов флотов всех стран. В дни семейных рождений его домик на холме напоминает плывущий по морю корабль, украшенный судовыми флагами.

Еще один отставной моряк — англичанин Томас Морфи — охотно может показать желающим, как вяжутся 102 вида морских узлов. Он держит для этого в доме коллекцию канатов — обычных пеньковых, китайских плетеных тросов, прочнейших манильских, светящихся нейлоновых...

КАК К ЭТОМУ ОТНЕСТИСЬ?..

Француз Эмиль Трамони попал в «Книгу рекордов Гиннеса» за то, что собрал картину из 80 тысяч марок. Филателисты тотчас же обвинили Трамони в святотатстве. Конечно, в ход пошли марки из его собственного собрания, но, наверно, он все-таки «неорганизованный» коллекционер... Что ж, своя рука — владыка.

«ТАЙНАЯ» КОЛЛЕКЦИЯ. Да, не всякому покажет свою коллекцию западногерманец Отто Бернштайн. Дело в том, что им собраны ругательства и оскорбления народов 72 стран на 39 языках. Интересно, что к этому занятому делу Отто Бернштайна потянуло с десятилетнего возраста.

У Сокровище ПОД НОГАМИ

двери маленького галантерейного магазина на Флит-Стрит зазвонил колокольчик. До закрытия оставалось 15 минут, и хозяин уже не ждал посетителей. Дверь открылась, и в магазин торопливо вошел покупатель. Он так спешил, что у входа споткнулся о какой-то грязный булыжник и чуть не упал.

— Какого черта вы бросаете у порога камни? — раздраженно заметил он хозяину.

— Простите, бога ради, но этим куском стекла я много лет, и особенно в жаркие дни, подпираю дверь, чтоб держать ее открытой. А сегодня по рассеянности, закрывая магазин, забыл отодвинуть стекло в сторону.

— Стекло? — удивился посетитель.

Он наклонился к камню, внимательно посмотрел на него и положил на прилавок. Затем незнакомец извлек из кармана носовой платок и с большим усердием стал оттирать окатанную поверхность булыжника.

Хозяин сразу заинтересовался необычными действиями покупателя:

— Позвольте, я вымою его под краном, это будет быстрее.

Когда камень был отмыт, владелец магазина и сам удивился его прозрачности и блеску. Посетитель долго разглядывал камень на свету, чем-то царапал, а затем вдруг обратился к хозяину:

— Позвольте представиться — доктор Ивкенс. Я изучаю естественные науки, а в частности минералогию. Смею вас заверить, что вы много лет подпирали дверь уникальным кристаллом бесцветного топаза. Предполагаю, что он с Цейлона. Вы можете стать богатым человеком. Продайте его музею.

Хозяин магазина был настолько изумлен, что не мог вымолвить и слова.

— Да, кстати, я же зашел купить булавку для галстука, так как сегодня намереваюсь посетить оперу. Однако я могу и опоздать.

Хозяин помог доктору Ивкенсу выбрать булавку, но деньги взять отказался:

— Пусть эта булавка будет для вас памятью о столь неожиданном открытии. Сегодня в моей жизни забываемый день!

В коллекции минералов Британского музея естественной истории хранится крупный, бесцветный, окатанный, призматический кристалл цейлонского топаза весом в 6 кг, который много лет провалялся под ногами у покупателей галантерейного магазинчика.

Бриллиантовая застезжка

7 мая 1724 года в Кремле все было готово к коронации Екатерины I. Граф Шереметев тихо переговаривался с Воронцовым:

— Матушка, Екатерина Алексеевна, на престоле венчается в короне, коя вся сплошь сочинена из крупных алмазов, бриллиантов и перлов небывалой величины. И у всей оной короны виден только один цветной камень — рубин весьма чистый, величиной с большое голубиное яйцо.

— А какова мантия! — искренне восхищался Воронцов. — Из золотого шелка, подбита горностаем и вышита двуглавыми орлами. Гордая поступь, величественная осанка, живой взгляд — вот она, царица всероссийская!

Шесть камергеров поддерживали мантию, на которой сверкала бриллиантовая застезжка. Архимандриты пели псалмы: «Милость и суд воспою тебе, Господи!» На золотой подушке Екатерине поднесли корону. Раздался пушечный залп.

— А слышали ли вы о скандале с бриллиантовой застезжкой? — прошептал Шереметев. — Она обошлась казне в колоссальную сумму. Делал ее немец — ювелир Рокентин, да так полюбил свою работу, что добровольно не смог отдать, а симулировал кражу. За неделю до коронации вдруг объявил, что застезжку, дескать, злодеи украли, а сам спрятал ее в доме у своего племянника. Ночами сон потерял, все тревожился, надежно ли укрыл. Накануне коронации послал Рокентин племяннику записку со слугой, чтоб тот застезжку из дому вынес да в саду закопал. В слугах у него состоял старый дядька, бывший служивый, еще с Петром на Азов ходил. Так он с этой запиской к городовому. «Не позволю, — говорит, — матушку-царицу чужеземцам обирать». Обман и раскрылся. В доме обыск учинили, застезжку нашли, а служивому Екатерина Алексеевна самолично сто рублей пожа-

ловали. Теперь ювелира в Сибирь ссылают вместе с племянником на вечное поселение.

— Так его, шельму, будет знать, как наше русское воровать!

Бриллиантовая застезжка к мантии, которую готовили к коронации Екатерины I, как утверждают газеты того времени, обошлась казне в 100 тысяч золотых рублей.

Фальшивые рубины

Ранним утром к парадному ювелира Рени подъехала коляска, из которой поспешио вышел граф д'Арджо.

— Посмотрите на эти камни, — взволнованно проговорил граф. — Вчера в клубе я купил их у женеvского коммивояжера. Камни потрясли меня, я был в восторге и потерял бдительность. После, сопоставив факты и обстоятельства, при которых была заключена сделка, я понял, что он шарлатан. Для женеvского коммерсанта он слишком хорошо владеет французскими манерами. Но камни, камни превосходны! Уж не фальшивы ли они?

Ювелир разложил на ладони три крупных рубина, внимательно рассмотрел их и задумался. Камни были безукоризненной чистоты, без включений и мелких трещин, искусно ограненные бридетом, пайделом и голландской розой.

— Уж очень они хороши для натуральных, — задумчиво произнес ювелир Рени. — Попробуем их на твердость.

Он взял один из рубинов и поцарапал им топаз в своем перстне на левой руке. На топазе осталась царапина.

— Твердость несомненно высокая, ровно 9, какую и следует иметь рубину. Если бы это была стекляшка, то топаз бы не поцарапался.

Граф облегченно вздохнул.

— Однако цвет меня все же смущает, хотя это ничего не доказывает. Оттенков у рубинов может быть очень много. — Рени достал из нагрудного кармана лупу с большим увеличением и посмотрел на камни. Лицо его засияло.

— Вижу, вижу, маленькие сферические пузырьки воздуха! Ах, какая необычная загадка! Камни вроде как бы и настоящие, но вроде как и фальшивые. Об этих странных рубинах я уже слышал, но в руках держу впервые. Они несомненно из

Лариса ВАРЛАШКИНА

Сказы о самоцветах

Франции. Некоторые господа высказывают предположение, что эти рубины изготовили в результате плавления обломков настоящих рубинов. Но я-то знаю, что это невозможно. Восхитительные камни, я бы дал за них дорожку, чем за настоящие!

Да, действительно, откуда было знать незадачливому ювелиру, что он держал в руках первые в мире синтетические рубины, которые в 1891 году удалось получить французскому ученому Огюсту Вернейлю. Эти синтетические яхонты по твердости, цвету, плотности, блеску не отличались от природных.

Хитрый подарок

В Царском Селе праздник. В Екатерининском дворце императрица давала бал. Приглашены гости знатных фамилий. Екатерина II, разодетая в меха, золото и бриллианты, появилась в окружении своих фрейлин. Григорий Александрович Потемкин, желая обратить на себя внимание царицы, явился во дворец в шляпе, которая вся сияла бриллиантами, но из-за большого веса носить на голове ее было невозможно. За Потемкиным неотступно следовал адъютант со шляпой в руках.

— Господа, взгляните на этого шеголя, графа Ланского. Он все же не удержался и напялил этот камзол с бриллиантовыми пуговицами, кои ему матушка Екатерина Алексеевна поднесла. Говорят, дворцовый бриллиантщик Позье оценил их в 100 000 рублей. Каково! Пуговицы за любовь! — злословил Потемкин, явно завидуя Ланскому.

Подъехала карета. Из нее вышел граф Григорий Орлов. В руках он держал небольшой футляр для ювелирных украшений. При виде Орлова, который был в милости у императрицы, все расступились и смолкли. Он четким гвардейским шагом подошел к царице и, низко поклонившись, протянул открытый футляр. Там в небольшом углублении на черном бархате сверкал бриллиант чистой воды, ограниченный «розой», с голубоватым оттенком, в 190 каратов. Все замерли от изумления. Императрица положила камень на ладонь и стала рассматривать. Лицо ее сияло. Она приказала выставить бриллиант для обозрения.

— Да этого быть не может, чтоб Гришка — и такой подарок! У него больших денег отродясь не было. Я его, прохиндея, знаю, — багровея от злости, шипел Потемкин.

Прусский посол, граф Сольмс незамедлительно поспешил прямо из Царского отправить депешу королю Фридриху:

«Сего дня, ноября 24, 1773 года,

граф Орлов поднес императрице вместо букета алмаз, купленный им за 400 000 рублей у банкира Лазарева. Камень был выставлен в тот же день при дворе».

Молоденькая фрейлина княжна Голицына, глядя на бриллиант, искренне восторгалась: «Нет, господа, Орлов бесподобен!»

Благодаря этой невинной фразе, как утверждают историки, бриллиант, бывший «Амстердамский», «Лазаревский», получил свое новое и последнее имя — «Орлов».

Есть версия, что у Орлова действительно не было денег на покупку такого дорогого камня. Екатерина, увидев старинный индийский бриллиант у Лазарева, очень захотела его иметь. Если бы она купила этот камень сама, то двор ее осудил — казна нуждалась в средствах, чтобы подавить мощное восстание Пугачева. Но, как и всякая женщина, поразмыслив, она прибегла к хитрости, подговорив своего фаворита купить бриллиант за деньги из государственной казны. Несмотря на то, что граф Орлов в этой истории выполнил лишь роль подставного лица, камень увековечил его имя «Орлов» вставлен в золотой державный скипетр и хранится в Алмазном фонде СССР.

Открытие Нордельштильда

Было это в 1834 году, при Николае Павловиче. Служил тогда на уральских изумрудных коях минералог Нордельштильд. Раз по весне собрался он на Троицкий прииск.

— Зябка нынче на прииск ехать, дождался бы, пока снег спадет, — уговаривал слуга Тихон своего барина.

Нордельштильду и самому не хотелось тащиться по ухабистой дороге двенадцать верст, но пора было докладывать в Петербург о том, как идет сыск и добыча изумрудового камня.

В главную шахту вела мокрая покосившаяся деревянная лестница. Нордельштильд, закутавшись в колесную одежду и покрыв голову непромокаемым плащом, осторожно спускался за приказчиком Степановым, который освещал дорогу фонарем. Минералог обошел все штреки и отметил, что воды много и метаном пахнет, но это заботы, его не касаемые.

Когда Нордельштильд уже собрался отъезжать, к нему подошел старый горщик и показал кристалл зеленого цвета. Приказчик было закричал: «Куды морду суешь?», но минералог пожелал выслушать старика, так как относился к местным

горщикам с уважением. «Народ он хоть и пьяноватый, но в камне толк понимает».

— Ночне из занорыша струганец вынул. Думал на изумрудовый камень — но ошибся, с тумпасом тоже не схож.

Нордельштильд принял от мужика камешек, подумал, что берилл, сунул в карман и по причине большой усталости забыл о нем.

Вечером, приехав к себе на Монежную дачу, минералог приказал Тихону зажечь все свечи и почистить сюртук. Когда Тихон такими лапшами стал терзать сюртук, из кармана выпал камешек и закатился под стул.

— Экий ты, брат, неуклюжий, угловатый, все роняешь, бешь. Вот прикажу тебя на шахту отдать — вспомнишь спокойную жизнь! Покажи, что упало?

Нордельштильд изумился. Тот самый зеленоватый кристалл, который ему подал горщик, был красного цвета. Минералог сел к столу и принялся изучать камень. Эка диковинка! О подобном световом эффекте, присущем некоторым минералам, он знал, но этот камень был особенным.

Нордельштильд неторопливо обмакнул перо в чернила и стал сочинять записку в Минералогическое общество.

«17 апреля сего года на изумрудных коях мной был найден неизвестный доселе минерал, меняющий свой цвет при искусственном освещении с зеленого на красный. Сингония ромбическая, сам прозрачен, излом раковистый, твердость высокая — 8,5. Смею подозревать в нем минерал группы хризобериллов и прошу учинить ему строгие испытания в лабораториях...»

Утром, прибрав у барина в кабинете, Тихон бросил взгляд на вечерашний камешек, а он уже из красного опять в зеленый превратился.

— Неужто бес искушает? — подумал Тихон и перекрестился.

17 апреля 1834 года в Петербурге шумно отмечался день рождения наследника престола. Старшему сыну Николая I, будущему императору Александру II исполнилось шестнадцать лет. В честь него и был назван александритом, новый минерал считающийся с той поры истинно русским камнем. Но мало кому из нас доводилось видеть природный александрит. Искусственный же, часто применяемый в ювелирных украшениях, имеет с ним очень отдаленное сходство.

Первый бриллиант

— Да, я тщательно скрываю свои истинные замыслы. Кто не умеет притворяться, тот не умеет цар-

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Марат ШИШИГИН

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзии, публицистики,
молодежных проблем)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28—30 строк на странице
По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Союзпечати».
Бракованные экземпляры
отправлять в типографию издательства
«Уральский рабочий».

Сдано в набор 06.05.91.
Подписано к печати 27.06.91.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,92.
Усл. кр.-отт. 11,34.
Тираж 400 000.
(1-й завод: 1—200 000).
Заказ 354.
Цена 80 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
620219, г. Свердловск, ул. Тургенева, 13.

На 1-й стр. обложки и 3-й стр. вкладки
репродукции картин Святослава
Рериха.

© «Уральский следопыт», 1991

80

СКАЗЫ О САМОЦВЕТАХ □ Я. Варлашнина

ствовать. Мои самые сильные страсти — охота и женщины, но и они не могут отвлечь меня от взятых обязательств — управлять государством, — тихо говорил Людовик XI, беседуя с коннетаблем Сен-Полем, одним из первых баронов Франции.

— Наш общий враг, Карл Смелый, герцог Бургундии, при дворе которого вы желанный гость, — продолжал Людовик, — имеет самую лучшую армию в Европе, и я должен знать все, что делается в лагере моего врага. Из достоверных источников мне известно, что Карл собирается захватить замок Грансон и швейцарские земли, но у швейцарцев нет даже конницы.

— Что вы, ваша светлость! — возразил Сен-Поль. — Герцог играет в детские игры, ему не до армии. Каря стал обладателем древнего индийского алмаза — чистого и прозрачного, как слеза ребенка. Он пригласил ко двору фламандского шлифовальщика, некоего Луи де Бергема из Брюгге, и велел ему огранить алмаз, пообещав за работу три тысячи золотых флоринов. — Сен-Поль сделал паузу, желая убедиться, интересует ли это Людовика.

— Продолжайте, барон, это забавно. Я давно знаю за Карлом страсть к драгоценностям.

— Как известно, алмаз самый твердый камень, и гранить его можно самим же алмазом. Карл решил, что если на алмазе появятся паутинка граней, то он засверкает с большей силой. Герцог не пожалел отдать фламандцу множество мелких алмазов для изготовления шлифовального порошка. Порошок наносится на металлические диски, которые вращаются в специальном станке, но впрочем, мастер держит это в большом секрете. Фламандец работал несколько месяцев. Герцог терпеливо ждал. Наконец работа была завершена, и Луи де Бергем торжественно вошел в покои Карла, держа в руках серебряное блюдо, где на бархатной подушке, сверкая гранями, лежал алмаз.

— Откуда, барон, вы располагаете такими подробностями? — усомнился Людовик.

— Я имел честь присутствовать и доложу вам, что зрелище было потрясающим. Мастер попросил открыть окно и пустить лучи утреннего солнца. Он поднес камень к свету, и алмаз засверкала всеми гранями, как пожар. Теперь камень имел вид персиковой косточки и двойную огранку в 32 грани, хотя и потерял при этом 48 каратов. Герцог был в восторге. Он взволнованно ходил по гостиной, не выпуская камня из рук, и приговаривал: «Блестящий, блестящий...»

С тех пор ограненные алмазы называют бриллиантами, так как в

перевод с французского «блестящий» созвучно слову «бриллиант». Предполагается, что Карл Смелый, герцог Бургундии, действительно владел древним алмазом «Санси», о котором идет речь и который в 1475 году впервые огранил мастер из Брюгге.

Дорогие башмаки

На даче графа Строганова, что на Выборгской стороне, за Малой Невкой, каждый праздник устраивались большие обеды с фейерверками, оркестром и танцами.

Ждали князя Репина.

— Да что это, господа, князь задерживается. Не в его манере к обеду запаздывать, — волновался хозяин.

Князь Репин приехал только к десерту. Он был взволнован.

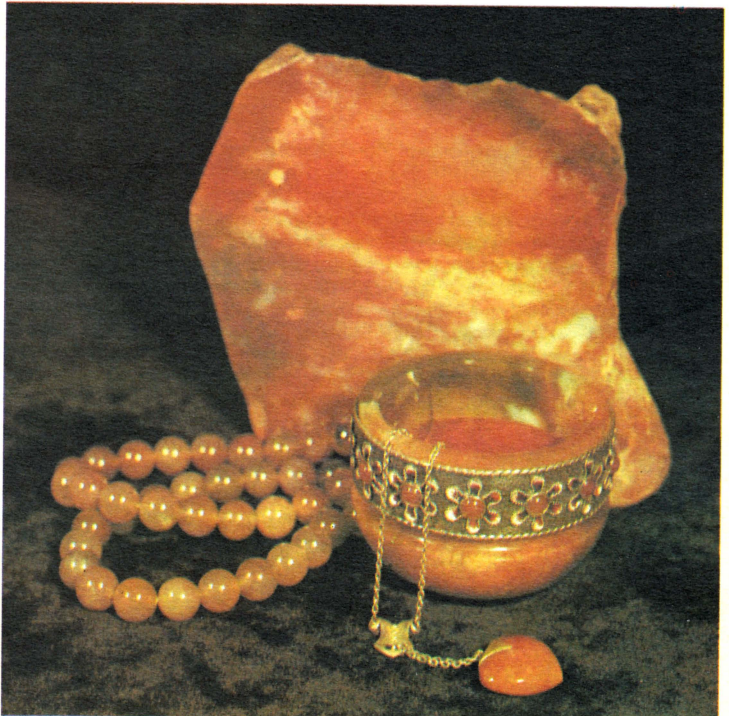
— Вот, господа, оказия какая приключилась. Приказал камердинеру подавать одеваться. Он башмаки мне подносит, а пряжки золотые с бриллиантовыми бантами в два ряда срезаны. Я шуметь. А он: «Незнамо, как сие сделалось!» Болван! Ну, я вас, негодяев, думаю, живо на чистую воду...

Вышел через парадное, сел в карету да поехал. Как за угол свернули, незаметно выскочил. Зашел в дом с черной лестницы, в кухню, мышью в гостиную проскользнул и стал вести наблюдения из-за портьеры. В доме все тихо, новая горничная Авдотья окна протирает. Вдруг слышу шаги. Подходит к ней сзади камердинер и мои пряжки с башмаков прилаживает к ее ушам вместо сережек, а та, дура, смеется. «Будешь, — говорит, — моей, бриллиантами одарю». А она ему: «Я и так согласная». Ах, каналья! И такая меня досада разобрала. Что же ты, окаанный, башмаки изуродовал? Спросил бы девку загода, а затем уж и злодейство свое сотворял. Эти пряжки придворный бриллианщик Дювала мастерил, они мне в двадцать тысяч золотом обошлись.

В свое время в Петербурге одной из жемужин русской культуры был Строгановский дворец. Его коллекции славились по всей Европе. После революции этот дворец, как и Юсуповский, Шуваловский, Шереметьевский, был варварски разорен. По данным А. Мосякина, в 1931 году антикварная фирма «Рудольф Липке хаус» организовала аукцион «Строгановский дворец», на котором за бесценно распродавались фамильные иконы в драгоценных окладах, редкие образцы мебели, картины западноевропейских мастеров. С аукциона было выручено 613 362 доллара, и русские сокровища навсегда ушли за границу.

Фото Олега Капорейко

1103 - 69

У нас сегодня нет более дефицитного «товара», чем культура общения, диалога, взаимного доверия. Конечно, всякий род деятельности может быть окрашен в чудесный цвет человечности. Но есть такие сферы приложения сил души и ума, которым этот цвет особенно к лицу. В их ряду — родиноведение, происшедшее, наверно, от какого-то забытого нами или захватанного до неузнаваемости понятия, обозначающего сыновнюю привязанность человека к той частичке плоти земли, что дала ему жизнь.

Наши рубрики «Краеведческая копилка», «Краеведческий бумеранг», «Юность отцов», «Документы рассказывают», «Давным-давно» и другие приглашают краеведов, писателей, историков к поиску, спору, диалогу. Отдел готовит публикацию документальных очерков о последнем пути семейства и двора русского царя Николая II из Царского

Села к трагическому финалу в Екатеринбург, Алапаевске и Перми. Журнал расскажет о жизни и судьбе советского военачальника Сергея Мрачковского, казачьего генерала А.И. Дутова. Мы продолжим публикацию литературных портретов представителей династии Демидовых.

Карта малых городов России пополнится у нас Бирском, Кушвой, Кунгуром.

Хотелось бы с помощью читателей и авторов продолжать рассказ о памятниках истории, культуры, быта в городах, деревнях и селах нашей родины, их возрождению и реставрации. Этим темам служат у нас рубрики «Память» и «Ждет защиты».

Журнал продолжит обзор и толкование всех двенадцатых праздников русской православной церкви.

На «Заветную полку» библиофилов и любителей старой книги, не потерявшей

своей магической силы и в наши дни, поставим башкирский дневник забытого книжника и литератора С.Р. Минцлова, очерк погибшего в сталинских застенках писателя, автора «Уральского следопыта» 1935 года В.А. Вогау — о предшественнике декабристов на Урале Андрее Лоцманове. Готовим также публикацию забытой приключенческой повести О. Качулковой «Робинзоны в русском лесу».

В новом году краеведческие страницы «Уральского следопыта» будут щедро предоставлены истории и культуре села — вечного пасынка нашего отечества, постоянно обреченного на пагубные социальные эксперименты.

Место экзотических растений на последней странице журнала займут самые обыкновенные обитатели наших огородов — постараемся найти об известном неизвестное.

Отдел краеведения

уральский Следопыт-92

...Инспектор Аллофс прибывает в служебную командировку на планету Несс — и тотчас безошибочно определяет наметанным глазом нынешний статус этого нового для себя мира: глухая космическая провинция!.. Впрочем, оно и понятно. Чтобы вырваться из пут провинциальности, войти на равных в круг развитых миров, нужен свободный доступ к Дальнему Космосу. Нужна Большая База. И у колонистов, многие десятилетия обживающих Несс, уже давно, собственно, готов тщательно разработанный проект такой базы, определено и единственно пригодное на этой почти сплошь залитой водой планете место для будущего космопорта. Дело за немногим — получить на строительство разрешение Земли. В этом-то

и заключается миссия Аллофса — именно он должен взвесить все «за» и «против».

Читателям, уже знакомым с творчеством Геннадия Пращкевича, надо полагать, совершенно ясно, что легкой жизни у инспектора Аллофса — в новой повести «Анграм-VI» — уже не будет...

Среди особо запомнившихся публикаций наши постоянные подписчики до сих пор нет-нет да и вспоминают роман «Срубить Крест», печатавшийся в «Уральском следопыте» более десяти лет назад. Судьба не была слишком благосклонна к автору этого романа Владимиру Фирсову (1925—1987). Лишь после его смерти увидел свет первый небольшой авторский сборник его произведений «Звездный эликсир». Как и

десять лет назад, по-прежнему существует лишь в рукописи его «Сказание о Четвертой Луне»...

На страницах нашей «Аэлиты-92» вы сможете прочитать, наконец, эту динамичную и ничуть, пожалуй, не устаревшую повесть, герои которой активно борются против кровавого и выморочного тоталитарного режима.

Опубликуем мы в будущем году и новую повесть Владислава Крапивина «Лоцман», завершающую его цикл «Во глубине Великого Кристалла», и новые произведения других наших авторов — и хорошо известных читателям, и таких, для кого публикация в «Уральском следопыте» станет первой. Наконец, разнообразнее и, надеемся, интереснее обещают стать материалы традиционного нашего «Заочного КЛФ».